

А. А. ПЕСКОВА
А. В. СТРОКОВА

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ
ВИЗАНТИИ
В «СИРИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Б. И. И В. Н. ХАНЕНКО

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
NATIONAL MUSEUM OF THE HISTORY OF UKRAINE**

Anna Peskova and Liudmila Strokova

**CHRISTIAN ANTIQUITIES OF BYZANTIUM
IN THE «SYRIAN COLLECTION»
OF BOGDAN KHANENKO
AND VARVARA KHANENKO**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg – Kiev
2012**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

А. А. Пескова, Л. В. Строкова

**ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ВИЗАНТИИ
В «СИРИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Б. И. и В. Н. ХАНЕНКО**

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург – Киев
2012

УДК 930.26
ББК Т4(2)431

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»*

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории
материальной культуры РАН*

Научный редактор *А. Е. Мусин*

Рецензенты:

доктор ист. наук, профессор *А. Н. Кирпичников*
доктор ист. наук, профессор *С. В. Белецкий*, доктор ист. наук *А. В. Курбатов*

А. А. Пескова, Л. В. Строкова. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. — Санкт-Петербург; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. — 224 с.

Книга является первой публикацией научного каталога византийских крестов из знаменитой «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко, хранящейся ныне в Национальном музее истории Украины (НМИУ) в Киеве. Основу каталога составляют главным образом нагрудные кресты-реликварии, приобретенные, по свидетельствам современников, известным коллекционером и меценатом Б. И. Ханенко у инженера, работавшего на строительстве железной дороги в Дамаске (до 1914 г.).

Каталог крестов «сирийской коллекции» дополняется четырьмя византийскими процессионными крестами, поступившими в собрание Ханенко в те же годы, но из других источников, а также небольшой группой византийских крестов неизвестного происхождения из собрания НМИУ.

Настоящее издание представляет собой полноцветную публикацию византийских крестов из коллекции Ханенко, что позволит ученому и музейному сообществу свободно привлекать эти материалы для атрибуции разнообразных крестов византийского круга, а широкой общественности подарит встречу с прекрасными образцами византийского искусства.

This book is the first publication of scientific catalogue of the Byzantine crosses from a famous “Syrian collection” of Bogdan Khanenko and Varvara Khanenko, which is now stored in the National Museum of the History of Ukraine (NMHU) in Kiev. The core of the catalogue is devoted to pendant crosses-reliquaries that were purchased (according to his contemporaries) by Bogdan Khanenko, a well-known collector and art patron, from an engineer who worked at a railway construction in Damascus (before 1914). Also, the catalogue of crosses from the “Syrian collection” includes four Byzantine processional crosses, which were incorporated into Khanenko’s collection from other sources in the same years, and a small set of Byzantine crosses of unknown origin from NMHU’s collection.

This book is a full-color publication of Byzantine crosses from Khanenko’s collection; it opens up a possibility for scientists and museum community to use these items to attribute various crosses of the Byzantine range; moreover, the book gives the public a chance to become familiar with wonderful examples of Byzantine art.

ISBN 978-5-85803-453-7

© А. А. Пескова, Л. В. Строкова, 2012
© Национальный музей истории Украины, 2012
© Институт истории материальной культуры РАН, 2012
© Петербургское Востоковедение, 2012

9 785858 034537

ОТ АВТОРОВ

Идея создания каталога крестов-реликвариев из «сирийской коллекции» Богдана и Варвары Ханенко возникла еще в 2002 г., когда в Национальном музее истории Украины отбирали кресты-энколпионы для книги «Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв.» [Корзухина, Пескова, 2003]. Тогда еще не вышли в свет фундаментальные каталоги крестов-реликвариев Л. Дончевой-Петковой и Б. Питаракис. И нам было понятно, что многообразие типов византийских крестов в «сирийской коллекции» Ханенко уникально и что публикация этой коллекции будет полезной и важной для ряда специалистов и для работников музеев, а также что это значительно поможет ряду музеев атрибутировать подобные памятники христианской металлопластики в своих коллекциях.

Работа по подготовке к публикации крестов из «сирийской коллекции» Ханенко стала возможной при поддержке грантом РГНФ (проект № 05-01-01379а) в 2005—2006 гг., когда была выполнена основная ее часть. В последующие годы появились новые публикации по данной теме, благодаря новым аналогиям были сделаны существенные дополнения и уточнены некоторые датировки. Дальнейшее изучение архивных материалов показало, что в данный каталог необходимо включить приложение с описанием четырех процессионных крестов из коллекции Б. И. Ханенко как неотъемлемую часть неизданного III выпуска «Крестов и образков...» его коллекции.

Большую помощь и содействие в подготовке коллекции к изданию нам оказали многие специалисты из ведущих научно-исследовательских и музейных центров Санкт-Петербурга, Киева и Севастополя. Прежде всего хотелось бы поблагодарить генерального директора Национального музея истории Украины С. М. Чайковского и хранителя коллекции Ханенко заведующую сектором Ю. Г. Безкоровайную за благоприятство и постоянную помощь в работе с коллекцией, а также сотрудников Музея исторических драгоценностей Украины Д. В. Клочко, Ю. А. Белана, М. В. Панченко и В. В. Каштанова (НМИУ), осуществивших фотосъемку крестов и техническую обработку фотоснимков и рисунков. Ю. Н. Олейнику (НМИУ) — наша признательность за перевод на английский и украинский языки резюме и аннотации к настоящему изданию. Коллегам из Национального музея искусств имени Богдана и Варвары Ханенко — В. И. Виноградовой, Е. А. Крамаревой, Е. Е. Чуевой — приносим искреннюю благодарность за консультации по истории музея, помощь в работе с документацией, архивом, в подборе фотографий из архива музея, заведующей отделом Национальной исторической библиотеки Украины М. И. Мальцевой-Чмиль — за оперативную помощь в подборе необходимой литературы.

С особым чувством благодарности и грусти хотим вспомнить безвременно ушедшую из жизни киевскую художницу Татьяну Валентиновну Прохорову, которая трепетно, с любовью и так мастерски сделала все прорисовки крестов-реликвариев.

Мы благодарим Мишеля Терещенко и издательство «Ника-Центр» за предоставление фотографии из семейного архива Терещенко и разрешение на ее публикацию, а А. М. Стрельчука — за фотосъемку домов 22 и 24 на Дворцовой набережной, связанных с жизнью семей Ханенко и Терещенко в Петербурге.

Большое значение для атрибуции крестов из коллекции Ханенко, понимания их места в кругу памятников христианской металлопластики Византийской империи имела работа с собранием византийских крестов в фондах Государственного Эрмитажа и Херсонесского музея-заповедника, где мы неизменно чувствовали понимание и поддержку сотрудников, особенно В. Н. Залесской и Т. Ю. Яшаевой.

Постоянную помощь и поддержку нам оказывали сотрудники Библиотеки и Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а также друзья и коллеги, щедро делившиеся с нами своими книгами, новой информацией и полезными советами. Всем им мы хотим выразить свою глубокую признательность.

Особую благодарность выражаем научному редактору этого издания доктору исторических наук и кандидату богословия А. Е. Мусину за ценные советы, консультации, дополнения и конструктивные предложения.

ВВЕДЕНИЕ

«Сирийские», «сиро-палестинские», «ближневосточные» энколпионы и «кресты Святой земли» — все эти названия уже более ста лет используются исследователями как общее определение для очень большой и долгое время никем не дифференцировавшейся группы византийских в широком понимании крестов, чаще всего нагрудных крестов-реликвариев.

История «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко, речь о которой пойдет ниже, с момента появления ее в Российской империи между 1900 и 1914 гг. насчитывает к настоящему времени около ста лет. Кресты были приобретены супругами Ханенко, по свидетельству современников, у «инженера, участвовавшего в постройке железнодорожного пути в Дамаск и скупившего эти кресты во время землекопных работ». Они сразу вошли в науку как «сирийские» [Кондаков 1915: 104; Петров 1915: 25—26]¹.

На рубеже XIX и XX вв. значительное количество крестов из восточных провинций бывшей Византийской империи становится широко известно и доступно для исследования благодаря публикациям каталогов крупнейших музеев мира [Dalton 1901; Strzygowski 1904; Wulff 1909—1911]. В России в это время также публикуются кресты из частных и музейных коллекций, в том числе и редкие на Руси так называемые «сирийские» кресты [Леопардов, Чернев 1890—1893; Петров 1895; 1897; 1915; Тарновский 1898; Беляшевский 1900; Уваров 1908; Покровский 1909]. Самым удачным изданием стали два выпуска альбома Б. И. и В. Н. Ханенко «Древности русские. Кресты и образ-

¹ Свидетельство Н. П. Кондакова, упоминавшего только Дамаск, современные исследователи иногда повторяют не вполне корректно, называя несуществующий железнодорожный путь Дамаск—Багдад. Необходимо уточнить, что в начале XX в. в этом регионе одновременно строились **две** железные дороги — Багдадская (от Босфора к Багдаду) и Хиджаская (от Дамаска к Медине). Прямого железнодорожного сообщения между Дамаском и Багдадом не было, хотя от Багдадской дороги планировалось ответвление на Алеппо для последующего соединения с уже существовавшей к тому времени Сирийской железной дорогой ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Багдадская железная дорога](http://ru.wikipedia.org/wiki/Багдадская_железная_дорога)). Отдельные части Сирийской дороги были введены в строй незадолго до этого — в 1894 г. (Дамаск—Музериб) и в 1895 г. (Дамаск—Бейрут) ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Сирийская железная дорога](http://ru.wikipedia.org/wiki/Сирийская_железная_дорога)). Поскольку коллекция Ханенко была приобретена в Дамаске, можно думать, что в данном контексте речь идет, скорее всего, об отдельных участках Сирийской железной дороги, а также о Хиджаской дороге, строившейся в 1900—1908 гг. по инициативе султана Османской империи Абдул-Хамида II. Для сообщения с морским портом от Хиджаской дороги тогда же была проложена железнодорожная ветка между Дера и Хайфой, открытая уже в 1905 г. ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Хиджаская железная дорога](http://ru.wikipedia.org/wiki/Хиджаская_железная_дорога)). Руководство строительством осуществлял немецкий инженер Генрих Август Майснер (1862—1940), работавший в Османской империи с 1887 г. и удостоенный почетного титула «паша» за свой вклад в осуществление этого проекта (Интернет-ресурс: www.israelreport.ru/science/3363/gerakl-pod-zheleznodorozhnymi-relsami).

ки» (1899—1900). Кресты и образки «сирийской коллекции» Ханенко готовились к публикации в III выпуске этого альбома. Но издание так и не состоялось. Отдельные кресты-реликварии из этой коллекции наряду с другими, в том числе херсонесскими, крестами вошли в двухтомную монографию Н. П. Кондакова «Иконография Богоматери» (1914—1915) в качестве иллюстраций древнейших иконографических типов изображения Богоматери. Привлечение к исследованию значительной серии крестов-реликвариев повлекло за собой и первые обобщения относительно их датировки и территории распространения. Н. П. Кондаков предложил первый вариант относительной хронологии: он считал древнейшими плоские кресты с врезанными изображениями, датируя их временем до IX в., затем, по его мнению, появились кресты с инкрустированными изображениями и, наконец, самые поздние — кресты с рельефными изображениями [Кондаков 1914: 258—259]. Тогда же был очерчен основной ареал находок таких крестов — все Средиземноморское побережье, преимущественно его восточная часть.

Идея сиро-палестинского происхождения традиции изготовления меднолитых крестов-реликвариев для паломников, увлекшая исследователей в самом начале их изучения [Dalton 1901; Strzygowski 1904; Wulff 1909—1911; Vosk 1906; Кондаков 1914; Миятев 1922; King 1928], долгое время оставалась неоспоримой, тем более что до второй половины XX в. целенаправленных исследований в этой области не проводилось. Она же во многом обусловила широко распространенную и, как в дальнейшем выяснилось, неверную датировку этих крестов VI—началом VII в., то есть временем до арабского завоевания Святых мест, поскольку считалось, что с этого момента дальнейшее развитие местной христианской культуры прекращается². Но уже на начальном этапе изучения ведущие российские византологи ясно осознавали необходимость «полной инвентаризации так называемых „сирийских“ крестов-энколпиев, найденных в Херсонесе и вообще на юге России» (Н. П. Лихачёв) (СПб. ФА РАН. Ф. 246. Оп. 1. Д. 131. Л. 10, 22—24). В начале XX в. Н. П. Кондаков писал: «В настоящее время в различных музеях или собраниях набралось этих крестов-складней уже несколько сот, и можно надеяться, что в ближайшем будущем они составят, наконец, предмет внимательного изучения и особой монографии, которой они вполне достойны» [Кондаков 1914: 258]. Прошло, однако, почти сто лет, прежде чем эта задача стала выполнимой.

В России советской эпохи интерес к изучению культовых памятников хотя и не был уничтожен окончательно, но в целом не поощрялся³. Поэтому статью Г. Ф. Корзухиной «О памятниках „корсунского дела“ на Руси (по материалам медного литья)», опубликованную в 1958 г., можно считать поистине этапной в изучении этой категории древностей, несмотря на то что «сирийские» энколпионы затрагивались в ней лишь попутно. Она вернула внимание исследователей культуры Древней Руси к давно забытым, а для нового поколения и неизвестным памятникам. В этой статье были определены специфика так называемых «сирийских» крестов-реликвариев, их принципиальное отличие от древнерусских энколпионов; было высказано сомнение в истинности

² Археологические исследования последнего времени опровергают это неверное представление, доказывая длительное существование христианских общин и их культурной активности в регионе [Meimaris 1989; Piccirillo, Alliata 1994].

³ Об истории и особенностях изучения христианских древностей в России XX в. см.: [Мусин 2009: 185—216].

общепринятой тогда датировки в пределах VI—XII вв.⁴ Необходимо отметить, что статья явилась своеобразным рефератом специального исследования, написанного Г. Ф. Корзухиной в 1949 г. и посвященного изучению древнерусских энколпионов, своего рода итогом работы над создаваемым ею каталогом⁵.

Дальнейшее развитие этой темы получило отражение во многих работах В. Н. Залесской, опубликовавшей большое количество византийских памятников прикладного искусства, в том числе и множество крестов-реликвариев. Ей принадлежат и первые в этой области обобщающие работы [Залесская 1965; 1970; 1970а; 1988]. Одной из важнейших среди них является статья 1988 г. «О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X—XII веках», в которой проанализирована вся накопившаяся к этому времени информация, названы и охарактеризованы основные иконографические типы и технологические группы, в целом определены зоны распространения крестов. Наконец, исследовательница указала на возможную связь мест изготовления «сирийских» крестов-реликвариев с местами почитания отдельных святых, их маририями⁶. В 1994 г. публикуются кресты из коллекции РАИК в Эрмитаже [Залеская 1994: 110—175]. В 1998 г. в сборнике, посвященном культуре христиан на Востоке, более подробно раскрывается роль мелькитов — православных сирийцев в возрождении и распространении традиции изготовления крестов-реликвариев [Залеская 1998: 12—59].

В 70—90-е гг. XX в. в научном сообществе проявляется интерес и к изучению «сирийских» энколпионов, обнаруженных на территории Древней Руси и сопредельных земель. Редко, но публикуются новые находки [Кузнецов 1968⁷; 1971; Асташова 1974; Куницкий 1985; 1988], анализируются старые [Пуцко 1987], появляется первый аналитический обзор «ближневосточных» энколпионов, обнаруженных на территории Древней Руси [Куницкий 1990]. В 2003 г. выходит созданный на основе материалов, собранных в свое время Г. Ф. Корзухиной, и существенно дополненный одним из авторов этой книги каталог древнерусских крестов-энколпионов, в котором были учтены и проанализированы также и находки византийских, в широком понимании, крестов на Руси [Корзухина, Пескова 2003]. Начинают появляться новые публикации энколпионов, в том числе и «сирийских», из музейных собраний [Тимашкова 1991; Станчак 1993; Асташова, Сарачева 2006; 2007], вводятся в научный оборот новые археологические находки византийских крестов-рели-

⁴ «Время энколпионов отдельные исследователи определяют по-разному — от VI до XII в. Судя по комплексам, в которых найдены некоторые из них, полагаю, что время их изготовления следует искать ближе к XII, нежели к VI в.» [Корзухина 1958: 132].

⁵ Исследование Г. Ф. Корзухиной не могло быть напечатано в то время в полном объеме, даже под таким нейтральным названием, как «Памятники домонгольского медного литья» (РА НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—135). Полностью рукопись была опубликована только в 2003 г. как первая часть книги о древнерусских нагрудных крестах-реликвариях [Корзухина, Пескова 2003: 10—39].

⁶ В основе статьи В. Н. Залесской лежит исследование большой эрмитажной коллекции византийских крестов-реликвариев, вошедшее в состав ее кандидатской диссертации «Сирийский художественный металл византийского времени и его историческое значение (Вопрос о роли Сирии в прикладном искусстве Византии)», защищенной в ЛГУ в 1970 г. [Залеская 1970; 1970а].

⁷ Подробнее эта тема раскрывается в монографии В. А. Кузнецова «Христианство на Северном Кавказе до XV века» [Кузнецов 2002].

квариев [Мисько 1999; Пивоваров 2001; Томсинский 2002; Пескова 2004; Мурашева 2009; Асташова, Пушкина 2009; Пескова, Егорьков 2010].

Постепенно уточнялись представления об истоках традиции и о локализации мест изготовления этих крестов. Отметим, что уже в обзоре В. А. Куницкого попавшие на Русь византийские кресты названы не «сирийскими», а «ближневосточными» [Куницкий 1990], хотя географические рамки этого понятия в работе специально не оговаривались. В 1999 г. вышел обстоятельный обзор находок византийских нагрудных крестов-реликвариев в Центральной Европе, исполненный чешской исследовательницей К. Хорничковой [Horníčková 1999: 213—250]. В каталоге древнерусских энколпионов 2003 г. в соответствующих разделах речь идет также о византийских в широком смысле крестах. Подразумевается, что византийские кресты включают в себя как общеизвестные и повсеместно распространенные в восточнохристианском мире типы рельефных крестов, так и локальные, являющиеся производными вариантами, созданными на их основе в Балкано-Дунайском регионе, а также кресты с характерными врезанными изображениями молящихся святых и крестообразными композициями. Находки таких крестов локализуются преимущественно на Ближнем Востоке, точнее, на территории Малой Азии и в Сиро-Палестинском регионе [Корзухина, Пескова 2003, 41—59]⁸.

Такое представление о направлении развития византийских крестов формировалось главным образом на основе публикаций болгарских и румынских археологов [Dončeva-Petkova 1979; Дончева-Петкова 1992; 1992а; 2001; 2001а; 2002; 2006; 2006б; 2008; Атанасов 1991а; 1992; 2007; Атанасов, Йотов 1990; Атанасов, Йорданов 1994; Barnea 1967; Diaconu, Baraschi 1977; Barnea I., Barnea Al. 1984; Gudea, Cosma 1998; Mănucu-Adameșteanu 1984; 1984а; 1992; Мэнуку-Адамештеану, Полл 2010]. Введение в научный оборот большого количества новых памятников, происходящих из надежно датированных археологических комплексов, зачастую неизвестных ранее типов, существенно меняло общую картину истории бытования крестов-реликвариев в восточнохристианском мире. Это не всегда осознавалось даже самими авторами публикаций, продолжающими порой и сегодня пользоваться понятием «сиро-палестинские кресты» применительно ко всем византийским крестам-реликвариям либо только к группе крестов с характерными стилизованными изображениями святых и крестообразными композициями, нанесенными тонкими гравированными или глубоко врезанными линиями.

Наиболее четко и последовательно новый подход к изучению и пониманию этого явления отразился в работах Л. Дончевой-Петковой. Опубликованный ею в 2011 г. болгарский свод находок средневековых крестов-энколпионов включает 1350 крестов, в том числе 636 крестов-реликвариев [Дончева-Петкова 2011]. Это намного больше, чем в любом другом регионе восточнохристианского мира, за исключением Древней Руси⁹. Неслучайно именно

⁸ Необходимо подчеркнуть, что здесь и далее, говоря о ближневосточном происхождении тех или иных крестов, авторы имеют в виду территорию восточных провинций Византийской империи в Малой Азии (Анатолии) и Сиро-Палестинском регионе, а не всего Ближнего Востока в более широком общепринятом смысле этого географического понятия.

⁹ В корпусе древнерусских нагрудных крестов-реликвариев, включающем свыше 1700 экз., византийских крестов насчитывается немногим более 60 экз., остальные — собственно древнерусские [Корзухина, Пескова 2003: 41—59, табл. 1—15].

болгарские археологические материалы в последние десятилетия обеспечили возможность выявления локальных типов крестов, характерных для всего Балкано-Дунайского региона. Археологический контекст болгарских находок позволил существенно уточнить датировку отдельных иконографических типов крестов, как общераспространенных, так и местных. Появление самых ранних древнеболгарских крестов сегодня уверенно датируется концом IX—началом X в. [Дончева-Петкова 1992; 2006; 2008]. И это достаточное основание для того, чтобы окончательно отказаться от мысли о появлении этой категории предметов христианского благочестия уже в VI в.

Большим событием в изучении византийских крестов-реликвариев стало издание монографического исследования Б. Питаракис «Les croix — reliquaires pectorales byzantines en bronze» (Paris, 2006), в значительной степени воспринявшего выводы болгарских коллег. Исследование включает обширный каталог памятников (около 700 экз.), в том числе множество крестов (40 %), не публиковавшихся ранее [Pitarakis 2006: 17]. Оно дает достаточно цельное и относительно полное, многостороннее, хотя и несколько мозаичное представление об этом явлении в жизни византийского общества. Последнее во многом обусловлено характером изучаемых памятников, в большинстве своем лишенных историко-археологического контекста. Исследование Л. Дончевой-Петковой, напротив, базируется преимущественно на археологических материалах, к тому же достаточно хорошо датированных. Это дает редкую возможность проследить особенности бытования различных типов византийских крестов, а иногда и их трансформацию в одном из интереснейших регионов восточнохристианского мира. Две эти крупные монографии, посвященные византийским бронзовым крестам, в совокупности дают достаточно полное и разностороннее представление о развитии и масштабе этого явления в восточнохристианском мире в IX—XIII вв. Однако остается еще немало дискуссионных вопросов. Одним из сложнейших все еще является вопрос о роли Сиро-Палестинского региона в процессе зарождения и развития традиции широкого изготовления и использования бронзовых крестов-реликвариев в качестве предметов личного благочестия. Современные исследователи видят истоки традиции в Константинополе, отводя, тем не менее, Сирии особое место в развитии этой традиции.

Так, Б. Питаракис считает первоисточником создания моделей бронзовых крестов-реликвариев Константинополь, а главными центрами, где сосредоточивались мастерские по их изготовлению, — Константинополь и Антиохию. К этим центрам, по мнению исследовательницы, примыкает сеть европейских мастерских в Греции, Болгарии, Южной Италии и сеть малоазийских мастерских на Эгейском побережье, на побережье Черного моря и в Центральной Анатолии. Отмечается своеобразное развитие этой традиции в Центральной и Северной Европе, а также в Древней Руси [Pitarakis 2006: 165—177]. Однако в каталоге, определяя возможное место изготовления конкретных крестов, Б. Питаракис называет, как правило, Константинополь или Анатолию, а также Балканы. Сирия и конкретно Антиохия в этом контексте почти не упоминаются. На карте распространения византийских крестов-реликвариев, составленной Б. Питаракис, этот регион также выделяется крайне малой насыщенностью находками [Pitarakis 2006: 124, fig. 78].

В Антиохии единственной пока археологической находкой такого рода является серебряный с чернью крест-реликварий, происходящий из раскопок в монастыре Святого Варлаама в окрестностях города [Pitarakis 2006: 78]. В

приложении к своему каталогу Б. Питаракис приводит данные еще о семи бронзовых крестах-реликвариях, находящихся в коллекции Мишеля Кури (Michel Houry) в Бейруте и происходящих, по сведениям ее владельца, из Антиохии [Pitarakis 2006: 391—393, suppl. nos. 3—9]. Четыре из них представлены отдельными створками рельефных византийских крестов общераспространенного типа, еще три — створками крестов с врезанными изображениями молящихся святых. В той же коллекции есть бронзовый крест с рельефными односторонними погрудными изображениями пяти святых воинов в медальонах [Pitarakis 2006: 78—79, fig. 57], имеющий прямые аналогии среди находок, представленных в греческих музейных коллекциях [Pitarakis 2006: 78—79, fig. 55—56]. По мнению Б. Питаракис, все названные ею рельефные односторонние кресты с изображениями святых воинов, включая и греческие находки, могли быть изготовлены в Антиохии [Pitarakis 2006: 78]. Последнее нам представляется маловероятным, поскольку отливки по образцу рельефных крестов, как крестов-реликвариев, так и крестов с односторонними изображениями, могли сделать где угодно. Одним из аргументов исследовательницы является серебряный с чернью крест-реликварий из монастыря Святого Варлаама, на оборотной створке его представлена пятичастная медальонная композиция с погрудными изображениями Богоматери в центре, архангела вверху и трех святых воинов внизу и по бокам; на лицевой створке изображен распятый Христос, препоясанный набедренной повязкой [Pitarakis 2006: 126]¹⁰. Однако образцом для рассматриваемой группы односторонних крестов сегодня с большей уверенностью можно считать одну из створок драгоценного креста-реликвария, подобного тому, что хранится в соборе селения Матера (область Базиликата на юге Италии) [Смирнова 2010: 84—85, ил. 12]¹¹. На одной из его створок представлена, как и на рассматриваемых односторонних крестах, пятичастная композиция: в медальонах помещены рельефные изображения святых мучеников Феодора, Георгия, Димитрия, Пантелеймона и неизвестного святого. На другой створке «в центре — Василий Великий, вверху — Никола, по сторонам — мученики-воины Александр и Андрей, внизу — неизвестный юный мученик» [Смирнова 2010: 85, примеч. 48]¹². География находок и иконографический репертуар указывают на

¹⁰ Были изображения в медальонах на кресте-реликварии из монастыря Святого Варлаама рельефными или черневыми, что в данном случае принципиально важно, мы, к сожалению, не знаем, так как его исходная публикация [Djobadze 1986: 52—53, fig. 95—96] оказалась нам недоступной.

¹¹ Створка креста из селения Матера с рельефными изображениями святых в медальонах была отлита, по-видимому, из серебра, рельефные изображения позолочены, а плоскости между ними украшены пышным растительным орнаментом, мастерски исполненным чернью, насколько можно судить по фотографии, приведенной в работе Э. С. Смирновой. В статье нет данных о материале и технике изготовления креста, поскольку исследовательница лишь косвенно касается креста-реликвария из Матеры, только в связи с составом изображений. Исходная публикация памятника [Sciascio 2007: 360, 368, ill. at p. 361], к сожалению, нам недоступна.

¹² Кресты-реликварии этого типа пока являются большой редкостью. Вторая аналогичная находка происходит из коллекции Бертье-Делагарда в Крыму [Andrási et al. 2008: 133, pl. 137, cat. no. 130]. Оба креста серебряные, восходят, несомненно, к одной модели, однако на крымской створке черневый орнамент значительно проще, чем на кресте из селения Матера. Третья находка — створка, отлитая из медного сплава, купленная в Велико Тырново, хранится в Национальном историческом музее Болгарии в Софии [Дончева-Петкова 2011: 169—171, обр. 41, кат. № 601].

то, что исходная модель таких крестов разрабатывалась скорее в Константинополе, нежели в Антиохии. Таким образом, в коллекции М. Кури только три креста (с врезанными стилизованными изображениями святых) из восьми известных не имеют европейских аналогий, то есть могут быть с достаточной долей вероятности причислены к изделиям местных мастерских.

Сиро-палестинские земли в целом на карте распространения находок византийских бронзовых крестов-реликвариев также отмечены единичными археологическими находками [Pitarakis 2006: 124, fig. 78]. Одна створка с крестообразной композицией обнаружена при раскопках в местности 'Ain Dāra (примерно в 70 км от Алеппо) в слое, датируемом 969—1072 гг., откуда происходят еще шесть разного рода крестов [Pitarakis 2006: 130, 381, cat. no. 619]. С Иерусалимом связывают три находки — один рельефный крест-реликварий общераспространенного типа, одну створку с гнездами для вставок и фрагмент створки с углубленным изображением Богоматери с Младенцем [Pitarakis 2006: 131]. Единственный археологический экземпляр креста-реликвария в Цезарее/Кесарии (Израиль) оказался древнерусским крестом первой трети XIII в. [Pitarakis 2006: 131, 243, cat. no. 193; Корзухина, Пескова 2003: 212—216, табл. 138—141]. У восточных границ Византийской империи в Малой Азии на карте Б. Питараки отмечены еще две крепости, в средневековых наслоениях которых отмечается присутствие византийского гарнизона. В Tille/Geldibuldu на левом берегу Евфрата была обнаружена створка с углубленным изображением Богоматери с Младенцем [Pitarakis 2006: 130, 281, cat. no. 304], а в Gritille (в 10 км от Самсаты) — крест-реликварий с рельефными изображениями Распятия и Богоматери Одигитрии, имеющий исключительно европейские аналогии¹³ [Pitarakis 2006: 128, 245, cat. no. 197]. Случайный характер перечисленных выше единичных находок сегодня не позволяет говорить о какой-либо местной специфике крестов-реликвариев, свойственной именно Сиро-Палестинскому региону. В целом по составу известных на сегодня находок Сиро-Палестинский регион не отличается от византийских территорий в Малой Азии в последней трети X—XI в. И здесь и там встречаются, наряду с традиционными типами византийских крестов-реликвариев, и необычные кресты с углубленными схематичными изображениями молящихся святых и крестообразными композициями. Применительно именно к таким крестам чаще всего в литературе встречается определение «сиро-палестинские». При этом на территории Малой Азии преобладающими являются находки именно этой группы крестов-реликвариев. Забегая вперед, скажем, что публикуемые кресты «сирийской коллекции» в большинстве своем имеют близкие аналогии также на территории Малой Азии в этой же группе крестов. Эти наблюдения дают нам основание рассматривать **территорию Малой Азии и сиро-палестинские земли** в отношении развития традиции изготовления нагрудных крестов-реликвариев как **единый ближневосточный регион**.

Однако, по мнению Б. Питараки, именно в Северной Сирии, близкой к запасам полиметаллических руд, располагающимся на обширной территории от Киликии до Евфрата, могли успешно работать мастерские по изготовлению нагрудных крестов-реликвариев из медных сплавов, в том числе и для удовле-

¹³ Близкие аналогии кресту из Гритилле находят среди болгарских и древнерусских находок крестов-реликвариев, обнаруженных пока только в слоях XII—XIII вв. [Дончева-Петкова 2011: 169, 171—172, обр. 41, кат. № 602; Корзухина, Пескова 2003: 212—216, табл. 153).

творения запросов паломников, посещавших Святую Землю [Pitarakis 2006: 170—171]. Глубокие сирийские традиции развития художественного ремесла, связанного с обработкой металла, известные в основном по письменным источникам¹⁴, к сожалению, пока не находят прямого археологического подтверждения находками остатков производственных комплексов. Но и на территории Малой Азии они пока не обнаружены, даже в тех местах, где сосредоточено значительное количество находок крестов-реликвариев, таких, например, как Эфес/Сельчук (25 крестов-реликвариев) или Богазкой (72 креста разного назначения) [Pitarakis 2006: 78; Neve 1984: 341—342]. Тем не менее исследователям удастся выявлять отдельные категории меднолитых культовых предметов, уверенно относимых к продукции сирийских мастерских, в том числе характерные полусферические кадила, украшенные рельефными сюжетами христологического цикла [Залеская 1971: 84—91; Zaleskaya 1981: 933—938]¹⁵.

Таким образом, с появлением монографий Б. Питаракис и Л. Дончевой-Петковой определение «сирийские» («сиро-палестинские») кресты-реликварии, применявшееся до сих пор ко всему комплексу разнообразных византийских крестов, утрачивает, на наш взгляд, свое прежнее широкое значение, постепенно уступая место более корректному и более общему названию — «византийские». Возможно, прежнее название сохранится за какой-то группой ближневосточных крестов-реликвариев со схематичными углубленными изображениями святых и крестообразных композиций, но только в том случае, если на территории Сирии и Палестины будет обнаружена достаточно представительная и достаточно однородная серия памятников. Пока же большая часть находок крестов этой группы локализуется, как уже отмечалось выше, на территории Малой Азии.

«Сирийская коллекция» Ханенко, которая многие десятилетия была известна специалистам только по кратким упоминаниям Н. П. Кондакова и Н. И. Петрова, породила у исследователей надежду обрести в ней эталонные образцы сирийской христианской металлопластики. Непосредственное обращение к коллекции, изучение ее христианской части¹⁶, показало, что в ее составе, с одной стороны, отражено все многообразие византийских крестов, а с другой — содержится большое количество крестов с характерными глубоко или легко врезанными изображениями, которые действительно могли бы стать эталонными при решении данного вопроса. Однако целостность коллекции была нарушена почти в самом начале ее музейной истории, поэтому сегодня мы рассматриваем ее не как образцовую, а как редкое по разнообразию собрание византийских крестов, существенно пополняющее базу источников для изучения византийской и тесно связанной с ней древнерусской культовой металлопластики.

¹⁴ Обстоятельный обзор письменных источников по этому вопросу приводится в диссертационном исследовании В. Н. Залеской, специально посвященном изучению сирийского художественного металла византийского времени [Залеская 1970].

¹⁵ Одно такое кадио, датируемое X в., было найдено в 1896 г. на территории древнерусского летописного города Любеча в Черниговской губ. и куплено А. А. Бобринским для Эрмитажа [Залеская 1971: 84—86, рис. 1; 1998: 44, кат. № 50].

¹⁶ Напомним, что значительную часть «сирийской коллекции» Ханенко, хранящейся ныне в Национальном музее истории Украины в Киеве, составляют предметы, представлявшие повседневную материальную культуру Ближнего Востока. Об этом подробнее см. ниже.

На фоне недавнего выхода в свет упомянутых выше каталогов и сводок византийских нагрудных крестов-реликвариев Б. Питаракис, Л. Дончевой-Петковой и К. Хорничковой, а также прошедших конференций «Sacralia Ruthenica», приуроченной к 12-й Ежегодной встрече Европейской ассоциации археологов (Польша, Краков, 19—24 сентября 2006 г.), «Рим, Константинополь и новая Европа: археологические и исторические свидетельства» (Польша, Краков, 21—25.09.2010) и круглого стола «Хрупкие посланцы — византийские реликвии и реликварии в империи и за ее пределами» в рамках 22-го Международного конгресса византийских исследований (Болгария, София, 22—27.08.2011)¹⁷, немало способствовавших прогрессу в изучении этой категории памятников, публикация «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко приобретает особую актуальность, восполняя еще один существенный пробел в корпусе памятников византийской ставрографии.

Создатели коллекции и ее история¹⁸

С именами Богдана Ивановича (1849—1917) и Варвары Николовны Ханенко (1852—1922), известных коллекционеров и меценатов второй половины XIX—начала XX в., связано создание в Киеве двух музеев — Киевского художественно-промышленного и научного музея имени государя императора Николая Александровича (1899—1904) и Музея искусств Всеукраинской Академии наук (ВУАН) (1918—1921). История этих музеев и их коллекций сложна и временами трагична, что связано с историческими событиями первой половины XX в.

Богдан Иванович Ханенко — выходец из древнего украинского дворянского рода. История этого рода прослеживается с начала XVII в. Свое происхождение он ведет от запорожского казака Степана Ханенко и дочери польского старосты. Их сын Михаил был гетманом Правобережной Украины, внук Данила — лубенским полковником, правнук Николай — сподвижником гетмана Павла Полуботка, генеральным хорунжим [Жуковський 1980: 3546—3547; Ковалинский 1998: 357].

Богдан Иванович Ханенко родился 23 января 1849 г. в родовом поместье на Черниговщине, подаренном роду Ханенко гетманом Кириллом Разумовским. Образование получил в Москве: сначала в Первой московской гимназии, потом — на юридическом факультете университета, который окончил в 1871 г. со степенью кандидата права, получив назначение в Петербург, где работал судьей. С 1876 г. он член Варшавского окружного суда [Шовкопляс 1998: 13; Ковалинский 1998: 357]. К петербургскому периоду жизни относится его женитьба на Варваре Николовне Терещенко — старшей дочери крупного предпринимателя и мецената Николы Артемьевича Терещенко, ставшей его другом и соратником (рис. 1, 2).

Попав в атмосферу подъема художественной реалистической школы, Б. И. Ханенко знакомится и общается со многими ее представителями. У него пробуждается интерес к коллекционированию. Первыми полотнами в его собра-

¹⁷ См.: [Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006; Мусин 2008: 265—268; Rome, Constantinople and Newly — Converted Europe 2012; Fragile Ambassadors... 2011: 166—184].

¹⁸ Об этом см. также: [Пескова, Строкова 2006: 148—151; 2010: 396—404; Строкова, Пескова 2009: 132—139].

Рис. 1. Богдан Иванович Ханенко. Фото в интерьере его особняка (Архив НМИБВХ)

нии стали работы старых мастеров западных школ, приобретенные у антикваров. Супруги Ханенко за сравнительно короткое время (не только на Родине, но и за границей, в частности на аукционах Берлина, Вены, Мадрида, Рима и других городов Европы) приобрели значительное количество произведений отечественной и мировой живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства [Ханенко 1896; 2008].

Рис. 2. Варвара Николовна Ханенко. Фоторепродукция с утраченного портрета кисти А. А. Харламова (1840—1925) (Архив НМИБВХ)

В 1881 г. Б. И. Ханенко вышел в отставку с правительственной службы, и супруги переехали в Киев. Богдан Иванович занялся устройством образцового хозяйства в своих имениях. Он принимает активное участие в деловой жизни города и вскоре завоевывает авторитет в финансовых и промышленных кругах. Его избирают председателем Киевского комитета торговли и промышленности, членом правления Всероссийского общества сахарозаводчиков,

Рис. 3. Здание Киевского художественно-промышленного и научного музея (ныне Национальный художественный музей Украины). Фото Д. В. Ключко, 2007 г.

членом Совета съездов представителей торговли и промышленности в Петербурге, членом советов нескольких банков и других коммерческих организаций. С 1896 г. Б. И. Ханенко возглавляет управление делами Товарищества заводов братьев Терещенко. Вместе с тестем он принимает самое непосредственное участие в благотворительных проектах. Но наибольшая заслуга Б. И. Ханенко перед Киевом — это его собственное собрание художественных сокровищ и неутомимая деятельность по созданию Городского музея древностей и искусств [Ковалинский 1998: 360—361].

В 1897 г. было создано киевское Общество древностей и искусств, которое возглавил Б. И. Ханенко¹⁹. Это Общество и занималось организацией строительства и созданием первого городского музея. Здание для музея было построено на улице Александровской (ныне ул. Грушевского, д. 6) известным киевским архитектором В. В. Городецким по проекту П. С. Бойцова в неоклассическом стиле (рис. 3).

Уже в августе 1899 г. на первом этаже недостроенного здания музея была открыта выставка, посвященная XI Всероссийскому археологическому съезду, который проходил в Киеве. На выставке были представлены экспонаты, начиная с каменного века до эпохи Киевской Руси, переданные музею Император-

¹⁹ Киевское Общество древностей и искусств было создано на основе Общества поощрения художеств в 1897 г. Б. И. Ханенко был организатором этого Общества, ставившего своей целью собирание, научное изучение и охрану памятников истории и культуры. Его деятельность была направлена на создание в Киеве городского музея и приобретение для него экспонатов. Общество древностей и искусств существовало до 1908 г. [Киевское Общество... 1897: 1089].

ской археологической комиссией и частными лицами. Именно эти экспонаты стали основой археологического собрания будущего музея и первой его экспозицией [Строкова 2001: 8].

Освящение и официальное открытие детища Богдана Ханенко, получившего название «Киевский художественно-промышленный и научный музей имени государя императора Николая Александровича», состоялось 30 декабря 1904 г.²⁰ А через две недели в Петербурге Богдан Иванович «имел счастье представиться государю императору, которому благоугодно было милостиво припомнить время и место закладки здания, выразить удовольствие по поводу окончания сооружения музея и передать обывателям города Киева его монаршие пожелания дальнейшего развития и процветания музея» (ГАК. Ф. 304, Оп. 1. Д. 1: Телеграмма Б. И. Ханенко 18.01.1905 на имя киевского генерал-губернатора Н. В. Клейгельса; цит по: [Ковалинский 1998: 369]).

К этому времени музейное собрание древностей оценивалось в 134 тыс. рублей, и больше половины его составляла подаренная Б. И. и В. Н. Ханенко археологическая коллекция, состоявшая из 3145 предметов разных эпох [Ковалинский 1998: 370]. Семья Ханенко и Терещенко не только пополняли музей новыми экспонатами, но и субсидировали археологические раскопки.

Деятельность Б. И. Ханенко по созданию музея была отмечена пожалованием ему с 1 января 1910 г. звания действительного статского советника. Делая представление, киевский губернатор отмечал, что только «благодаря неустанным трудам и материальной поддержке Ханенко в настоящее время Киевский музей обладает обширными коллекциями в различных отраслях исторической науки, этнографии и художественной промышленности, служащими для развития среди местного населения интереса к родной старине и искусству» (ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 638. Д. 456; цит. по: [Ковалинский 1998: 370]).

После очередной смены власти в Киеве советское правительство декретом от 23 июня 1919 г. национализировало Киевский художественно-промышленный и научный музей, назвав его Первым государственным. Через 5 лет он стал Всеукраинским историческим музеем им. Т. Г. Шевченко. В 1935—1936 гг. музей был реорганизован, а коллекции перераспределены, на их основе были созданы Центральный исторический музей им. Т. Г. Шевченко (с 1991 г. — Национальный музей истории Украины, рис. 4)²¹ и Киевский музей украинского искусства (с 1996 г. — Национальный художественный музей Украины) [Ковтанюк, Шовкопляс 1999: 71, 72, 75—76, 78]. Археологические коллекции музея еще в 1930 г. были переданы вновь образованному Археологическому музею Института народного образования, который так и не открылся (в 1936 г. решение о музее было аннулировано, а коллекции вернули в Центральный исторический музей).

История коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко не менее сложна, а порой и драматична. Еще в 80-е гг. XIX в., получив от своего тестя Н. А. Терещенко участок земли по ул. Терещенковской, д. 15, Богдан Иванович с супругой по-

²⁰ Одновременно использовались и другие неофициальные названия — «Музей древностей и искусств» и «Киевский городской музей».

²¹ Здание, построенное в 1937—1939 гг. по проекту архитектора И. Ю. Каракиса (1902—1988) на Старокиевской горе (ул. Владимирская, д. 2), первоначально предназначалось для Художественной средней школы им. Тараса Шевченко. Музей размещается в этом здании с 1944 г. по сей день [Ковтанюк, Шовкопляс 1999: 63—80].

Рис. 4. Национальный музей истории Украины. Фото Д. В. Клочко, 2007 г.

строили дом, в котором разместили свою коллекцию²² (рис. 5). Благодаря изданным каталогам и альбому, выставкам в Петербурге в 1908 и 1914 гг., откликам в прессе и репродукциям отдельных картин коллекция Ханенко стала широко известной [Ханенко 1896; 2008; Воинов 1916: 1—12], а деятельность коллекционера получила высокую оценку художественной общественности: в 1910 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии художеств (рис. 6).

Богдан Иванович и Варвара Николовна Ханенко мечтали сделать свою коллекцию достоянием Киева, учредить общедоступный публичный музей, но помешала Первая мировая война. После продолжительной болезни 26 мая 1917 г. умер Б. И. Ханенко. Согласно завещанию, составленному за месяц до смерти, его капиталы перешли Киевскому художественно-промышленному и научному музею. Свою коллекцию он подарил городу Киеву с условием, что музей должен официально называться «Собранием Ханенко» и хранить целостность коллекции.

Варвара Николовна начала готовить коллекцию к преобразованию в музей. Вступив в сентябре 1917 г. в права официального владения коллекцией,

²² В Терещенковскую эта улица, в прошлом Алексеевская, была переименована в 1900 г., по случаю 80-летия крупного предпринимателя и мецената Николы Артемьевича Терещенко (1819—1903). Так киевляне отметили выдающийся вклад этого незаурядного человека в развитие города [Терещенко 2011: 30—31]. С той поры улица много раз переименовывалась, но в 1992 г. ей было возвращено название Терещенковская. Здесь, на участке, приобретенном Н. А. Терещенко, в 1887—1888 гг. и строился особняк, как принято считать, по проекту Р. Ф. Мельцера (1860—1929), сразу перешедший во владение супругов Ханенко.

Рис. 5. Особняк Ханенко в Киеве (ул. Терещенковская, д. 15). Фото 1890 г.
(Архив НМИБВХ)

Рис. 6. Б. И. Ханенко в интерьере зала-галереи своего особняка.
Фото начала 1900-х гг. (Архив НМИБВХ)

Рис. 7. С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 22 (дом семьи Терещенко, третий справа) и д. 24 (дом, где находилась петербургская квартира Б. И. и В. Н. Ханенко, второй справа). Фото А. М. Стрельчука, 2011 г.

она перевезла в Киев ее петроградскую часть, находившуюся в их квартире по Дворцовой набережной, д. 24²³ (рис. 7, 8). А 24 декабря 1918 г. В. Н. Ханенко, учитывая сложную политическую ситуацию в городе, составила дарственную и передала музей по ул. Терещенковской, 15 Всеукраинской Академии наук. В феврале 1921 г. было утверждено название Музея искусств ВУАН как «Музей имени Ханенко при Всеукраинской Академии наук»²⁴ [Історія Академії... 1993: 463].

Первый директор музея (1920—1925) — Николай Емельянович Макаренко, известный ученый, искусствовед, археолог, писал в 1924 г.: «Музей мистецтв імені Б. І. Ханенка та В. Н. Ханенко для України — то великий скарб, те саме, що для Росії Ермітаж (звичайно не таких розмірів), охоплює собою трохи чи не всі області художніх творів усіх європейських і східних народів» [Макаренко 1924: 11].

Варвара Николовна Ханенко умерла 7 мая 1922 г. Она была похоронена рядом с Богданом Ивановичем в Выдубицком монастыре в Киеве. В апреле 1924 г. название Музея — «Ханенковский» — было отменено «ввиду полного отсутствия за Ханенко революционных заслуг, связанных, так или иначе, со

²³ Петербургская квартира супругов Ханенко на Дворцовой наб., д. 24 находилась по соседству с домом племянника Варвары Николовны Михаила Ивановича Терещенко (Дворцовая наб., 22), бывшего в 1917 г. министром Временного правительства. Подробнее о нем см.: [Терещенко 2012].

²⁴ Название музея с 1921 г. по апрель 1924 г.

Рис. 8. Варвара Николовна Ханенко (слева) с племянником Михаилом и племянницами Пелагеей, Елизаветой и Надеждой Терещенко (по: [Терещенко 2012: 62])

служением идее пролетарской культуры» (Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 39. Д. 16. С. 212)²⁵.

Для музея наступили тяжелые времена. В 1925 г. его новым директором назначили И. И. Врону — больше партийного функционера, чем искусствоведа, он «с большевистским энтузиазмом» взялся за смену самой структуры музея. В конце 1925 г. Укрнаука²⁶ своим постановлением закрепляет за И. И. Вроной полномочия председателя комиссии «з вирішенням питань, що до єдності музейного фонду державних музеїв м. Києва та планомірного обміну речей відповідно до теми кожного музею» ([Корнієнко 2005: 21]; Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 41. Д. 27-а. С. 37). Фактически начался процесс уничтожения Музея искусств ВУАН с постепенной его реорганизацией в Музей западного и восточного искусства²⁷. В отчете музея за 1925 г. И. И. Врона пишет: «Вважати, що при загальному характерові Музею як західно-європейського й східного мистецтва знаходження в ньому речей, що цьому характерові не відповідають, є тільки марним завантаженням приміщень і, маючи на увазі існування у Києві Історичного музею, який спеціально збирає речі українські, Музей визнав слушним піти на зустріч проханню останнього, що до передачі йому таких речей зі складу своїх колекцій» [Корнієнко 2005: 19].

²⁵ С апреля 1924 г. по 1936 г. — Музей искусств при Всеукраинской Академии наук.

²⁶ У к р н а у к а (официальное сокращение) — Управление научных организаций.

²⁷ Название музея с 1936 г. по 1998 г. С 1998 г. по 2010 г. — Музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко. С января 2011 г. — Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко.

Рис. 9. Викентий Вячеславович Хвойка.
1899 г.

Процесс перераспределения фондов киевских музеев активно продолжался и в 1930-е гг. В это время из коллекции Музея искусств были изъяты и переданы в другие музеи портретная галерея самих Ханенко, археологическое собрание (значительную его часть составляли византийские предметы X—XI вв.), русская и украинская живопись, фарфор, стекло, ковры, вышивка, иконопись, ценное собрание древнего европейского и восточного оружия, уникальные изделия из драгоценных металлов великокняжеской эпохи и Византии [Корнієнко 2005: 22].

О существовании «сирийской коллекции» Б. И. Ханенко, приобретенной им до 1914 г., известно по упоминаниям в книгах его современников Н. П. Кондакова [Кондаков 1914: 258; 1915: 104] и Н. И. Петрова [Петров 1915: 25—26]. В настоящее время в Национальном музее истории Украины хранится коллекция под названием «Сирия» (инвентарный номер «в 4626»), в которой числится 332 музейных пред-

мета. Можно сказать, что она состоит из двух «сирийских коллекций», поступивших в музей в разное время. Коллекционная опись «в 4626» была начата в 1951 г., когда в музее шла новая инвентаризация, начало которой было положено еще в 1948 г., что было вызвано утратой основной части инвентарных книг в годы Второй мировой войны.

Первая часть «сирийской коллекции» состоит из 235 предметов из цветных металлов, стекла и камней. Это различные украшения и бытовые предметы. Согласно первому рукописному каталогу археологического отдела музея, начатому еще первым его хранителем В. В. Хвойкой (рис. 9), коллекция поступила в музей в ноябре 1923 г. из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко и происходит из Сирии (Рукописный каталог. Т. II, кн. IV. С. 116—117. № 24413—24724). Но, по всей вероятности, 1923 г. — это дата инвентаризации, а не поступления коллекции в музей. Данная часть «сирийской коллекции» могла быть передана Киевскому художественно-промышленному и научному музею только до 1917 г., так как Б. И. Ханенко умер именно в этом году, а перераспределение музейных коллекций началось с 1925 г. Существует несколько объективных причин тому, что коллекция не сразу прошла инвентаризацию. По свидетельствам современников, Первая мировая война, революция и гражданская война внесли большую сумятицу в музейную жизнь. Многие экспонаты были упакованы в ящики и так хранились несколько лет. Однако в 1923 г. коллекция насчитывала 312 предметов, а в 1951 г. — только 235 предметов. Разница может быть объяснена утратами, понесенными Киевским историческим музеем в годы Второй мировой войны [Строкова 2005: 23—28].

Многие археологические материалы исчезли бесследно, многие были депаспортизованы.

Вторая часть «сирийской коллекции» состоит из 96 различных крестов. Она была передана Центральному историческому музею (ныне Национальный музей истории Украины), как удалось выяснить, из Музея западного и восточного искусства (ныне Национальный музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко) в 1937 г. (Архив НМИБВХ. Оп. 1. Ед. хр. 44. Д. 6. С. 236—238, 307—309). К сожалению, в инвентарной книге Музея искусств за 1925 г. нет никакой информации о происхождении этой коллекции. Указано только, что это собрание Б. Ханенко (Инвентар Музею Мистецтв ВУАН. Книга № 2). Большую часть коллекции составляют византийские, так называемые «сирийские», кресты разной формы (74 ед.). Остальные кресты (20 ед.) — древнерусские; еще 2 предмета не являются крестами. Также в эту коллекцию была записана глиняная паломническая ампула с изображением св. Мины, попавшая сюда из собрания Киевского церковно-археологического музея [Петров 1915: 10, табл. VI, 10]²⁸. К этой же части коллекции относится еще одна створка «сирийского» креста-реликвария, записанная в инвентарную книгу вспомогательного фонда (шифр «вд»), поскольку в свое время она была депаспортизована, а также крест-реликварий, записанный в группу «Металл» (шифр «МТ»)²⁹. Таким образом, в коллекции насчитывается 76 «сирийских» крестов, из которых 20 створок складываются в 10 целых крестов-реликвариев.

В Центральный исторический музей кресты были переданы нашитыми на планшеты; согласно акту передачи 1937 г., поступило 10 планшетов. На момент инвентаризации коллекции в 1951 г. осталось 9 планшетов. В верхнем левом углу каждого планшета была надпись «Собрание Ханенко». Также на каждом планшете было написано «Таблица» и номер римскими цифрами, а под каждым предметом, помимо четырехзначного инвентарного номера Музея искусств (эти же номера белой масляной краской были написаны и на предметах), стоял трехзначный порядковый номер: XXXVII — № 365—373; XXXVIII — № 374—382; XXXIX — № 383—393; XLI — № 409—426; XLIII — № 436—444; XLIV — № 445—456; XLV — № 457—465; XLVI — № 466—474; XLVII — № 475—482. Как видим, в этом списке нет двух планшетов: XL — № 394—408 и XLII — № 427—435. Согласно акту передачи 1937 г., планшет XLII также был передан в Исторический музей. Данных о передаче планшета XL не обнаружено.

Судя по номерам таблиц и их организации, планшеты были основой для подготовки к изданию III выпуска «Крестов и образков...» коллекции Ханенко (первые два опубликованы в 1899—1900 гг.; последняя таблица этих коллекций опубликована в выпуске II альбома под номером XXXII — № 350—360). Между ней и первой из известных нам таблиц предполагаемого выпуска III получается разрыв еще в 4 таблицы, на которых могли быть помещены всего 4 предмета (по одному на каждой таблице): табл. XXXIII—XXXVI — № 361—364. По всей вероятности, на этих четырех таблицах были расположены четыре процессионных креста из собрания Ханенко, которые также были переданы в Исторический музей по акту 1937 г., но записаны были в дру-

²⁸ Примечательно, что у Н. И. Петрова написано, будто ампула происходит с Крита.

²⁹ Данный крест включен в «сирийскую коллекцию», так как он запечатлен на негативах В. В. Хвойки (см. настоящий каталог, № 52), хранившихся в Историческом музее и ныне утраченных. Подробнее об этом см. ниже.

Рис. 10. Гали Фёдоровна Корзухина
(ФО НА ИИМК. Кол. 1373/18.
Нег. I 65735)

гие инвентари. Такая организация материала не характерна для рассматриваемого издания и требует в дальнейшем прояснения. Состав таблиц, поступивших в Исторический музей, сегодня известен благодаря архивным записям Г. Ф. Корзухиной (рис. 10), которая в 1949 г., работая с коллекцией Ханенко, переписала номера крестов из 9 доступных ей таблиц (эта же информация подтверждается и инвентарной описью НМИУ): с XXXVII по XLVII, за исключением отсутствовавших таблиц XL и XLII (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 29—32). Как видим, таблица XLVII является последней известной нам таблицей готовившегося издания. «Сирийские» и древнерусские кресты размещены на них вперемешку. Это и послужило причиной того, что после снятия крестов с планшетов при создании новой послевоенной описи в «сирийскую коллекцию», поступившую некогда от семейства Ханенко, были записаны и немно-

гочисленные древнерусские кресты, происходившие из той же коллекции. Таким образом, в Киевском историческом музее (ныне НМИУ) эта коллекция крестов была записана в «сирийскую» коллекционную опись «в 4626», поскольку, во-первых, большая часть крестов на планшетах были «сирийскими», во-вторых, она также происходила из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко.

В Музее искусств ВУАН данная часть «сирийской коллекции» не значилась как одна коллекция. Об этом свидетельствуют четырехзначные инвентарные номера на крестах в диапазоне от № 4074 до № 4765 (это для 118 единиц хранения), нанесенные белой масляной краской, судя по ряду признаков, во время инвентаризации 1925 г. В опись кресты записывались небольшими группами, в основном по планшетам³⁰.

Что же касается «сирийского» происхождения крестов, то документов, прямо подтверждающих это, пока не обнаружено. Большая часть архива Ханенко была сожжена после смерти Варвары Николовны ее сестрой Ольгой. Часть же сохранившегося архива, которая хранится в Национальном музее искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, в настоящее время находится в процессе систематизации.

По свидетельству Н. П. Кондакова, Б. И. Ханенко приобрел большую коллекцию крестов и образков у инженера, работавшего на строительстве железной дороги в Дамаск (Сирия) [Кондаков 1914: 258; 1915: 104]. Н. И. Петров в «Альбоме достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии» упоминает о двух коллекциях металлических

³⁰ Г. Ф. Корзухина считала эти номера инвентарными номерами коллекции Ханенко (РА НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 32 об.).

крестиков, которые Б. И. Ханенко приобрел в Дамаске и на острове Крит [Петров 1915: 25—26]. Безусловно, речь идет именно о публикуемой ныне коллекции крестов, которая, по всей вероятности, была приобретена до 1914 г. и вошла в историю под названием «сирийской коллекции» Ханенко, по-видимому, объединив в себе обе части. Существуют и косвенные свидетельства, указывающие на принадлежность рассматриваемой группы крестов именно к «сирийской коллекции» Ханенко. В Историческом музее хранилось не менее двух, ныне, к сожалению, утраченных, «негативов В. В. Хвойки», с которых Г. Ф. Корзухина в 1949 г. заказала отпечатки (рис. 11—12). На этих фотографиях зафиксированы два планшета с нашитыми на них металлическими крестами и образками. Откуда Г. Ф. Корзухина почерпнула сведения о том, что это негативы В. В. Хвойки, нам неизвестно, но такие сведения, несомненно, были, так как на обороте фотоотпечатков ее рукой написано: «Коллекция, купленная Б. И. Ханенко между 1900 и 1915 гг. в Дамаске и на Кипре³¹. Нег. Хвойко в КИМ» (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 12—13). А на обложке, в которую вложены эти фотоотпечатки, есть такая надпись: «Сирийская коллекция Б. И. Ханенко в КИМ. Фотоотпечатки сделаны в 1949 г. с негативов В. В. Хвойки, хранящихся в КИМ» (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Ненумерованный лист между листами 11 и 12). В целом на двух негативах В. В. Хвойки представлено 40 предметов. Из них к настоящему времени отсутствуют 3 образка и 1 фрагмент процессионного креста (всего 4 предмета).

Существование негативов Хвойки свидетельствует также о том, что кресты «сирийской коллекции» Ханенко впервые поступили в Художественно-промышленный и научный музей еще до 1914 г. (год смерти первого хранителя музея — В. В. Хвойки). Подтверждением этому является и примечание Н. П. Кондакова в книге «Иконография Богоматери» о том, что кресты «сирийской коллекции» находятся «в собрании Киевского Художественно-промышленного и научного музея» [Кондаков 1915: 104, примеч. 2]. Фото нескольких крестов из этой коллекции Н. П. Кондаков опубликовал там же с подписью «Сирийский крест в Киевском музее» [Кондаков 1914: рис. 164, 173; 1915: рис. 75].

В 1925 г. эти кресты числятся в инвентарной книге Музея искусств ВУАН, где записаны небольшими группами среди 700 разнообразных музейных предметов коллекции Ханенко.

Получается, что кресты «сирийской коллекции», переданные супругами Ханенко Художественно-промышленному музею почти сразу после их приобретения (до 1914 г.), очень скоро были возвращены дарителям (на Терещенковскую, 15), по-видимому, временно — для подготовки к изданию III выпуска альбома «Кресты и образки...». Возможно, именно с этим обстоятельством была связана предпринятая В. В. Хвойкой явно спешная (рабочая) фотофиксация крестов «сирийской коллекции». После этого планшеты, запечатленные на негативах Хвойки, были демонтированы, так как организация III выпуска альбома, следуя принципам организации первых двух выпусков, не предусматривала разделения материалов на древнерусские и византийские (таблицы в них сформированы на основе единства техники, отчасти иконографии). Вновь изготовленные планшеты, на которых «сирийские» кресты нашиты рядом с древнерусскими крестами, приобретенными, вероятно, уже после изда-

³¹ Обращаем внимание на то, что Г. Ф. Корзухина говорила в данном контексте именно о «Кипре», а не о «Крите» (тогда как у Н. П. Петрова упоминается «Крит»).

Рис. 11—12. Фотоотпечатки с негативов В. В. Хвойки
(РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12 (верхний), Ф. 77. Д. 14. Л. 13 (нижний))

ния первых двух выпусков альбома, стали основой для создания таблиц к III выпуску (табл. XXXVII—XLVII). Издание III выпуска по какой-то причине не удалось довести до конца, хотя, судя по некоторым данным, для издания были готовы отретушированные негативы. После смерти В. Н. Ханенко в 1922 г. эти негативы попали в частные руки и много позже были увезены в США [Вздорнов 1974: 82; Николаева 1983: 13]. Планшеты с крестами оставались в Музее Ханенко до 1937 г., когда они в неполном составе были вновь переданы в Исторический музей.

Впервые о сохранности негативов к III выпуску альбома Ханенко сообщил Г. И. Вздорнов в «Археографическом ежегоднике» за 1974 г.: «Несколько лет назад один из московских реставраторов разыскал в Киеве прекрасно сохранившиеся большеформатные ретушированные негативы с неизданных крестов и резных каменных иконок домонгольской эпохи из бывшей коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко. Некоторые из этих крестов и образков были впоследствии утрачены, и найденные фотоснимки являются теперь единственным источником для их изучения» [Вздорнов 1975: 82]. Следующее упоминание этих негативов относится к 1983 г. и принадлежит Т. В. Николаевой. Из него следует, что «какая-то часть коллекции Ханенко не была опубликована, но она готовилась к изданию, так как для нее были уже сделаны большие отретушированные негативы, попавшие позднее в частные руки и увезенные в США» [Николаева 1983: 13]. Оказалось, что негативы были обнаружены и приобретены московским искусствоведом и реставратором В. М. Тетерятниковым (1938—2000), переехавшим в 1975 г. в США, а ныне они принадлежат его вдове Н. Б. Тетерятниковой³². Приведенные сведения почти не оставляют сомнений в том, что речь в них идет не о негативах В. В. Хвойки, а о негативах с таблиц к III выпуску «Крестов и образков...». Это подтверждается и информацией, полученной нами от Н. Б. Тетерятниковой³³. Не имея возможности заняться в ближайшее время разборкой негативов, Н. Б. Тетерятникова, тем не менее, любезно сообщила, что ее муж на основе стеклянных негативов сделал фотоальбом, в начале которого сохранились следующие заметки его владельца о составе альбома: «25 таблиц, 26 негативов, 205 снимков». Не на всех фотографиях сохранились номера таблиц. Сохранившиеся номера: XXXVII, XXXIX—XL, XLIV—XLIX. Отсюда следует, что в III выпуск должно было войти от 15 (по данным архива и музейных описей) до 25 (по сведениям, полученным от Н. Б. Тетерятниковой) таблиц, а скомпонованных на них крестов и образков намного больше, чем выявлено нами в коллекции Ханенко, хранящейся ныне в НМИУ (табл. 1)³⁴.

На негативах В. В. Хвойки, судя по записям Г. Ф. Корзухиной 1949 г., должны были быть зафиксированы только «сирийские» кресты и образки — всего 40 предметов, размещенных на двух планшетах (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 12—13). Естественно в такой ситуации предположить, что не все негативы В. В. Хвойки сохранились. Но возможно и другое предположение, состоящее в том, что до нас дошли все негативы полностью отснятой «сирийской коллекции», тогда как остальные византийские, в широком пони-

³² Устное сообщение Г. И. Вздорнова.

³³ Приносим благодарность Н. Б. Тетерятниковой за оказанную помощь.

³⁴ Есть ли среди неизвестных нам сегодня крестов «сирийские», останетса загадкой до публикации Н. Б. Тетерятниковой, будем надеяться скорой, полного состава негативов Ханенко к III выпуску «Крестов и образков...».

Таким образом, не имея пока достаточно твердых доказательств разграничения коллекции на «сирийскую» и «критскую» части, мы сочли возможным опубликовать ее как единое целое. Сложные перипетии музейной истории собрания Ханенко, возможность депаспортизации отдельных предметов обусловили необходимость дополнения каталога христианских древностей византийской коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (№ 1—70) приложением, в которое мы включили еще 12 византийских крестов неизвестного происхождения, также хранящихся в Национальном музее истории Украины (№ 71—82).

Характеристика коллекции

В составе коллекции Ханенко отчетливо выделяются две группы крестов: нагрудные кресты, связанные с личным благочестием (№ 1—61), и богослужебные кресты, использовавшиеся в литургической практике, а также как элементы церковного убранства (№ 62—70). Основу коллекции составляют кресты первой группы, состоящей преимущественно из крестов-реликвариев (№ 1—52), нагрудных крестов с односторонними изображениями (№ 53—57) и нательных крестов (№ 58—61). Кресты литургического назначения (вторая группа) представлены единичными фрагментами процессионных крестов (№ 63—64) и крестами, украшавшими, по-видимому, литургические сосуды, книги, хоросы (№ 62, 65, 66). К этой же группе относятся еще четыре процессионных креста (№ 67—70), не имевших отношения к «сирийской коллекции», но входивших в собрание Ханенко (Приложение I). Византийские кресты неизвестного происхождения из собрания НМИУ, также включенные в приложение к основному каталогу, представлены только нагрудными крестами первой группы: крестами-реликвариями (№ 71—80) и крестами с односторонними изображениями (№ 81—82) (Приложение II).

Нагрудные кресты-реликварии являются самыми многочисленными в коллекции. Они представлены как крестами с плоскими створками, несущими на себе глубоко врезанные либо тонко гравированные изображения и надписи (38 экземпляров, в том числе 2 экземпляра без изображений и надписей), так и крестами с рельефными изображениями на створках (14 экземпляров).

Кресты-реликварии с изображениями, нанесенными глубоко врезанными или тонкими гравированными линиями, чрезвычайно разнообразны по составу изображений, композиции, по технике исполнения и по характеру надписей.

По составу изображений среди них выделяются четыре створки с традиционной для византийских крестов-реликвариев композицией (№ 1—3 в коллекции Ханенко и № 72 в приложении). Эта композиция представлена широко распространенным и устойчивым иконографическим типом. На одной створке обычно изображено Распятие (Христос в колобии) и надпись под руками Христа **IC XC NI KA** (или **IC XC NH KA**). На другой створке — стоящая Богоматерь Оранта и надпись **MHP ΘY**, реже **ΘCOTOKOC**. Все изображения и надписи нанесены очень тонкими врезанными линиями в характерной штриховой манере (рис. 13). Как особая группа они впервые отчетливо были выделены и охарактеризованы В. Н. Залесской [Залесская 1988: 94], а первое картографирование таких находок осуществлено Й. Стекером [Staecker 1997: 70—71, karte 3; 1999: 162, karte 31]. Крестов-реликвариев этого широко распространенного типа («Тур Lyngby» — тип 3.3.1 по Й. Стекеру) сегодня насчитывается свыше 100 единиц вместе с безадресными коллекционными эк-

Рис. 13. Крест-реликварий с гравированными изображениями Распятия и Богоматери Оранты («тип лингби» по Й. Стекеру) из раскопок 1965 г. в Херсонесе (РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 59)

земплярами³⁷. Их ареал охватывает почти всю Европу, а также Малую Азию. Наибольшая концентрация находок приходится на балкано-дунайские земли и побережье Малой Азии. Ряд болгарских археологических находок крестов этого типа датируются сопутствующими византийскими монетами концом X—первой половиной XI в. [Дончева-Петкова 1992: 52—60, табл. I; 2006: 128—130; 2011: 49—58]. В то же время прослеживается довольно длительное бытование крестов этого типа (до XII—XIII вв.), документированное находками, сделанными при раскопках не только в Болгарии, но и в византийском Херсоне в 1965 и 1987 гг. (РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 59; [Византийский Херсон 1991: 164, № 172]), в Никее (Изник, Турция) [Pitarakis 2006: 275, no. 284] и в других местах.

Единого мнения о первоначальном центре изготовления крестов данного типа в настоящее время нет, хотя наблюдается тенденция к тому, чтобы признать таковым Константинополь. Отсутствие находок таких крестов в сиропалестинских землях, высокая их концентрация в Балкано-Дунайском регионе и в Малой Азии меняют бытовавшее до последних лет представление об их происхождении из Святой земли, несмотря на характерную штриховую манеру в передаче изображений [Залесская 1988: 94—95]. Состав изображений на этих крестах (Распятие — Богоматерь Оранта), хотя и в сокращенном варианте (то есть без сопутствующих лиц: предстоящих в сцене Распятия, евангелистов около Богоматери), следует устойчивой традиции в оформлении византийских крестов-реликвариев, которой отмечены как драгоценные кресты,

³⁷ Только на территории Болгарии на сегодня учтено 40 экз. крестов-реликвариев этого типа [Дончева-Петкова 2011: № 81—118, 120—121].

инкрустированные серебром и чернью, так и серийные рельефные кресты, отлитые из медных сплавов. Это позволяет думать, что первоначально данная модель могла появиться в круге тех константинопольских мастерских, где изготавливали «классические» рельефные кресты-энколпионы с развернутой иконографией Распятия на одной створке и Богоматери Оранты и четырех евангелистов — на другой. Характерные стилистические особенности указывают на то, что мастера, создавшие эту модель, возможно, были выходцами из византийских провинций в Малой Азии или Северной Сирии, работавшими в константинопольских мастерских. Кресты этого типа получили широкое распространение, в том числе и благодаря воспроизведению этой модели местными мастерами даже в не самых крупных центрах византийского мира, таких, например, как поселение Одырцы (Толбухинский округ, Болгария) [Дончева-Петкова 1992; 2006]. Локализация места изготовления конкретных коллекционных экземпляров требует специальных исследований, поэтому в каталоге приходится в таком случае употреблять широкое понятие «Византия». Время широкого бытования крестов этого типа, как указывалось выше, сегодня определяется X—XIII вв., время расцвета — X—XI вв. В каталоге кресты данного типа датируются временем наибольшего распространения, то есть X—XI вв.

Изображения на остальных крестах с плоскими створками выполнены, как правило, более глубокими линиями, очень схематичны и далеки от каноничных изображений святых, запечатленных на традиционных византийских крестах-реликвариях. По составу изображений эти кресты также кардинально отличаются от традиционных отсутствием привычного изображения Распятия, обилием изображений крестов и крестообразных композиций, а также Богоматери с Младенцем, Богоматери Оранты и молящихся святых (рис. 14). Они столь разнообразны, что выделить среди них устойчивые иконографические типы не представляется возможным, тем более при такой случайной и ограниченной выборке. Поэтому принципы распределения их в каталоге сугубо формальные и подчиняются иерархии священных изображений, в первую очередь на лицевой створке³⁸.

В составе изображений на крестах коллекции Ханенко присутствуют:

1. Крест (иногда орнаментальная крестообразная композиция) (7 экз. + 1 экз. в составе пятичастной композиции).
2. Богоматерь с Младенцем, изображенная стоящей, с двумя святыми, представленными погрудно на боковых концах створки; с разным положением рук: руки, поднятые в молении; руки, поднятые в молении перед грудью у

³⁸ Условно принимаем за лицевую створку ту, которая имеет по одной петле сверху и внизу, не вкладывая в определения «лицевая» и «оборотная» значений «главная» и «второстепенная». Таким образом, при отсутствии лицевых створок с изображением Христа и Богоматери в этой группе крестов-реликвариев на первом месте оказались лицевые створки с изображением креста и с сопутствующими им парными створками. Далее в нарушение этого порядка, но следуя иерархичности священных изображений, помещены оборотные створки, на которых изображена Богоматерь с Младенцем (ни одной лицевой створки с таким изображением в коллекции нет). За ними идут лицевые створки с изображением отдельных святых с сопутствующими им парными створками. И наконец отдельные створки с орнаментальными изображениями креста, с надписями и без оных. Последним в этой группе помещен плоский крест-реликварий, не относящийся к ближневосточному кругу византийских крестов.

кат. № 4

кат. № 8

кат. № 11

кат. № 11

кат. № 27

кат. № 30

Рис. 14. Кресты-реликварии с нетрадиционными врезанными изображениями святых и крестообразных композиций (кат. № 4, 8, 11, 27, 30)

головы Младенца; руки, как бы поддерживающие Младенца с двух сторон; руки не показаны и как будто скрыты драпировкой (6 экз.).

3. Богоматерь Оранта, изображенная стоящей (1 экз.).

4. Молящиеся святые, изображенные стоящими: Георгий, Иоанн, Стефан, Никита, Михаил (24 экз.).

5. Святые на концах створок, изображенные погрудно: Георгий, Иоанн, Петр, Павел, Феодор, Михаил, Гавриил (представлены на 6 створках с центральным изображением Богоматери и на 1 створке с центральным изображением креста в пятичастной композиции).

6. Надписи (без лицевых изображений) (2 экз.).

7. Без изображений и без надписей (1 экз.).

Сочетания этих изображений на парных створках крестов-реликвариев коллекции Ханенко представлены следующим образом:

Крест — Богоматерь с Младенцем (предположительно)³⁹;
Крест — Богоматерь Оранта;
Крест — Святой орант;
Святой орант — Богоматерь с Младенцем;
Святой орант — Святой орант;
Надпись — Надпись (предположительно)⁴⁰.

Чаще всего на крестах рассматриваемой группы, как на лицевой, так и на оборотной створках, изображали, как видно из приведенного списка, молящихся святых. Среди них на 7 створках с изображением стоящего святого (и еще одна с центральным погрудным изображением святого⁴¹) надписано имя Георгия, на 6 створках — имя св. ап. Иоанна, на 5 створках — имя св. вмч. Стефана⁴², на 3 створках — имя св. мч. Никиты, на 3 створках — имя св. архангела Михаила (один раз имя Михаил присутствует на створке, не имеющей изображения). Один раз на концах створки в качестве сопутствующих центральному образу креста мы видим погрудные изображения свв. Георгия, Феодора, Петра и Иоанна⁴³; на створках с Богоматерью на боковых ветвях изображены архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, иногда апостолы Петр и Иоанн⁴⁴. Такое распределение имен на крестах коллекции Ханенко по частоте встречаемости отчасти совпадает с подсчетами Б. Питаракис, сделанными на основе 229 экз. [Pitarakis 2006: 108]. В нашей коллекции на первом месте также стоят имена св. вмч. Георгия и св. ап. Иоанна, почти в одном ряду с ними находится имя св. вмч. Стефана (в каталоге Б. Питаракис имя первомученика Стефана стоит после апостола Петра и архангела Михаила). Количество створок с именами этих святых (по 5—7 экз.) в коллекции Ханенко совпадает и с количеством створок, на которых изображен Крест — 7 экз. (всегда на лицевой створке, за исключением створки № 27, на которой крест является только центральным элементом пятичастной композиции), а также Богоматерь с Младенцем — 6 экз. (всегда на оборотной створке). Таким образом, в составе изображений на крестах рассматриваемой группы настоящей коллекции в качестве основных и, по-видимому, почти равнозначных элементов выделяются изображения Креста, Богоматери с Младенцем и трех святых (Георгия, Иоанна, Стефана). Следовательно, на крестах настоящей коллекции

³⁹ Распространенное на византийских крестах-реликвариях ближневосточного круга сочетание «Крест — Богоматерь с Младенцем» в данном случае отсутствует. Однако наличие в коллекции отдельных створок с этими изображениями позволяет предполагать, что некоторые из них изначально могли быть парными, но со временем их комплектность была нарушена.

⁴⁰ См. кат. № 35. Какова была створка, парная створке № 35, можно установить по аналогии с крестами-реликвариями, сохранившими обе створки, в оформлении которых соединены две канонические формулы: на одной створке **ΦΩΣ**, **ΖΩΗ**, на другой — **ΙC ΧC ΝΗ ΚΑ** [Pitarakis 2006: 383—384, nos. 628—631].

⁴¹ См. кат. № 28. Верхний конец этой створки, где могла быть надпись, утрачен, но имя устанавливается по аналогии с серией подобных изображений с надписью, содержащей имя св. Георгия ([Pitarakis 2006: 278, 288, nos. 296—297, 327—329]; РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 76).

⁴² Рельефные изображения св. Стефана присутствуют еще на двух односторонних крестах (кат. № 56, 57). На этих крестах нет именующих надписей, их заменяют характерные атрибуты первомученика и архидиакона Стефана.

⁴³ См. кат. № 27.

⁴⁴ См. кат. № 7, 9, 10.

кат. № 11

кат. № 15

кат. № 16

кат. № 17

Рис. 15. Кресты-реликварии с изображениями св. вмч. Стефана (кат. № 11, 15, 16, 17)

представлены святые, самые почитаемые в восточнохристианском мире, и прежде всего в Малой Азии. Формирование культа каждого из них, как известно, в большей или меньшей степени связано с территорией именно этого региона.

Особенностью этой группы крестов, отличающей их от всех других крестов восточнохристианского мира, является универсальность лицевых изображений. Она состоит в отсутствии не только индивидуальных черт в изображении святых, но также и половозрастных признаков. В редких случаях дорисовываются борода или волосы. Во всем корпусе крестов можно выделить «обезличенные» и практически идентичные варианты изображений святых с надписями, содержащими разные имена, тогда как кресты с одним именем очень редко совпадают по своим иконографическим особенностям. Это хоро-

кат. № 11

кат. № 12

кат. № 13

кат. № 15

Рис. 16. Кресты-реликварии с изображениями св. ап. Иоанна (кат. № 11, 12, 13, 15)

шо видно даже на ограниченном материале настоящей коллекции. Достаточно сравнить между собой изображения св. вмч. Стефана (№ 11, 15, 16, 17, 55) (рис. 15) или св. ап. Иоанна (№ 5, 11, 12, 13, 14, 15) (рис. 16), св. вмч. Георгия (№ 18—21, 53, 63, 64). На эту особенность отдельные исследователи обращали внимание и прежде, но тоже на довольно ограниченном материале. Специалисты отмечали также использование одного иконографического варианта изображения при изготовлении крестов разного назначения (реликвариев, процессионных и др.) в одной мастерской [Horníčková 1999: 213—214; Pitarakis 2006: 162, fig. 103—105]. В полной мере масштаб этого явления стал ясен только после выхода в свет каталога Б. Питаракис. На первый взгляд, это наблюдение находится в противоречии с установившимися представлениями

о том, что такие кресты изготавливались при монастырях и мучениках, связанных с культом определенных святых. Однако существование крупных специализированных мастерских, изготовлявших кресты с различными изображениями и с разными именами, не исключает параллельного существования локальных мастерских в местах особого почитания отдельных святых. Выделение тех и других из общего состава рассматриваемых крестов — дело будущих исследователей.

Анализ крестов такого рода в коллекции Ханенко при сопоставлении с ранее опубликованными аналогичными экземплярами в ряде случаев показал, что на крестах с изображениями одного иконографического варианта (повидимому, это были кресты, изготовленные одним мастером или вышедшие из одной мастерской) надписывалось имя не произвольно избранного святого, а вполне определенное имя из весьма ограниченного перечня. Например, на крестах, иконографически близких кресту № 73 настоящего каталога (с надписями Михаил и Никита), надписывались также монограммы Христа, Богородицы и имя св. вмч. Георгия (см.: [Pitarakis 2006: 162, 316, 317, nos. 411—416, fig. 103—105]. При этом, помимо надписей, изображение Христа дополнено крестчатым нимбом, около изображения Богородицы добавлено по четыре крестообразно расположенных кружка (иногда по три), в изображении архангела Михаила руки заменены крыльями.

Подбор аналогий изображению св. вмч. Стефана на створке № 16 показал, что на крестах сравнительно близкого иконографического варианта наряду со Стефаном надписывались имена св. ап. Иоанна и св. вмч. Георгия [Pitarakis 2006: 296, 318—319, nos. 351, 418—422]. Но около св. вмч. Стефана условно изображались, хотя и не всегда, еще и его атрибуты — кадило в правой руке и посох (?) в левой (в одном случае даже обозначен орарь). Надо отметить, что изображения этой группы крестов отличаются большей, по сравнению со многими другими крестами, реалистичностью (правильнее пропорции фигур, черты лица хотя и схематичны, но уже не столь утрированы, изображаются волосы). Вместе с тем створка № 17, на которой тоже надписано имя св. вмч. Стефана, имеет другой круг иконографических аналогий, менее реалистичных, святые в нем обозначены именами свв. Георгия, Иоанна, Симеона [Pitarakis 2006: 294—295, 318—319, nos. 346—349]. Понятно, что выявляемый нами определенный набор имен, надписываемых на крестах со сходными изображениями святых, ограничивается состоянием наших источников. Однако вполне возможно, что за этим стоит избирательность, указывающая на связь с определенным монастырем, христианским центром, социальной группой, в которых особо почитались свои избранные святые.

Несмотря на огромное разнообразие глубоко врезанных изображений на плоских створках крестов-реликвариев, далеко не всем крестам коллекции Ханенко удается подобрать близкие аналогии. Но, поскольку при нанесении этих изображений мастера пользовались общим набором приемов, бесконечно варьируя их и сохраняя при этом общую стилистику, принадлежность таких крестов к ближневосточному кругу византийской культовой пластики, как правило, не вызывает больших сомнений, тем более что большинство выявленных аналогий связано с находками, происходящими с территории Малой Азии. В. Н. Залеская связывает изготовление таких крестов с возрождением в X в. деятельности культовых центров и монастырей мелькитов — православных сирийцев [Залеская 1988: 98; 1998: 13—15 и др.]. Б. Питаракис определяет местом их изготовления Константинополь или Анатолию и датирует их

XI в. [Pitarakis 2006: 108]. Учитывая, что основным районом их распространения является территория Малой Азии, а также большое иконографическое разнообразие и специфику плоских крестов с глубоко врезанными изображениями, мы представляем Ближний Восток, а именно восточные провинции Византийской империи в Малой Азии и Северной Сирии, наиболее вероятным местом возникновения и развития традиции изготовления таких крестов. Не исключено, что у истоков этой традиции действительно стояли мастера мелькиты Сиро-Палестинского региона, но эта гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании.

Значительное количество находок крестов-реликвариев с врезанными изображениями святых обнаружено и в землях Балкано-Дунайского региона. Часть из них имеют, по-видимому, малоазийское происхождение; на территории современной Болгарии их распространение приходится преимущественно на конец X—XI в., хотя не исключается и более продолжительное использование их — до XIII в. [Дончева-Петкова 2002: 252—253, обр. 3; 2006б: 103—104; 2011: № 133—142, 168—180]⁴⁵. Однако здесь бытовали и такие кресты, которые могли изготавливаться на месте в подражание привозным образцам. Выявление изделий местных мастеров, особенно в рассматриваемой группе памятников, сопряжено с большими трудностями, так как требует достаточной и надежной для сравнения базы источников археологического происхождения. Для крестов с неглубоко врезанными (гравированными) изображениями Распятия и Богоматери Оранты такие исследования были успешно проведены с учетом химического состава металла на материалах поселения Одырцы (Толбухинский округ, Болгария) [Дончева-Петкова 1992: 2, 3, 8, обр. 1, 2]. Для крестов с глубоко врезанными изображениями крестообразных композиций и молящихся святых таких исследований до сих пор не проводилось. Тем не менее гипотетически и в этой группе можно выделить несколько моделей крестов, созданных и бытовавших именно в Балкано-Дунайском регионе. Коснемся только тех моделей, которые представлены в коллекции Ханенко.

Происхождение створки № 26 (рис. 17) настоящей коллекции с очень схематичным изображением молящегося святого без сопутствующей надписи довольно уверенно можно связать с Балкано-Дунайским регионом по нескольким признакам. Во-первых, находки крестов выделяемой серии с аналогичными изображениями (более 20 экз.) происходят почти исключительно из этого региона [Пескова 2009: 308—309, рис. 28; Дончева-Петкова 2011: 60—63, 70—73, обр. 10, 12, 13, № 123—127, 143—154, 160—167]⁴⁶. Во-вторых, эти изображения носят явно подражательный и очень упрощенный характер. Наконец, обращает на себя внимание отсутствие надписи — особенность, которая четко прослеживается на древнеболгарских рельефных крестах. В редких случаях встречается очень неумело выполненная надпись. Отдельные болгарские находки крестов такого типа Л. Дончева-Петкова сначала датиро-

⁴⁵ Встречается и более ранняя датировка крестов с врезанными изображениями. Так, створки крестов-реликвариев, обнаруженные в притворе базилики в Стамбол Йолу (Болгария), относимой к концу IX—XI в., датированы IX—X вв., к сожалению, без достаточного обоснования [Тотев 2004: 70—71, обр. 13: 1, 2].

⁴⁶ Исключение составляют два креста: створка одного из них происходит из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе (НЗ «ХТ», инв. № 5504), другая створка, неизвестного происхождения, хранится в Тульском областном художественном музее [Корзухина, Пескова 2003: 59, кат. I.2/3, табл. 10].

Рис. 17. Створка креста-реликвария с изображением неизвестного святого — Балкано-Дунайский регион (кат. № 26)

нены рукой одного мастера. Косвенным подтверждением предполагаемой локализации мастерской служит и реберчатая форма оглавия, встречающаяся преимущественно на крестах Балкано-Дунайского региона.

Кресты-реликварии с рельефными изображениями в коллекции Ханенко представлены 13 литыми створчатыми экземплярами и 1 кассетным крестом со сканным орнаментом⁴⁷. Десять из них относятся к широко распространенному во всем византийском мире типу крестов с традиционной иконографией: Распятие с предстоящими — Богородица с четырьмя евангелистами в медальонах. К этому типу в настоящем каталоге относятся кресты № 39—47, 77 (в том числе № 47 и 77 — миниатюрные варианты этого иконографического типа, в его сокращенном варианте, то есть без предстоящих и без евангелистов) (рис. 18).

На лицевой створке таких крестов обычно нанесены стандартные двухстрочные углубленные надписи, по Евангелию от Иоанна (гл. 19, ст. 26—27):

ΙΔΕ ΟΥΟΣ

COV под правой рукой Христа
«се сын твой»

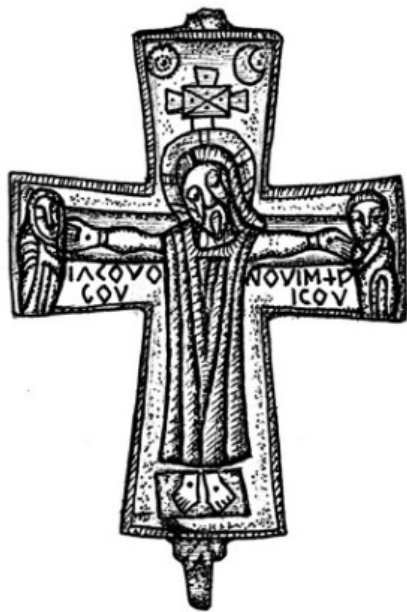
ΙΔΥΜΗΤ

HP COV под левой рукой Христа
«се мать твоя»

⁴⁷ Кассетными крестами принято называть кресты, представляющие собой крестообразную коробочку, состоящую из двух пластин, наглухо соединенных между собой.

вала периодом не ранее второй половины XI в., исходя из того, что они отсутствуют на памятниках Первого Болгарского царства [Дончева-Петкова 2002: 251, 252, обр. 2]. В монографии 2011 г. автор высказывает предположение, что выполненные в такой манере кресты изготавливались в одной мастерской, функционировавшей в конце X—XI в., не исключая и XII в. Последнее предполагается для крестов особой формы — с каплевидными выступами по углам [Дончева-Петкова 2011: 73].

Предположение об изготовлении в Балкано-Дунайском регионе креста № 22 коллекции Ханенко с изображением св. мч. Никиты и св. архангела Михаила подтверждается не серией аналогичных крестов, а только отдельными экземплярами, происходящими из Силистры (Болгария) и Ниша (Сербия) [Атанасов 1995: 267, обр. 4, 44, табл. I, 44; 2008: табл. LXXVII, № 417; Максимовић 2004: 240, кат. 249]. В приемах нанесения примитивных изображений и надписей на этих крестах так много общего, что можно даже предположить, что они были выпол-

кат. № 39

кат. № 44

Рис. 18. Кресты-реликварии с рельефными традиционными изображениями Распятия с предстоящими и Богородицы Оранты с евангелистами (кат. № 39, 44)

На оборотной створке (см. кат. № 44) надписи краткие: под руками Богородицы **MP ΘV** (под титлами); около медальонов с погрудными изображениями евангелистов отдельные буквы: **М** [Марк]верху, **М** [Матфей]внизу, **Λ** [Лука]на левой ветви, **Ι** [Иоанн]на правой ветви.

На миниатюрных рельефных крестах изредка встречаются монограммы Христа и Богородицы, но на кресте № 47 надписей нет.

На лицевых створках № 40 и 41 тонкими углубленными линиями начертаны нестандартные для этого типа крестов-реликвариев надписи **ΙC ΧC ΝΙΚΑ** (или в написании **ΝΗΚΑ**), являющиеся, безусловно, вторичными. Они появились, по-видимому, на отливках, сделанных по оттиснутому в глине образцу со стершейся нечитаемой первоначальной надписью. Такие надписи фиксируются в основном на экземплярах, хранящихся в музеях Греции, Болгарии, Италии, Испании, России, а также в Стамбуле (1 экз.) и Бостоне [Pitarakis 2006: 199, 215—216, 217, 219, nos. 35, 92—98, 101, 107, 108]. Можно предположить, что замещение евангельской цитаты новой, более простой и понятной, надписью происходило не без влияния иконографии крестов с неглубоко врезанными изображениями Распятия и Богородицы Оранты.

Все рельефные кресты этого типа из коллекции Ханенко представляют собой, скорее всего, повторные отливки (створки как с развернутыми начальными надписями, так и с краткими вторичными). Поэтому датировать их можно только в широких рамках X—XII вв., а такие экземпляры, как № 42, 46, возможно, и шире.

Одна лицевая рельефная створка (№ 48) относится к очень редким экземплярам (известны всего две находки в Болгарии и один крест хранится в музее Ватикана). На наш взгляд, она представляет собой пример местной перера-

Рис. 19. Створка креста-реликвария из Балкано-Дунайского региона (кат. № 48)

ботки «классических» крестов с рельефными изображениями, созданный, по-видимому, в Нижнем Подунавье в X—XI вв. [Пескова 2007: 268—279] (рис. 19). Датируют такие кресты X—началом XI в., исходя из обнаружения одного из них в жилище на поселении Одырцы (Болгария) вместе с анонимным византийским фолисом класса А-2 (976—1028) [Дончева-Петкова 2011: 140, № 353, 354].

В настоящее время появление на территории Болгарии основного (назовем его «классическим») иконографического типа рельефных крестов-реликвариев датируется болгарскими исследователями на основе археологических находок концом IX—X в. [Дончева-Петкова 1992б; 2006; 2008; 2011: 124—151, № 219—270]. Б. Питаракис датирует его X—XI вв., связывая возникновение типа с Константинополем [Pitarakis 2006: 57—71]⁴⁸. Основным, или «классическим», его можно назвать не только вследствие его широкого распространения⁴⁹, но еще и потому, что он послужил образцом для нескольких иконографических вариантов рельефных крестов-реликвариев, возникновение которых сегодня исследователи уверенно связывают с Балкано-Дунайским регионом.

Сопоставление иконографии рельефных «классических» крестов и гравированных (неглубоко врезанных) крестов с традиционным составом изображений (Распятие — Богоматерь Оранта), о которых уже говорилось выше, обнаруживает большое их сходство и позволяет рассматривать последние тоже как иконографический вариант, производный от «классических» крестов-реликвариев, только в сокращенном виде. Выполненные в штриховой манере, они, тем не менее, принципиально отличаются от всех остальных византийских крестов ближневосточного круга, во-первых, составом изображений (на лицевой створке обязательно изображается Распятие), во-вторых, массовостью (известно свыше 100 экз.). Удивительную повторяемость одной и той же композиции, выполняемой не путем литья, а резьбой, можно объяснить только работой большой централизованной, скорее всего столичной, мастерской, во всяком случае, на начальном этапе, поскольку в дальнейшем аналогичные кресты, сделанные резчиками по образцу, изготавливались и в самых отдаленных местах. Возможно, возникновение и становление такой мастерской было вызвано стремлением Константинополя ввести в обиход христианского населения восточных провинций Византии в Малой Азии (вернее пополнить его) кресты с изображением Распятия, почти не встречающимся среди очень распространенных в этом регионе плоских крестов с изображениями, выполненными глубоко врезанными линиями.

⁴⁸ Б. Питаракис считает, что эта иконография возникает как следствие развития иконографии довольно редких крестов крупного размера с изображениями Распятия с предстоящими и Богоматери Кириотиссы с евангелистами, которые она датирует IX—X вв.

⁴⁹ Только на территории современной Болгарии учтено свыше 50 крестов этого типа [Дончева-Петкова 2011: 124].

Косвенным подтверждением иконографической близости и хотя бы частичной синхронности бытования «классических» рельефных крестов-реликвариев и крестов с неглубоко врезанными изображениями является миниатюрный комбинированный крест с рельефным классическим изображением Распятия на лицевой створке и врезанным тонкими линиями изображением Богородицы Оранты (тип лингби в миниатюре) на оборотной [Pitarakis 2006: 225, no. 128].

Иконография рельефных меднолитых крестов, как уже неоднократно отмечалось исследователями, близка и находится в прямой зависимости от иконографии крестов-реликвариев из драгоценных металлов типа золотого трехчастного креста из Плиски [Dončeva-Petkova 1979: 74—91; Дончева-Петкова 2005: 184—209] (рис. 20). Самые распространенные «классические» рельефные энколпионы, о которых мы говорили выше, композиционно увязываются с внутренним крестом (Плиски II). На створках внешнего креста (Плиски I) помещена черневая многофигурная композиция, которая повторяется не только на серебряных, но и на бронзовых крестах, как инкрустированных, таких как крест из синайского монастыря св. вмц. Екатерины и створка, найденная при раскопках в Херсонесе [Манго 2000: рис. 6; Залеская 1964; Pitarakis 2006: nos. 206, 207], так и рельефных [Pitarakis 2006: 251, nos. 15—18, fig. 41, 42]. В коллекции Ханенко есть одна такая редкая находка. Это фрагментированная лицевая створка с рельефной многофигурной композицией, включающей три сюжета христологического цикла — Благовещение, Распятие, Воскресение (№ 51). Две аналогичные створки хранятся в музеях Рима и Афин [Pitarakis 2006: 194—195, nos. 17, 18]. Б. Питаракис датирует их X—XI вв. и относит предположительно к изделиям константинопольских мастеров. Основное отличие этих рельефных композиций от драгоценных прототипов состоит в иконографии Распятия — Христос изображен препоясанным.

К редчайшим, без преувеличения уникальным, художественным памятникам меднолитой культовой пластики в коллекции Ханенко относятся два креста-реликвария с рельефными изображениями Распятия и Богородицы Одигитрии одного из ранних иконографических типов. Первый крест (№ 49) пока единственный в своем роде (подобных экземпляров не обнаружено), изготовлен он, несомненно, высокопрофессиональным мастером, по-видимому, в константинопольских мастерских X—XI вв. (рис. 21). Н. П. Кондаков датировал крест VIII—IX вв., определяя иконографию Богородицы на оборотной створке этого креста как «восточный прототип славной иконы» (Одигитрии) [Кондаков 1915: 166, рис. 75]. Образ Богородицы Одигитрии особенно высоко почитался в Константинополе в XI в. Однако на византийских крестах-реликвариях этот образ встречается исключительно редко — только на отдельных произведениях, изготовленных из драгоценных материалов, то есть выполненных по индивидуальному заказу (на серебряных с чернью крестах, а также на золотых рельефных). Известен и один бронзовый крест с изображением Богородицы Одигитрии, инкрустированным чернью [Handbook... 1967: № 217; Djavakhchvili, Abramichvili 1986: 102—103, 106—107; Pitarakis 2006: 252, no. 208]. Однако в Древней Руси, впитавшей с принятием христианства и византийскую традицию широкого использования нагрудных крестов-реликвариев для хранения священной реликвии и личного контакта с ней, были созданы свои самобытные модели крестов. Среди них модель креста с изображениями Распятия, где Христос препоясан набедренной повязкой, и Богородицы Одигитрии. Эта модель, появившаяся на Руси примерно на рубеже XI—

Рис. 20. Золотой крест-реликварий конца IX—X в. из Плиски, Болгария
(по: [Pitarakis 2006: 61, fig. 38])

XII вв., стала одной из самых распространенных. Прямых прототипов древнерусской модели в византийской серийной металлопластике нет. Обратная сторона креста № 49 с изображением Богоматери Одигитрии, на наш взгляд, является пока единственной сопоставимой параллелью для древнерусских крестов-реликвариев с относительно близкой иконографией Богоматери Оди-

Рис. 21. Крест-реликварий с рельефными изображениями Распятия и Богоматери Одигитрии (кат. № 49)

гитрии. На лицевой створке того же креста (№ 49) помещено традиционное для византийских крестов выполненное в высоком рельефе и мастерски доработанное резцом изображение Распятия, где Христос представлен в длинном колобии, но без предстоящих и без надписи под руками Христа.

Второй крест (№ 50) также по-своему уникален (рис. 22: 3), несмотря на то что существует еще одна отливка, выполненная по этой модели. Это створка с рельефным изображением Богоматери Одигитрии, хранящаяся в ГИМ (ОМСМ, инв. № 75034, М 6120), Москва [Уваров 1908: 184, № 95, рис. 160; Корзухина, Пескова 2003: 48, кат. I.1/2, табл. 4]. Его уникальность заключается в необычной иконографии и характерных для произведений североευропейской металлопластики стилистических особенностях Распятия, где Христос изображен в длинной набедренной повязке.

Анализ этих особенностей позволяет рассматривать модель креста № 50 как грубую реплику модели византийского креста, подобного кресту № 49, созданную выходцем из Скандинавии. Близость иконографии этого крестареликвария и нательных древнерусских крестов с так называемым «грубым изображением Распятия» конца X—XI в. [Мусин 2002: 152—170; Peskova 2013], а в отдельных случаях даже их частичное тождество⁵⁰ позволяют предположить, что и эта удивительная модель могла быть создана в XI в. на Руси⁵¹ или на Нижнем Дунае, откуда в X в. начинает распространяться тра-

⁵⁰ Имеется в виду серебряный нагрудный крест с двухсторонними изображениями Распятия из клада XI в. в Лилла Клинтегарда на Готланде, копирующий иконографию изображений на створках креста № 50 из коллекции Ханенко [Stenberger 1947: 231—232, Kat. 578, Abb. 89; Пескова 2002: 254—262] (рис. 22: 2), а также крест с комбинированной иконографией Распятия из Сухуми [Хрушкова 2002: табл. LXXX: 2] (рис. 22: 1).

⁵¹ Заметим, что крест № 50 не зафиксирован на негативах Хвойки (в отличие от креста № 49), что увеличивает вероятность обнаружения его на территории Древней Руси.

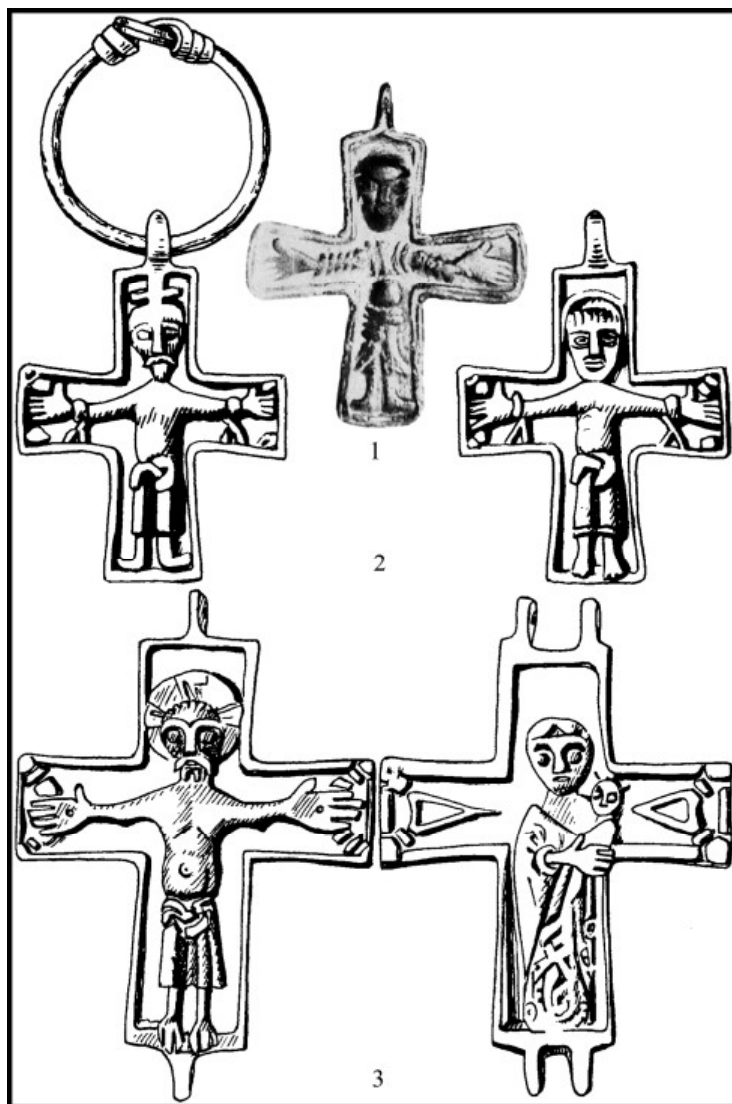

Рис. 22. Крест-реликварий с рельефным изображением Распя-
тия и Богоматери Одигитрии (кат. № 50) (3) и подобные ему кресты с изображениями
Распя-тия из клада XI в. в Лилла Клинтегарда на Готланде (2) и из Сухуми (1)
(по: [Stenberger 1947: 231—232, Kat. 578, Abb. 89; Хрушкова 2002: табл. LXXX: 2])

диция ношения нательных крестов с новым иконографическим типом Распя-
тия, где Христос представлен в длинной набедренной повязке [Пескова 2002;
2007; Пескова, Богуславский 2010]. Модель креста № 50 вряд ли может рас-
сматриваться как переходная к собственно древнерусским моделям крестов-
реликвариев, но она представляет интерес как материальное свидетельство
поисков новых форм предметов личного благочестия, возможно, связанных с
длительным пребыванием на Нижнем Дунае и с христианским обращением
выходцев с северных территорий, имевших отношение к начальному этапу
христианизации Древней Руси.

Крест № 52 относится к особому типу нагрудных крестов-реликвариев, так называемых кассетных крестов, состоящих из двух пластин, наглухо спаянных между собой промежуточной лентой и украшенных накладным сканным узором, дополненным на одной из сторон различными вставками. Находки таких крестов-реликвариев, известных в количестве свыше 33 экземпляров, концентрируются в основном в Балкано-Дунайском регионе (только на территории современной Болгарии учтено 16 таких крестов) [Дончева-Петкова 2001: 125; 2011: 189—194, № 640—655; Lango, Türk 2009: 387—415, fig. 10]. Отдельные находки зафиксированы в Южной Италии, на Адриатическом побережье, в Константинополе, Херсонесе и даже в Скандинавии [Il Castello di Santa Severina 1998: 72—73, fig. 60—61; Burić 1995: 365—376, sl. 1—4; Pitarakis 2006: 247, no. 198; Zalesskaya 1995: 672, fig. 6; Staecker 1999: 484—485, Kat.-Nr. 89]. Важнейшими в данном случае являются болгарские находки, анализ археологического контекста которых позволил Л. Дончевой-Петковой сделать вывод о том, что появление таких крестов в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже может быть отнесено ко времени между 1000 и 1026 гг. [Дончева-Петкова 2001а: 126—127]. Крест № 52 считался утраченным и первоначально учитывался в настоящем каталоге только по его изображению на негативах В. В. Хвойки. Недавно он был обнаружен в фондовой группе «Металл» Национального музея истории Украины и опубликован [Зоценко, Попельницька 2008; Попельницька, Зоценко 2009: 200—204].

Нагрудные кресты с односторонними изображениями (№ 53—57) представлены тремя крестами с врезанными лицевыми изображениями (№ 53—55) и двумя — с рельефными изображениями (№ 56—57). Один из них (№ 55), с врезанным изображением св. вмч. Стефана, согласно надписи, очень близок по стилю и иконографии к типичным малоазийским крестам-реликвариям X—XI вв., два других с изображениями Христа и св. вмч. Георгия (№ 53, 54) больше похожи на примитивные подражания таким крестам.

Кресты с рельефным изображением стоящего св. вмч. Стефана с кадилом в правой руке и артофорием-пиксидой в левой руке (№ 56—57) (рис. 23: 1, 2) не относятся к широко распространенным предметам византийской культовой металлопластики. Единственный известный нам крест с аналогичным рельефным изображением происходит из Смирны [Wulff 1909: 198, Taf. XLV, no. 938]. Относительно близкие изображения архидиакона Стефана с такими же атрибутами изредка встречаются на византийских печатях XI в. и древнерусских печатях первой половины XII в. (?) [Laurent 1963—1965: nos. 870, 911, 998; Янин 1970: 213, № 242-2; Янин, Гайдуков 1998: 102, 148, № 263г-2 (=242-2); Саввов 2004: № 3]. И те и другие, по-видимому, восходят к одному иконографическому типу первомученика Стефана в образе архидиакона с характерными для него атрибутами (кадило, артофорий, орарь), довольно часто встречающемуся в иконописных византийских памятниках X—XII вв., в том числе и в росписях скальных малоазийских монастырей, таких как церковь Святой Великомученицы Варвары и Йалынлы килисе в Каппадокии [Thierry 1963: 108—109, pl. 54, 55c]. Широко известны мозаики с изображением архидиакона в соборе Чефалу (Сицилия), Дафни (Греция) и в Михайловском Златоверхом соборе в Киеве XI в. [Лазарев 1966: 69—71, ил. 59, 104—105]. Примечательно и воспроизведение этого образа на каменном энеолитическом топоре, обнаруженном при раскопках на территории того же Михайловского монастыря [Івакін, Пуцко 2005: 94—96, рис. 1; Ivakin 2007: 215, fig. 22]. Одной из древнейших считается портативная икона св. вмч. Стефана из собра-

Рис. 23. Нагрудные кресты с рельефными изображениями св. вмч. Стефана (кресты кат. № 56—57 и крест из Смирны (ныне Измир, Турция, по: [Wulff 1909: no. 938, Taf. XLV])

ния Н. П. Лихачева в Эрмитаже, происходящая, возможно, с Афона и датируемая XI—XII вв. [Искусство Византии 1977: 23, № 467; Синай. Византия. Русь. 2000: 112—113, кат. В-91]. Сложение этого иконографического типа св. вмч. Стефана с присущими ему атрибутами одни исследователи, вслед за Г. Жерфаньоном, склонны связывать со скальными монастырями в Каппадокии, в росписи которых присутствует такое изображение [Jerphanion 1938: 279—282, 316; Дончева-Петкова 2002: 252], другие — с Константинополем [Пятницкий 2000: 112]. Так или иначе, этот иконографический образ уже в XI в. был хорошо известен как в европейской, так и в азиатской части Византийской империи и в странах византийского круга влияния, в том числе в Древней Руси.

На нагрудном кресте с врезанным изображением молящегося святого надписано имя св. вмч. Стефана (№ 55), характерных атрибутов архидиакона нет, то есть могло быть надписано имя любого святого. В данном случае важен сам факт изготовления нагрудного креста с односторонним изображением святого, выполненным, судя по манере резьбы, в одной из тех малоазийских мастерских, где изготавливались кресты-реликварии с глубоко врезанными изображениями святых орантов и крестообразных композиций (см. крест-реликвиарий № 17, тоже с именем св. вмч. Стефана). Однако такие примеры единичны, что делает маловероятным появление в той же среде крестов с рельефным изображением архидиакона Стефана с присущими ему атрибутами (№ 56—57). Новая развитая иконография, судя по каппадокийским росписям X—XI вв., была здесь хорошо известна. Возможно, она даже получила своеобразное отражение в иконографии крестов-реликвиариев, что выразилось в появлении на боковых концах створки около святого оранта (чаще всего св. вмч. Стефана, но также и свв. Георгия и Иоанна) символических изображений предметов, похожих на кадило под правой рукой и посох (?) под левой рукой. Тем не менее иконографическая основа этих крестов осталась неизменной — молящийся святой. Единственный пример углубленного изображе-

ния св. вмч. Стефана с развитой иконографией (в составе многофигурной композиции) находим на кресте, увенчивающем сирийский светильник сложной конструкции, который принято датировать VI—VII вв. (!) [Age of Spirituality 1979: 621—622, no. 557]. Однако предлагаемая дата вызывает сомнения не столько в отношении памятника в целом, сколько в отношении его центрального элемента — креста с изображением св. вмч. Стефана.

Истоки создания модели нагрудных крестов с рельефным изображением архидиакона Стефана, видимо, перспективнее искать не в Малой Азии, а на европейской территории Византийской империи (если не в самом Константинополе), то есть там, где существовала глубокая традиция изготовления крестов именно с рельефными изображениями, несмотря на то что в византийской пластике образ св. вмч. Стефана вообще встречается очень редко. В настоящее время определить место и время изготовления рассматриваемых нагрудных крестов с рельефным изображением св. вмч. Стефана (№ 56—57) можно лишь приблизительно — Византия, XI—XII вв.

Нательным крестам (№ 58—61), украшенным преимущественно циркульным орнаментом, находятся многочисленные аналогии как среди коллекционных экземпляров, так и среди крестов, происходящих из раскопок на обширной территории Средиземноморья, а также из Херсонеса, с разбросом дат от V до XI—XII вв. Анализ таких крестов, предпринятый недавно А. Е. Мусиным, позволяет благодаря находкам из хорошо датированных комплексов на Балканах [Мусин 2006: 163—222, рис. 13, цв. ил. 6] более уверенно датировать их X—XI вв.

Накладной плоский крест (№ 62), так же как и два фрагмента процессионных крестов с изображением св. вмч. Георгия (№ 63, 64), выполнены в манере, характерной для ближневосточных крестов X—XI вв., и поэтому, несмотря на отсутствие прямых аналогий, их можно уверенно связывать именно с этим кругом предметов культовой пластики. К ним примыкает и небольшой крест (№ 65), служивший, вероятно, в качестве навершия какого-то литургического предмета (дароносицы) или литургического креста.

Массивный крест на коротком (1,1 см) шиповидном стержне, с боковыми побегам «цветения» (№ 66), по аналогии с близкими по форме и размерам византийскими памятниками определяется как деталь хороса XIII—XIV вв. [Die Welt von Byzanz 2004: 102—107, Nr. 139-2, 139-4, 139-7].

Заканчивая характеристику предметов из «сирийской коллекции» Ханенко, следует кратко остановиться на **утраченных памятниках** — трех образках и фрагменте креста, известных нам по фотоотпечаткам с негативов В. В. Хвойки (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 12, 13) (рис. 24):

1. *Креста процессионного фрагмент*. Сохранившаяся ветвь имеет резко расширяющиеся концы, которые завершаются трилистниками. Крест украшен циркульным орнаментом. Близких аналогий не выявлено. По форме и характеру орнаментации фрагмент можно уверенно отнести к кругу ближневосточных крестов XI—XII вв., таких как крест из Ани и из Херсонеса [Armenia sacra 2007: kat. 86; Яшаева 2005: 202, рис. 2].

2. *Образок* с рельефным поясным изображением Богоматери Знамение. Имеет петлю для подвешивания и характерный выступ, встречающийся на створчатых панагиях XIV—XVI вв. [Стерлигова 1996: 162—177]. Образок отлит по образцу нижней створки меднолитой путной панагии [Ханенко 1900: табл. XXVI, № 301; Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006: 62, 155—156, 209, 272—273, kat. I.31, II.62, II.63].

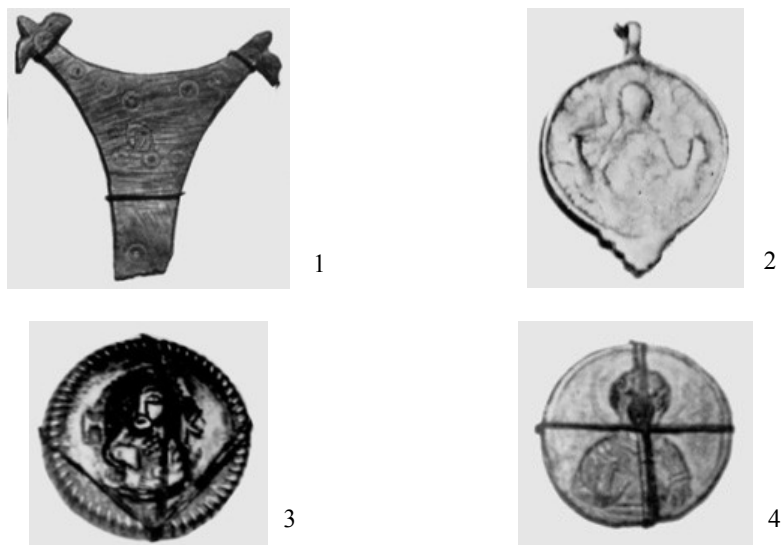

Рис. 24. Утраченные памятники, известные по фотоотпечаткам с негативов В. В. Хвойки: 1 — процессионного креста фрагмент; 2 — образок с поясным изображением Богоматери Знамение; 3—4 — образки с изображениями неизвестных святых (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 12, 13)

3. *Образок* круглый с погрудным изображением неизвестного святого и зубчатой окантовкой по краю. Видны две буквы — [N] и К.

4. *Образок* круглый (вставка?) с поясным изображением неизвестного святого.

Среди названных четырех предметов только фрагмент креста можно с уверенностью связать с византийским кругом древностей. Образок с изображением Богоматери Знамение, несомненно, древнерусский, как, по-видимому, и два других образка с едва различимыми ликами. Это еще раз подтверждает, что состав коллекции крестов и образков Ханенко был смешанным (русско-византийским) еще при жизни ее владельца.

Приведем также сведения об отсутствующих крестах, скомпонованных когда-то на **таблице XLII** несостоявшегося третьего выпуска альбома Ханенко. Состав крестов на этой таблице устанавливается по кратким и нечетким описаниям в инвентарной книге Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко за 1925 г. (Инвентар Музею мистецтв ВУАН: Книга 2, № 4257—4270) (рис. 25). На таблице было расположено 9 створок крестов-реликвариев с расширяющимися концами (№ 4259—4267). Судя по кратким и не всегда понятным описаниям, кресты эти были украшены в основном геометрическим орнаментом, в том числе циркульным, в отдельных случаях с гнездами для вставок, что позволяет предполагать в них византийские кресты. Есть крест с надписями; на одной из створок рельефное (?) изображение креста.

Приложение I: Процессионные кресты. В состав коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко вошло четыре процессионных креста (№ 67—70) [Пескова, Строкова 2010а: 164—184]. Они были приобретены в коллекцию, как отмечалось выше, уже после выхода в свет первых двух выпусков альбома «Крестов и образков...» [Ханенко 1899—1900]. Именно этими крестами, как нам удалось установить, должен был открываться уже подготовленный к печати, но так и не опубликованный третий выпуск альбома.

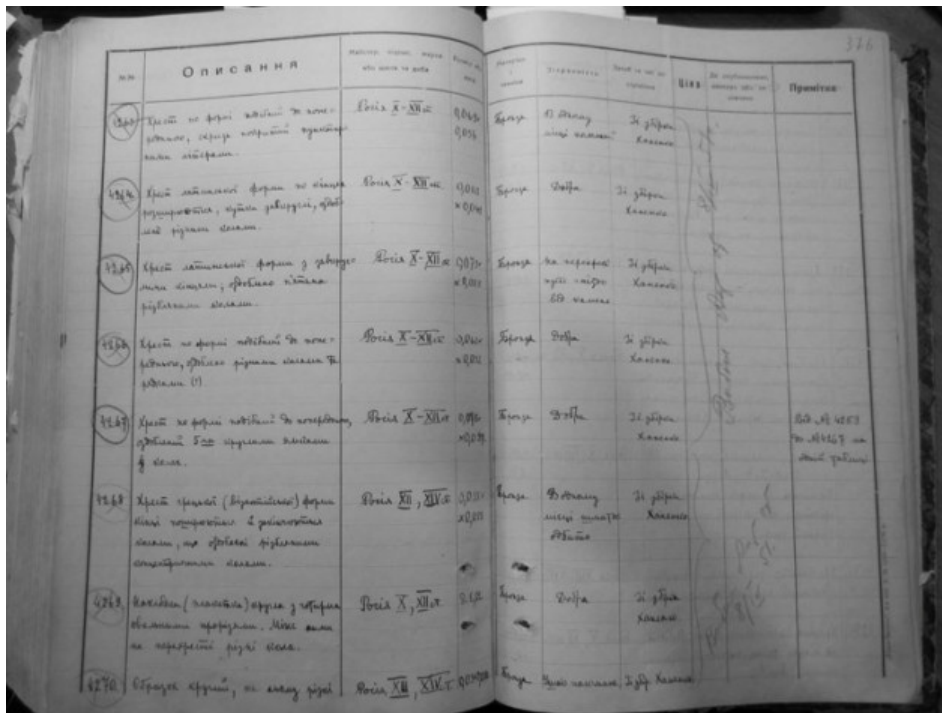

Рис. 25. Страницы из инвентарной книги Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко за 1925 г. (по: Инвентар Музею мистецтв ВУАН: Кн. 2, № 4257—4270)

В 1915 г. на выставке церковной старины в музее барона Штиглица в Петрограде, по свидетельству Н. Е. Макаренко, среди двадцати девяти предметов из собрания Ханенко экспонировались три процессионных креста, «происходящих из Киева» [Макаренко 1915: 57—58, примеч. 152]. Есть много оснований предполагать в них кресты, которые мы ныне публикуем. Все они были переданы в Исторический музей в 1937 г. из Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко. Согласно инвентарной книге 1925 г. этого музея, один из них был обнаружен при раскопках В. В. Хвойки на усадьбе М. М. Петровского близ Десятинной церкви (№ 67), другой был найден на Киевщине (№ 69), происхождение третьего и четвертого крестов (№ 68, 70) не указано.

Крест № 67 имеет первостепенное значение, поскольку происходит из раскопок, проводившихся В. В. Хвойкой в 1907 г. близ Десятинной церкви в Киеве. Среди немногих византийских процессионных крестов, известных на территории Древней Руси, он по сей день остается единственным имеющим археологическое происхождение — крест найден в братском захоронении, сооруженном киевлянами после монголотатарского нашествия 1240 г. (рис. 26)⁵². Долгое время крест был известен специалистам по многочисленным, но кратким упоминаниям в литературе как византийский крест конца X—XI в. В

⁵² На публикуемой фотографии из архива ИИМК РАН воспроизведен рисунок раскопа В. В. Хвойки 1907 г., дающий представление об условиях нахождения процессионного креста. Над раскопом художник поместил многократно увеличенное схематичное изображение обнаруженного креста с двух сторон (ФО НА ИИМК. Нег. I 39369. О. 2147.13).

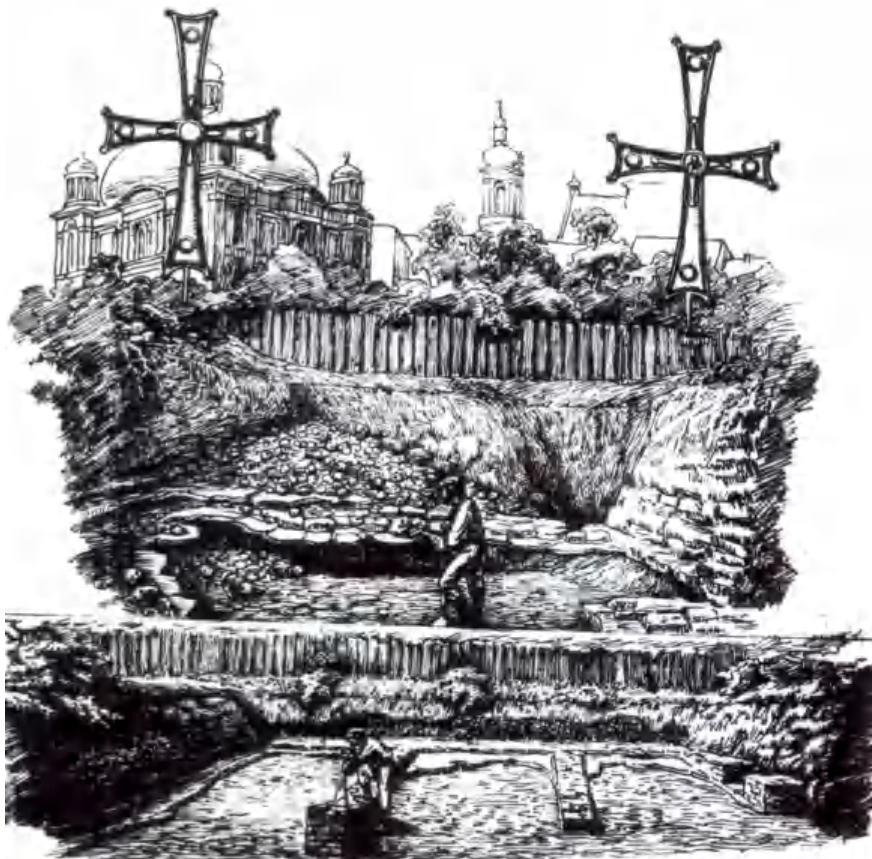

Рис. 26. Раскопки В. В. Хвойки близ Десятинной церкви, 1907 г.
Рисунок В. В. Хвойки (ФО НА ИИМК. О. 2147.13, нег. I 39369)

2004 г. он был достаточно полно проанализирован и опубликован Л. В. Пекарской и В. В. Павловой в связи с обнаружением в собрании Дамбартон Окс в Вашингтоне украшавшего некогда этот крест и утраченного серебряного медальона с изображением св. вмч. Феодора [Пекарська, Павлова 2004: 94—100; Pekarska 2011: 236—238, pl. 9.9]. В настоящем каталоге впервые воспроизводятся обе стороны этого креста (после реставрации 1993—1995 гг.) и медальон с изображением св. вмч. Феодора [Ross 1962: 24—25, pl. XXIII, no. 20; Pekarska 2011: 236—238, pl. 9.9). Датировка креста концом X в. и предполагаемая связь его с Десятинной церковью представляются достаточно убедительными.

Крест № 68 имеет характерные особенности, состоящие в декорировании плоскости креста контрастными по цвету накладными элементами (гладкими

дисками, полыми круглыми и миндалевидными накладками, проволокой). Выявление одиннадцати достаточно близких по оформлению крестов позволяет говорить о них как об особой группе больших процессионных крестов, возможно, предназначенных для удовлетворения потребностей небольших церквей и монастырей. Исследователи датируют их преимущественно IX—XII вв. Наибольшее количество адресных находок крестов этого типа сегодня известно в Балкано-Дунайском регионе (Эпидавр, Метсово, Великий Преслав, Аязмото), отдельные находки выявлены на Кипре и в Малой Азии⁵³. Это позволяет предполагать, что их изготовление могло быть налажено в нескольких крупных центрах обширной Византийской империи конца X—XI в.

Крест № 69, найденный на Киевщине, также относится к большим процессионным крестам с расширяющимися концами, которые завершаются маленькими дисками, однако он практически лишен декора, что осложняет атрибуцию таких крестов. Впрочем, он имеет ряд характерных признаков: полукруглые выступы в средокрестье, украшенном едва заметными прочерченными концентрическими кругами, фигурные отростки на нижнем конце креста, полое шаровидное основание. Несмотря на отсутствие прямых и полных аналогий, по совокупности этих признаков крест может быть отнесен к продукции мастерских византийского круга X—XI вв.

Четвертый крест (№ 70) в собрании НМИУ тоже по-своему уникален. Сведения о нем в печати впервые появились в 1983 г., краткая, но емкая по содержанию публикация — только в 1998 г. [Пуцко 1983: 137—139, рис. 10; Павлова 1998: 226—229, рис. 1—2]. Тем не менее памятник этот таит в себе еще много вопросов и требует дальнейшего пристального рассмотрения. По форме, размерам и композиционному решению он вполне сопоставим с небольшими византийскими крестами X—XII вв. Однако по технике исполнения (способу украшения креста накладными медальонами с врезанными погрудными изображениями святых воинов) этот памятник пока не имеет себе подобных. Судя по ряду признаков, он был изготовлен по заказу, но не обязательно в специализированной мастерской.

При рассмотрении византийских процессионных крестов из коллекции Ханенко следует обратить особое внимание на кресты, обнаруженные около ста лет назад в округе Великого Преслава, но опубликованные сравнительно недавно [Тотев 2002: 57—65]. Находка в одном месте сразу трех процессионных крестов, изготовленных, по мнению К. Тотева, примерно в одно время (в пределах второй половины X—XI в.) и, возможно, представлявших собой единый литургический комплекс, принадлежавший некоему монастырскому храму поблизости от столицы [Тотев 2002: 66], вызывает большой интерес уже сама по себе. Для нас эта редкая находка ценна еще и тем, что два креста из трех представляют собой ближайшую параллель крестам № 68 и № 70 из коллекции Ханенко. Это вновь заставляет вспомнить об особой роли Балкано-Дунайского региона в конце X—XI в. как источника и проводника византийских традиций в процессе сложения самобытной христианской металлопластики Древней Руси [Пескова 2004: 157—183; 2007: 268—279].

В приложение II включены все кресты восточнохристианского облика неизвестного происхождения, хранящиеся в НМИУ. Необходимость такого приложения обусловлена прежде всего нарушением первоначального состава «сирийской коллекции», а значит, и возможностью выпадения из ее со-

⁵³ Ссылки на литературу см. в каталожной статье № 68.

става отдельных предметов в «беспаспортные». Необходимо также принять во внимание, что Г. Ф. Корзухина некоторые кресты, значащиеся в настоящее время как предметы неизвестного происхождения (в настоящем каталоге № 72, 74, 75, 80), по неизвестным сегодня причинам причисляла к «сирийской коллекции» Ханенко (РО НА ИИМК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 6, 18, 21, 31 об.).

Часть из них, в частности плоские кресты с врезанными изображениями (№ 73, 74, 81, 82), действительно можно отнести к византийским крестам ближневосточного круга. Но среди них есть и створка креста-реликвария типа лингби (№ 72), и редкая по форме и манере исполнения створка с изображением стоящего святого с крестом на длинном древке у левого плеча и с профильным изображением птицы над головой и двумя погрудными изображениями святых на концах боковых ветвей (№ 75). К не менее редким из-за своего материала экземплярам относится серебряный с чернью крест-реликварий с традиционной для таких крестов композицией «Распятие с предстоящими — Богоматерью и 4 евангелиста» (№ 71).

Рельефные кресты представлены одной миниатюрной створкой основного, или «классического», иконографического типа в его сокращенном варианте (№ 77), а также одной неудавшейся отливкой створки балкано-дунайского облика (№ 76). Скорее всего, эта модель возникла на территории Древней Руси, если принимать во внимание аналогичные находки в Великом Новгороде (в слое XIII в.), Чернигове и на поселении Кошчевка-8 в Среднем Поднепровье (XI—XII вв.) [Пескова 2007: 276, рис. 6: 3; Лысенко и др. 2012: 157, 291, рис. 144] (рис. 27).

Особое место среди крестов восточнохристианского облика занимают кресты с рельефным лицевым изображением в центре и следами надписи на гладких концах (№ 78, 80, в меньшей степени № 79). Они имеют характерную для византийских рельефных крестов традиционную форму, но нехарактерную композицию, не говоря уже о составе изображений. В одном случае два отдельных изображения (Богоматерью с Младенцем, оба в профиль, и Симеон Богоприимец, тоже в профиль) составляют композицию Сретения, которую можно увидеть и понять, только если положить эти створки рядом (№ 78). В другом случае на оборотной створке помещено фронтальное изображение стоящей Богоматери с Младенцем перед грудью, изображенным в профиль, с опущенной головой (?). Иконография аналогичного рельефа на створке из Пражского городского музея определена исследователями как Богоматерью Одигитрия, что нам представляется не вполне правильным. Скорее его можно рассматривать как иконографический вариант изображения «Богоматерью с Младенцем на лоне». Местом изготовления створки в XI—XII вв. исследователи склонны считать мастерские скорее Древней Руси, нежели Византии [Nechvátal 1979: 218, Abb. 2:1; Horníčková 1999: 242, cat. 35]. Однако отсутствие близких аналогий среди достоверно древнерусских крестов, а также отличия в форме и конструктивных особенностях створок и оглавия не позволяют согласиться с этим мнением. Вопрос останется открытым до появления новых крестов этой серии.

Таким образом, часть публикуемых в приложении крестов находят ближайшие аналогии в составе «сирийской коллекции» Ханенко, часть представлены уникальными экземплярами. Есть среди них и такие, которые позволяют предполагать, что они могли быть изготовлены на Руси по одному из балкано-дунайских образцов.

Рис. 27. 1 — Створка креста балкано-дунайского облика (кат. № 76);
 2 — 3 — аналогичные кресты-реликварии из раскопок в Киевской обл. и в Новгороде
 (по: [Лысенко и др. 2012: фото на обложке;
 Корзухина, Пескова 2003: 45, кат. I.1/2, табл. 3])

Заканчивая рассмотрение состава «сирийской коллекции» Ханенко, коснемся вопроса о двух предположительно намечавшихся ее частях («сирийской» и «критской»).

Анализ состава крестов, представленных на негативах Хвойки, позволил сделать вывод о том, что большинство из них относятся к широко распространенным во всем восточно-христианском мире типам; в том числе, и даже главным образом, это кресты с изображением святых, культ которых связан с территорией Малой Азии. Однако два креста-реликварии из сорока могут быть связаны своим происхождением с Балкано-Дунайским регионом (№ 26, № 52). А три не дошедших до нас образка имеют, скорее всего, древнерусское происхождение.

Критская (или кипрская?) часть коллекции (остальные 33 креста, не попавшие на негативы Хвойки: № 1, 4—9, 12—14, 16, 19, 20, 22, 23, 27, 29—32, 38—41, 43, 45, 47, 48, 50, 51, 53, 56, 65) представлена как общеизвестными и широко распространенными типами крестов, так и типами, имеющими локальное распространение. К локальным типам относятся три креста (№ 22, 38, 50), два из них, предположительно, связаны с Балкано-Дунайским регионом. Третий крест-реликварий являет собой грубую и редкую во многих отношениях модель креста, выполненную в целом на основе восточно-христианской традиции, но со стилистическими признаками, характерными для североευропейской пластики (№ 50). Его происхождение может быть связано как с Балкано-Дунайскими землями, так и с Древней Русью.

Таким образом, только 5 крестов-реликвариев (№ 22, 26, 38, 50, 52) коллекции Ханенко не могут быть отнесены к византийским крестам ближневосточного круга по своему происхождению. При этом два из них (№ 38, 50) представлены количественно редкими и даже уникальными типами крестов. Исторически появление таких крестов в Малой Азии в X—XI вв. не исключается. Однако в свете упоминания Н. И. Петрова о двух коллекциях, приобретенных Б. И. Ханенко, эти отмеченные выше 5 крестов становятся свидетельством, подтверждающим возможность формирования единого собрания из двух разнородных частей. Присутствие двух крестов балкано-дунайского происхождения на негативах Хвойки, сделанных до 1914 г., позволяет думать, что в собрании Б. И. и В. Н. Ханенко эти две коллекции, возможно, и не разделялись. А древнерусские образки, запечатленные на том же негативе, являются дополнительным подтверждением разнородности состава коллекции.

Заключение

«Сирийская коллекция» византийских древностей Б. И. и В. Н. Ханенко сформировалась примерно сто лет назад. Сегодня впервые осуществляется полное издание христианской части этой коллекции, имеющее как общекультурное, так и узкоспециальное значение. Особую актуальность приобретает это издание в связи с недавним выходом в свет двух больших каталогов византийских бронзовых крестов-реликвариев [Pitarakis 2006; Дончева-Петкова 2011], существенно дополняя их не только количественно⁵⁴, но и качественно благодаря большому разнообразию, а в отдельных случаях даже уникальности представленных в коллекции крестов.

Таким образом, создается достаточно полная база источников для изучения византийской культовой металлопластики, позволяющая во многом по-новому взглянуть на эти памятники, откорректировать сложившиеся научные представления о процессе формирования и развития традиции использования предметов личного благочестия (нагрудные кресты-реликварии и кресты с односторонними изображениями) и литургического назначения (процессионные кресты) на широких пространствах восточнохристианского мира. Это ка-

⁵⁴ Напомним для сравнения, что в каталоге Б. Питаракис учтено свыше 670 византийских крестов-реликвариев, у Л. Дончевой-Петковой только на территории современной Болгарии — свыше 620. Значительная часть болгарских находок оказалась учтенной в каталоге Б. Питаракис, поэтому общее количество доступных для современного исследователя византийских нагрудных крестов-реликвариев можно считать приближающимся к 1000 экземпляров.

сается как вопросов происхождения традиции, ее локальных особенностей, так и хронологии. И хотя в области хронологии коллекционные памятники обычно малоинформативны, во многих других отношениях их изучение весьма перспективно.

Новое представление о возникновении и развитии традиции широкого использования нагрудных крестов-реликвариев, как уже было сказано, стало утверждаться во многом благодаря значительному возрастанию количества археологических находок крестов, датированных сопутствующими монетами, главным образом на территории Болгарии. Выяснилось, что нагрудные кресты-реликварии появляются на территории Византийской империи только в IX в. и получают широкое распространение в X—XI вв., а в XII—XIII вв. их бытование постепенно прекращается.

Новые исследования накопленных материалов, их обобщение не только уточняют хронологические рамки этого явления и максимально раскрывают его многообразие. Они позволяют ясно увидеть в этом многообразии две группы крестов-реликвариев: 1) кресты с традиционной иконографией Распятия с предстоящими (или без них) на одной створке и Богоматери Оранты с четырьмя евангелистами (или без них) — на другой; 2) кресты с нетрадиционной иконографией очень схематичных, даже условных изображений Богоматери с Младенцем, Богоматери Оранты и молящихся святых, а также крестов и крестообразных композиций. Находки крестов первой группы распространены повсеместно, а производные от них локальные иконографические варианты крестов — преимущественно в Балкано-Дунайском регионе. Находки крестов второй группы распространены главным образом на территории восточных провинций Византии конца X—XI в. в Малой Азии и, в меньшей степени, в Сиро-Палестинском регионе; нередко они встречаются и в европейской части империи. На сводной карте распространения крестов-реликвариев, составленной Б. Питаракис, Сиро-Палестинский регион отличается очень малой насыщенностью находками [Pitarakis 2006: fig. 78]. Это обстоятельство, вместе с новой датировкой крестов-реликвариев, ставит под сомнение идею единого сиро-палестинского происхождения византийских крестов-реликвариев. А малое количество находок крестов-реликвариев в Сиро-Палестинском регионе не позволяет говорить и о его специфике. Поэтому сегодня мы рассматриваем этот регион только как часть единого ближневосточного ареала находок крестов-реликвариев.

В настоящее время более перспективной нам представляется идея константинопольского происхождения крестов-реликвариев первой группы (с традиционной иконографией) и ближневосточного происхождения крестов-реликвариев второй группы (с нетрадиционными схематичными изображениями святых и крестообразных композиций). Под Ближним Востоком в данном случае мы имеем в виду только малоазийские провинции Византии вместе с примыкающими к ним землями Сиро-Палестинского региона, а не весь Ближний Восток в его широком значении. Новый взгляд на происхождение нагрудных крестов-реликвариев в настоящее время разделяется далеко не всеми исследователями, однако в публикациях последних лет для крестов-реликвариев обеих групп все чаще используется более общее и более корректное название — «византийские» вместо «сиро-палестинские».

Изучение крестов из «сирийской коллекции» Ханенко показало, что в ее составе отражено все многообразие византийских крестов, однако жемчужиной коллекции, несомненно, являются преобладающие в ней кресты-реликварии

рии с нетрадиционными глубоко или легко врезанными изображениями, характерными, в первую очередь, для византийской культовой пластики ближневосточного круга. Эта группа крестов по сей день остается наименее изученной, и введение в научный оборот новых, очень ярких и своеобразных материалов должно способствовать ее дальнейшему углубленному исследованию.

Для исследователей древнерусской христианской культуры настоящий каталог крестов имеет особое значение. Нарушенность первоначального состава христианской части «сирийской коллекции» еще при жизни ее владельцев и слияние ее в процессе подготовки к публикации в третьем выпуске альбома «Крестов и образков» с памятниками культовой металлопластики, приобретенными ранее, с одной стороны, не дают исследователям ожидавшегося эталонного памятника культуры византийских провинций в Сиро-Палестинском регионе, но, с другой стороны, благодаря этому обстоятельству неожиданно открываются новые возможности для понимания процесса становления традиций древнерусской культовой пластики, в первую очередь на раннем этапе истории христианства в Древней Руси. Оно позволило выявить исключительно редкие модели крестов-реликвариев византийского облика, созданные, по видимому, на Руси в конце X—XI в., в том числе модель, послужившую прототипом для одного из вариантов нательных крестов с Распятием, получивших широкое распространение прежде всего на Руси и в Скандинавии. Особую ценность имеет введение в научный оборот неизвестных ранее и вообще очень редких находок византийских процессионных крестов, использовавшихся в литургической практике Древней Руси.

Настоящая публикация крестов из коллекции Ханенко отражает состояние коллекции спустя столетие после ее создания, за это время неминуемы были, конечно, и какие-то утраты. Представление о полном ее составе можно будет получить только после публикации негативов к неизданному III выпуску альбома Б. И. и В. Н. Ханенко «Древности русские. Кресты и образки».

КАТАЛОГ

СОСТАВ КАТАЛОГА

«Сирийская коллекция» Б. И. и В. Н. Ханенко

Кресты — предметы личного благочестия: № 1—61

- Кресты-реликварии нагрудные: № 1—52
- Кресты нагрудные с односторонними изображениями: № 53—57
- Кресты нательные: № 58—61

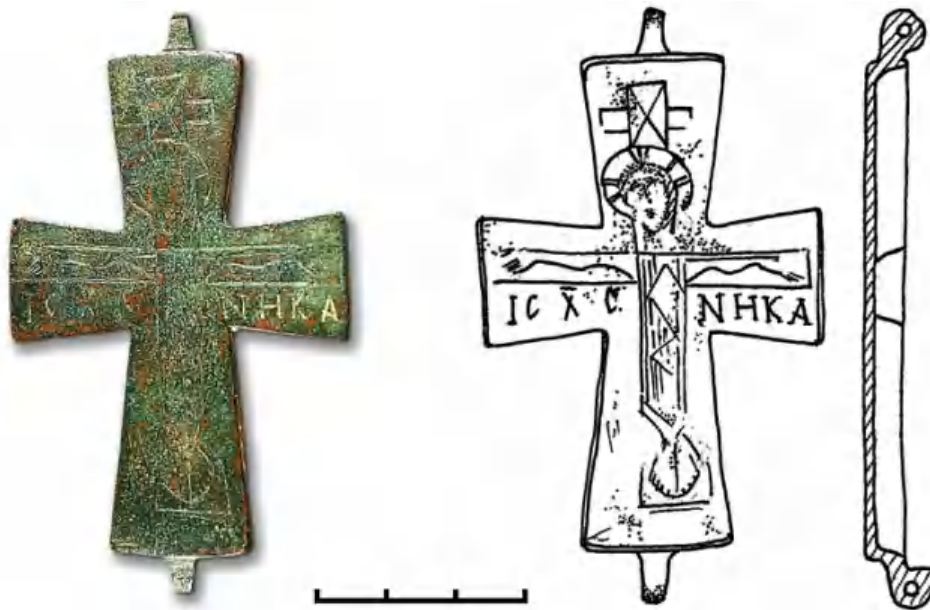
Кресты литургического назначения: № 62—66

- Крест накладной: № 62
- Кресты процессионные (фрагменты): № 63—64
- Крест-навершие: № 65
- Крест — деталь хороса: № 66

Приложение I: Византийские процессионные кресты из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко: № 67—70

Приложение II: Византийские нагрудные кресты неизвестного происхождения из собрания НМИУ: № 71—82

- Кресты-реликварии нагрудные: № 71—80
- Кресты с односторонними изображениями: № 81—82

Кат. № 1

НМИУ, № в 4626/312 (4739); таблицы Ханенко XLV: 459¹

7,15 (8,4)×4,8 см, толщина — 0,45—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка прямоконечного креста-реликвария с расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Створка тонкая, глубокая, бортики вертикальные. Лоток створки ровный, на внутренней поверхности редкие литейные натеки и загрязнения. На одном из боковых концов и на нижнем конце створки утрата металла на бортиках. На внешней поверхности нижнего конца створки следы коррозии.

Все поле креста занимает изображение Распятия: Христос в колобии, Крестное дерево намечено частями — горизонтальная перекладина, возглавие, имитирующее *tabula ansata*, и подножие необычной «куполообразной» формы, предположительно изображающее Голгофу. Голова Христа с крестчатым нимбом слегка склонена к правому плечу, руки, вытянутые вдоль горизонтальной перекладины Крестного дерева, расположены вплотную к ее верхнему краю, ноги с сомкнутыми стопами утверждены на подножии. Длинный, до щиколоток, колобий Христа, орнаментированный заштрихованными треугольниками, имеет прямоугольные очертания со скошенным к центру краем подола. На верхнем конце створки начертана буква **X** (или крест), на боковых концах створки под руками Христа надпись **IC XC NHKA**.

Все изображения и надписи выполнены тонкими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

¹ В скобках указывается старый инвентарный номер Музея искусств Ханенко (1925), далее указываются таблица и номер по неизданному III выпуску альбома «Кресты и образки...» Ханенко.

Аналогии²:

Настоящий каталог, № 72;
Дончева-Петкова 1992: 52—60, табл. I;
Дончева-Петкова 2006: 128—130;
Staecker 1997: 70—74, 76—77, Abb. 3, Karte 3;
Staecker 1999: 160—164, 562—563, Karte 31;
ΣΥΛΛΟΓΗ 2001: № 32;
Корзухина, Пескова 2003: 51—52, кат. I.2/29, 30, табл. 13;
Pitarakis 2006: широкие аналогии: 257—278, nos. 221—295, suppl. no. 18,
в том числе наиболее близкие аналогии: nos. 235, 236, 238, 241—242, 244—
245, 247, 250, 251, 253, 255—256, 258—261, 266—268, 272—277, 279, 285;
РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 43, 59.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Крестов-реликвариев этого широко распространенного типа (тип лингби — Тур 3.3.1 по Й. Стекеру [Staecker 1997; 1999]) сегодня насчитывается свыше 100 ед. (вместе с безадресными коллекционными экземплярами)³. Их ареал охватывает почти всю Европу и Малую Азию. Наибольшая концентрация находок приходится на балкано-дунайские земли и побережье Малой Азии. Ряд болгарских археологических находок крестов этого типа датируются сопутствующими византийскими монетами концом X—первой половиной XI в. [Дончева-Петкова 1992: 52—60, табл. I; 2006: 128—130]. Не позднее первой половины XI в. датируется и прекращение жизни на тех поселениях, где были сделаны такие находки [Дончева-Петкова 2006: 128—130]. Длительное — до XII—XIII вв. — бытование крестов этого типа документировано находками, полученными при раскопках, например, в византийском Херсоне в 1965 и 1987 гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 59; [Византийский Херсон 1991: 164, № 172]), в Никее (совр. Изник, Турция) [Pitarakis 2006: 275, no. 284] и др.

Отсутствие находок таких крестов в сиро-палестинских землях, по-видимому, снимает вопрос о происхождении рассматриваемой модели из Святой земли, несмотря на характерную штриховую манеру в передаче изображений. Высокая их концентрация в Балкано-Дунайском регионе и в Малой Азии тоже не дает определенного ответа на этот вопрос. Однако следование устойчивой для нагрудных крестов-реликвариев иконографии в оформлении створок (в основных чертах и в сокращенном варианте) склоняет к мысли, что данная модель могла появиться в тех же столичных мастерских, где изготавливали классические рельефные кресты-энколпионы с развернутой иконографией Распятия на одной створке и Богоматери Оранты и четырех евангелистов — на другой. В ряде случаев есть веские основания говорить об их местном изготовлении (по образцам!), как, например, на поселении Одырцы (Толбухинский округ, Болгария) [Дончева-Петкова 1992; 2006].

² В данном случае, как и для всех других типов крестов, представленных большим количеством экземпляров, приводятся только работы обобщающего характера.

³ До выхода каталогов Б. Питаракис и Л. Дончевой-Петковой было известно около 60 экз.

Кат. № 2

НМИУ, № в 4626/301 (4763); таблицы Ханенко XLIV: 454

6,9 (8,4)×5,1 см, толщина — 0,7 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка прямоконечного креста-реликвария с расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Створка тонкая, с глубоким лотком, с четкими вертикальными бортиками, гладкая изнутри и сильно потертая снаружи. На внутренней поверхности местами литейные натеки. Верхние петли погнуты. Между нижними петлями на соединительном штифте сохранился фрагмент петли от лицевой створки этого креста.

В центре — полустертое изображение стоящей Богородицы Оранты, на боковых концах четырехконечные кресты с косым крестом в середине. Над головой Богородицы двухстрочная надпись:

[H]ΑΓΙΑΘ
[COT]OKOC

Все основные изображения и надписи выполнены тонкими врезанными линиями. Контуры изображения Богородицы вверху (голова и нимб) и, возможно, внизу (подножие), а также изображения боковых крестов дополнительно проработаны точечными наколами, одеяние Богородицы — штриховкой.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 19, 31.

Аналогии:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 56;

Wulff 1909: Taf. XLV, no. 918;

Megaу 1961: 100—108, fig. 4, 5;
Гетов, Цанова 1967: 162, обр. 115;
Вълева 1981: 80—81, обр. 6;
Янков 1985: 87—88, фиг. 1, 3;
Залеская 1988: 93, 95, рис. 3; 1998: 41, № 45;
Пескова 2004: 162—168, рис. 6: 2а, б;
Pitarakis 2006: 259, 272, 274, 275, nos. 227 (другая форма створки), 274, 280, 286.

Атрибуция: Византия, X—XI вв.

По форме, размерам и иконографическому составу данная створка, как и створка № 1, относится к типу лингби (по Й. Стекеру), но представляет собой довольно редкий вариант этого типа, отличающийся характером надписи — [Н] АΓΙΑ Θ[ΕΟΤ]ΟΚΟC вместо обычной надписи ΜΗΡ ΘΥ на крестах такого типа. Известно 8 крестов этого варианта, в том числе энколпион из мужского погребения в могильнике середины X—середины XI в. близ Мишкольца, Венгрия [Megaу 1961; Пескова 2004], энколпион из Старой Загоры, Болгария [Янков 1985] и створка энколпиона из дореволюционных раскопок в Херсонесе [Залеская 1988; 1998], а также коллекционные экземпляры, хранящиеся в Национальной художественной галерее в Софии (Болгария) [Вълева 1981], в городском музее Казанлыка (Болгария) [Гетов, Цанова 1967]⁴, в музее Бенаки в Афинах (Греция) [Pitarakis 2006: no. 227] (другая форма створки), в Британском музее в Лондоне [Pitarakis 2006: no. 280] и в частной коллекции во Франции [Pitarakis 2006: no. 274]. Однако рассматриваемая створка отличается от них расположением надписи ΘΕΟΤΟΚΟC не по сторонам изображения Богоматери, а сверху, над ее головой, там, где обычно помещается изображение простого 4-конечного креста, нанесенного, как правило, простыми углубленными перекрещенными линиями. В данном случае кресты изображены на боковых концах створки, при этом они необычной формы, напоминающей форму верхней части Древа креста (возглавие) в композиции Распятия на лицевой створке. Крест такой же формы, но в сложном арочном обрамлении, изображенный над головой Богоматери, встречен лишь однажды на кресте из Британского музея [Pitarakis 2006: no. 280].

Помимо надписи, объединяющей названные 8 крестов в одну группу (вариант типа лингби), общей чертой для них является также какое-нибудь отступление в деталях от основной иконографии, будь то вышеупомянутые изображения крестов необычной формы или необычное расположение петель (как на кресте из Мишкольца) и т. д.

Надпись ΘΕΟΤΟΚΟC (иногда ΘΕΟΤΟΚΕ) появилась на них, по-видимому, как сокращённое подражание надписи Η ΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΟC, сопровождающей изображение Богоматери Кириотиссы, характерное для драгоценных крестов второй половины IX—начала XI в. типа известного трехчастного креста-реликвария из Плиски (см. внутренний крест), изготовлявшихся из золота или серебра в константинопольских мастерских [Dončeva-Petkova 1979: 74—91; Дончева-Петкова 2005: 184—209]⁵. В отдельных случаях такая надпись встречается и на иконографически близких бронзовых энколпионах с изображениями Богоматери Кириотиссы, выполненными в технике инкруста-

⁴ Экземпляр, хранящийся в городском музее Казанлыка, отличается сочетанием этих двух типов надписей [Гетов, Цанова 1967: 162, обр. 115].

⁵ Перевод статьи: Dončeva-Petkova 1979.

ции чернью, серебром и даже золотом, например на створке из Враца (Болгария) или на кресте из Херсонеса (Киева?), хранящемся в ГИМ⁶ (Москва) [Дончева-Петкова 1975: 174 и след., обр. 1а, б; Rosenberg 1907: fig. 14—15; Искусство Византии... 1977: 93, № 567].

Ю. Валева, учитывая столичные аналогии створке энколпиона из Национальной художественной галереи в Софии (типа золотого креста из Плиски), датировала ее второй половиной IX—первой половиной X в., не исключая местного (болгарского) происхождения энколпиона [Валева 1981: 81]. Такая датировка представляется возможной, но пока она еще не вполне доказана. Отдельные археологические находки энколпионов типа лингби, датированные сопутствующими монетами второй половиной X—началом XI в., не опровергают этой даты, так как значительная часть энколпионов этого типа происходит из раскопок поселений IX—XI вв. Это позволяет надеяться на подтверждение в будущем датирующими материалами и более ранней даты — конец IX—первая половина X в.

Кат. № 3

НМИУ, № в 4626/322 (4080); таблицы Ханенко XLVI: 472

7,0 (7,8)×4,7 см, толщина — 0,55—0,65 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка прямоконечного крестареликвария с расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Створка глубокая, с четкими вертикальными бортиками, с острыми (не стершимися) внешними гранями. На ровной внутренней поверхности есть небольшие литейные натеки. На одном из бортиков — утрата металла. Нижняя петля отсутствует.

В центре — изображение стоящей Богоматери Оранты, на подножии. На боковых концах — поясные изображения архангелов с рипидами. Над головой Богоматери надпись: **МНР ΘΥ**. В нимбе Богоматери двумя радиальными лучами выделен сектор, в котором четырьмя точками обозначен крест. Одевание

Богоматери в верхней части орнаментировано косой встречной штриховкой. В нижней части оно расширяется от пояса, обозначенного тремя параллельными линиями, к подолу. По бокам заметны контуры ниспадающего от локтей мафория. Архангелы изображены в лоратных (?) одеяниях, переданных косой сеткой с точками, и с крыльями, также орнаментированными штриховкой.

Все изображения и надписи выполнены тонкими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 17, 32.

⁶ В настоящее время происхождение этого креста связывается исследователями не с Херсонесом, а с Киевом (см.: [Астахова, Сарачева 2007: 20, рис. 3]).

Аналогии:

King 1928: t. XXVIII, 13;
Davidson 1952: 257, no. 2060, pl. 110;
Марјановић-Вујовић 1987: 44, № 39;
Συλλογή 2001: № 32;
Pitarakis 2006: 266, nos. 252—254, 282—283.

Атрибуция: Византия, X—XI вв.

Иконографически данная створка также представляет собой вариант крестов типа лингби (ср.: настоящий каталог № 1, 2, 69), для которого характерно наличие дополнительных лицевых изображений (ангелов или безымянных святых) на боковых концах створки. Среди немногочисленных аналогий (6 экз.) только одна створка происходит из раскопок в Коринфе (Греция) [Davidson 1952], еще одна случайная находка — из округа Прилепа (Сербия) [Марјановић-Вујовић 1987], остальные — из частных коллекций [Pitarakis 2006: nos. 252—254]. Коринфская створка датируется «не позднее X в.». Створку из Прилепа Гордана Марьянович-Вуйович датировала XII в.

Створка креста-реликвария из коллекции Ханенко отличается еще и нетрадиционным для этого типа энколпионов размещением изображения Богоматери (не на оборотной, а на лицевой створке), что сближает ее с крестом из Мишкольца, имеющим еще большие отступления — по три петли на каждой створке [Meagy 1961: 100—108, fig. 4, 5]. Отступления в конструкции и иконографии крестов могут быть следствием того, что они были изготовлены в небольших мастерских, вне центров, в которых существовало налаженное массовое производство крестов. В то же время наличие таких неустойчивых признаков может свидетельствовать либо о начальной фазе процесса сложения данного иконографического типа крестов, либо о завершающей фазе его, когда массовое изготовление стандартных крестов этого типа уже прекратилось. Присутствие в группе нестандартных крестов ранних экземпляров X в. (из Мишкольца и Коринфа) склоняет к мысли о ранней дате и для створки из коллекции Ханенко.

Кар. № 4

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/286 (4099); таблицы Ханенко XLIII: 440
6,4 (7,2)×4,4 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/330 (4247), таблицы Ханенко XLVII: 481
6,4 (7,25)×4,4 см

Длина с оглавием — 9,0 см; толщина (общая) — 0,95—1,0 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий прямоконечный, с немного расширяющимися концами, с цельнолитым оглавием в виде цилиндрической бусины на пластинчатом трапецевидном основании. Лотки створок глубокие в центре и более мелкие к концам, гладкие. На внутренней стороне створки 5 сквозных отверстий (проколов) на месте гнезд для вставок и едва заметная выпуклость на месте центрального гнезда, рядом еще одно сквозное отверстие — утрата металла. Нижние петли обломаны. По боковому краю нижнего конца оборотной створки следы спила. Крест патинирован, местами окислен и загрязнен.

Лицевая створка украшена крестообразной композицией, образованной четырьмя равновеликими декоративными треугольниками и примыкающими к их вершинам углубленными круглыми гнездами для вставок (d — 0,6 см). В центре — большое гнездо для вставки (d — 1,15 см). Треугольники украшены штриховкой и концентрическими кругами.

На оборотной створке — изображение Богоматери Оранты с надписью на верхнем конце, помещенной между двумя параллельными линиями:

[Н]ΘЄОТΟΚΟЄ

Голову Богоматери окружает неорнаментированный нимб, от которого к плечам идут две изогнутые линии (возможно изображение мафория). Длиннополое с поясом одеяние обильно декорировано разнонаправленной штриховкой, заполняющей ряды орнаментальных полос и треугольные композиции, а также рядами мельчайших треугольных отпечатков. Стопы направлены в стороны. Края боковых концов створки украшены прямыми параллельными линиями. У верхнего края такие же линии образуют своеобразную рамку для надписи.

Все изображения и надписи выполнены глубоко врезанными линиями и отпечатками штампа.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об., 32 об.

Аналогии:

Залеская 1994: 149, № 215;

Пивоваров 2001: 66, рис. 9, фото 8;

Корзухина, Пескова 2003: 53, кат. I.2/4, табл. 12;

Крамаровский, Гукин 2006: 30—32, табл. 178, 185: 5;

Крамаровский, Гукин 2006а: 53—62, ил. 5, 6 и 7;

Pitarakis 2006: nos. 441, 472 (другая форма створки), 526, 529, 619, в меньшей степени nos. 617, 618, 620, fig. 97, 98;

Пескова, Егорьков 2010: 53—61;
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 59, 78.
Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Сочетание изображений креста (точнее крестообразной композиции) и Богоматери Оранты на лицевой и оборотной створках ближневосточных крестов-реликвариев встречается довольно часто. Но прямых аналогий данному кресту среди них пока найти не удалось. Достаточно близкими аналогиями можно считать кресты из Самсун/Амисос (Турция) и из собрания Эрмитажа (инв. № 0-319) [Крамаровский, Гукин 2006а: 53—62, ил. 7; Pitarakis 2006: 353, no. 526]. Они совпадают с рассматриваемым крестом не только по составу изображений, но и по типу надписи (**ΘΕΟΤΟΚΕ**, **ΘΕΟΤΟΚΟΣ**), хотя и отличаются стилистически. По составу изображений с ним сближается (отчасти) и крест из коллекции музея РАИК в Эрмитаже, но с другим типом надписи — **MP Θ[Υ]** [Залесская 1994: 149, № 215; Pitarakis 2006: 354, no. 529].

Самой близкой иконографической аналогией лицевой створке данного креста является крест из раскопок в Айн Дере (в 70 км от Алеппо, Сирия), который датируется, исходя из археологического контекста (анонимные фолисы 969—1072 гг.) концом X—XI в. [Pitarakis 2006: 381, no. 619]. Достаточно близки этой створке коллекционные экземпляры из Торонто и Будапешта [Pitarakis 2006: 325, 380, nos. 441, 617], а также кресты, найденные в Ортахисаре (Каппадокия) и Resadiye (Турция) [Pitarakis 2006: 335, 380, nos. 472, 618], в Болгарии [Pitarakis 2006: 381, no. 620], в Крыму (Херсонес) и Армении (Эш-нак) (РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 59, 78).

На территории Древней Руси обнаружены две створки, украшенные аналогичными крестообразными композициями. Одна створка была найдена в 1998 г. на территории летописного Василева (ныне в Заставновском районе Черновицкой обл., Украина) [Пивоваров 2001; Корзухина, Пескова 2003]. Другая находка происходит из поверхностных сборов на новгородском Рюриковом городище, она представляет собой фрагмент незавершенного изделия — створки с непросверленной петлей и отличается от вышеупомянутых крестов формой створки [Пескова, Егорьков 2010].

Исходя из приведенных аналогий и высокого мастерства, с которым сделан данный крест, его можно отнести к изделиям одной из крупных ближневосточных мастерских и датировать не позднее конца X—XI в.

Кар. № 5

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/289 (4102); таблицы Ханенко XLIII: 443
6,6 (7,7)×4,4 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/303 (4765), таблицы Ханенко XLIV: 456
6,7×4,4 см

Длина с оглавием — 9,0 см; толщина (общая) — 0,8—0,9 см
Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий прямоконечный, со слегка расширяющимися концами, с цельнолитым цилиндрическим оглавием. Лотки створок неглубокие, бортики четкие, вертикальные. На лицевой створке верхняя петля повреждена, бортики имеют утраты металла и загрязнены. Внутренняя поверхность створок гладкая, у лицевой створки неровная, местами с выемками.

Лицевая створка. В центре — изображение равноконечного креста с резко расширяющимися концами, которые завершаются «слезками». Два конца украшены штриховкой. Края створки оконтурены углубленной линией, а углы выделены дуговидной штриховкой. Концы створки украшены вытянутыми треугольниками, образующими еще один крест. Контурные треугольников, за исключением верхнего, подчеркнуты штриховкой.

Исполнение рисунка небрежное. Все изображения выполнены врезанными линиями неравномерной глубины.

Оборотная створка. В центре — фронтальное изображение стоящего святого Иоанна с гладким незамкнутым нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись **IOANI[C]**. Черты лица на непропорционально маленькой голове едва намечены, схематично передана небольшая борода (клинышком). Положение рук неясное. Одеяние орнаментировано вертикальными полосами со штриховкой и треугольниками с разнонаправленной штриховкой. Широкий пояс снизу обозначен прямой линией, сверху — дуговидной. Стопы направлены в одну сторону. Боковые концы створки заняты орнаментальной композицией. Края створки местами оконтурены углубленной линией.

Все изображения и надписи выполнены врезанными линиями неравномерной глубины.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об., 31.

Аналогии: Настоящий каталог, № 12.

Атрибуция: Византия, XI в.

Рассматриваемый крест-реликварий относится к достаточно распространенной серии крестов с изображением креста (или крестообразной композиции) на лицевой створке и стоящего святого на оборотной [Pitarakis 2006: nos. 338, 340, 341, 350 (другая форма створок), 397, 410, 441, 442, 447, 480, 483, 484 (другая форма створок), 485 (другая форма створок), 488, 518, 521 (другая форма створок), 531, 541, suppl. no. 12]. Б. Питаракис датирует их XI в. В настоящем каталоге есть также отдельные лицевые створки с изображением креста, выполненного углубленными линиями, зачастую в сочетании с круглыми гнездами для вставок (№ 29—32, 33 — другая форма створок).

Однако изображения на створках данного креста нанесены явно неопытной рукой. Возможно, именно по этой причине достаточно близких аналогий ему не найдено. Более или менее близкое стилистически, но выполненное с большим мастерством изображение св. ап. Иоанна можно видеть в настоящем каталоге на створке № 12.

Кат. № 6

НМИУ, № в 4626/332 (4249); таблицы Ханенко XLVII: 482

6,8 (8,1)×4,7 см, толщина — 0,4—0,45 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Лоток створки гладкий, с литейными натеками на одном из вертикальных бортиков. Правый нижний угол створки вместе с петлями утрачен. Створка патинирована, местами проступают пятна окислов.

В центре — изображение стоящей Богоматери Оранты с Богомладенцем перед ней, на боковых концах — погрудные изображения неизвестных святых. На верхнем конце двухстрочная надпись:

ΠΑΝΑΓΗΑ
ΜΗΡ ΘΥ (под титлами)

Изображение Христа вписано в контуры фигуры Богоматери таким образом, что четко выделяется только его верхняя часть (погрудно). Ниже контуры фигуры Христа и Богоматери совпадают. Это позволяет рассматривать изображение Христа как погрудным, так и ростовым (Младенец стоит перед Богоматерью), тем более что из-под длинного, обильно орнаментированного косой сеткой, штриховкой и отпечатками треугольников, одеяния видны ступни только одной пары ног. Нимб Христа крестчатый. Нимб Богоматери не замкнутый, с вписанным крестом, частично (по бокам) орнаментирован штриховкой.

Изображения святых на боковых концах схематичны, без определенных иконографических признаков.

Все изображения и надписи выполнены глубоко врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 32 об.

Аналогии:

Wulff 1909: 197, Taf. XLV, no. 928;

Кондаков 1914: 263, рис. 171; 1915: 104, рис. 32;

Залесская 1998: 36, № 32;

Pitarakis 2006: 305, 306, nos. 378—383.

Атрибуция: Ближний Восток или Константинополь, X—XI вв.

Приводимые в качестве ближайших аналогий створки крестов происходят из Смирны (в коллекции Берлинского музея, см.: [Wulff 1909]) и из Стамбула (коллекция В. Г. Бока в Эрмитаже, см.: [Кондаков 1914; 1915; Залеская 1998]⁷. Б. Питаракис, учитывая названные кресты (№ 379—380), приводит еще четыре экземпляра крестов-реликвариев (№ 378, 381—383), на оборотной створке которых изображение Богородицы с Младенцем имеет аналогичные иконографические особенности — характерный незамкнутый нимб Богородицы с отогнутыми наружу концами и вписанным наверху крестом. Три из них происходят с территории Малой Азии, четвертый — неизвестного происхождения. И только в двух случаях из всех перечисленных, как и на рассматриваемой створке, изображение Богородицы с Младенцем сопровождается полуфигурами святых на боковых концах, идентифицируемыми, согласно надписям, с Иоанном и Петром (№ 378) и с Павлом и Петром (№ 383).

В остальных случаях по бокам размещены надписи **HC XC** (в медальонах или без них) или кресты. При этом руки Богородицы Оранты подняты от локтей вверх и в стороны или вверх перед собой, как бы укрывая голову Младенца. Рассматриваемая створка отличается от себе подобных двойной сопроводительной надписью: **ΠΑΝΑΓΗΑ** и **ΜΗΡ ΘΥ** (под титлами).

На парных лицевых створках почти во всех известных случаях изображаются крест или молящийся святой (Георгий, Иоанн); в одном случае — погрудное изображение Христа в центральном медальоне и ангелов на концах створок.

В. Н. Залеская относит эрмитажный крест-реликварий к изделиям мельников — православных сирийцев и датирует его X в. Б. Питаракис связывает все названные энколпионы с Константинополем или Анатolieй и датирует их XI в. Учитывая отсутствие среди них датированных экземпляров, оставляем широкую дату X—XI вв. Приуроченность находок таких крестов к территории Малой Азии, с одной стороны, и высокое мастерство изготовления крестов этой группы, с другой стороны, позволяет считать их произведениями если не столичной мастерской, то крупной специализированной мастерской в одном из малоазийских центров.

⁷ У Н. П. Кондакова створка опубликована как происходящая из Херсонеса.

Кат. № 7

НМИУ, № в 4626/310 (4737); таблицы Ханенко XLV: 462

6,9 (8,3)×4,5 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами. Стенки тонкие, бортики четкие, вертикальные. На нижнем конце створки на бортике утрата металла. Внутренняя поверхность гладкая.

В центре — изображение стоящей Богоматери с Богомладенцем перед ней, на боковых концах — погрудные изображения архангелов Михаила и Гавриила. Над головой Богоматери надпись **МНР ХС** (под титлами), над головой Христа — **НС** (зеркально) **ХС**. На боковых концах надписи **МНХ** и **ГАВ**. Руки Богоматери, согнутые в локтях, ладонями направлены к крестчатому нимбу Христа в жесте моления и защиты одновременно. Одежания Богоматери и Христа длиннополые, в верхней части почти не орнаментированы, а от пояса донизу украшены частыми прямыми параллельными линиями, идущими по вертикали, и вертикальными же рядами мельчайших треугольников. Рядами таких же треугольников и штриховкой орнаментированы одежания архангелов. Контуры нижнего края одежд Богоматери и Христа, декоративно отмеченные по краям дугообразными линиями, выполнены одинаково, но на разном уровне.

Все изображения и надписи выполнены глубоко врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 20, 32;

Кондаков 1914: 261, рис. 164.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 8;

Wulff 1909: 196, Taf. XLV, nos. 925, 926;

Миятев 1922: 77, рис. 63;

Залеская 1998: 37, № 36; 38, № 39;

Pitarakis 2006: 278—280, 282, 286, 301—303, 306—307, 329, nos. 297, 299, 300, 302, 307, 321, 366, 367, 370—372, 378, 382, 385, 452, 453.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Довольно многочисленные аналогии, подобранные по составу изображений и иконографии (Богородица с Младенцем, как бы поддерживающая или укрывающая его своими руками, и два святых погрудно по бокам) существенно отличаются друг от друга как стилистически, так и сопроводительными надписями. Богородица именуется чаще всего **ΠΑΝΑΓΗΑ**, а также **ΜΗΡ ΘΥ**.

Около изображений святых на боковых концах надписаны имена архангелов Михаила и Гавриила, святых Петра и Павла или Петра и Иоанна, иногда надпись отсутствует. Почти все адресные находки таких крестов связаны с территорией Малой Азии, одна створка (коллекция В. Г. Бока в собрании Эрмитажа) приобретена в Стамбуле. В. Н. Залеская датирует ее X в. и относит к изделиям мастерских Сиро-Палестинского региона [Залеская 1998]. Б. Питаракис датирует все названные кресты XI в., а местом изготовления считает Константинополь или Анатолию.

Кат. № 8

НМИУ, № в 4626/329 (4246); таблицы Ханенко XLVII: 477

8,7 (10,6)×5,9 см, толщина — 0,5—0,55 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка прямоконечного креста-реликвария с нестандартным расположением (а частично и формой) петель: на верхнем конце 2 обычные петли, одна из них частично обломана, на нижнем — необычное устройство. Оно представляет собой подобие втулки с широкой наружной пластиной и боковыми сторонами, по форме сходными с верхними петлями, но без отверстия для штифтов. Внутренняя поверхность створки гладкая, глубина лотка уменьшается от средокрестия к краям.

В центре — изображение стоящей Богоматери с Богомладенцем, на боковых концах — поясные изображения святых, на верхнем — надпись **MP ΘΘ** (под титлами). Нимб Богоматери украшен радиальными насечками. Положение рук неясно. (Возможно, заштрихованными треугольниками над головой Христа переданы ладони Богоматери, как бы держащей руки согнутыми в

локтях). Одевание Богоматери в верхней части орнаментировано только по вороту и по контуру округлого торса. Вниз от пояса орнаментация сплошная, совпадающая, на первый взгляд, с декором одеяний Христа (непрерывная косая сетка). Однако поперечная линия (условный пояс одеяния Богоматери) и прерванный этой линией двойной контур торса Христа позволяют предположить, что изображение Христа следует рассматривать как поясное, а всю расположенную вниз от пояса декоративную композицию, составленную из косой сетки, а также прямых и волнистых линий, — как относящуюся только к одеянию Богоматери. Можно предположить, что мастер либо представил изображение Христа как поясное, либо наполовину скрыл Его образ за одеянием Богоматери. Ног Христа не видно, стопы Богоматери направлены в стороны.

Нимб Христа гладкий. Крест не вписан в него, а лишь выступает короткими отрезками за его контуры. В передаче лиц Христа, Богоматери и святых используется редкий прием — изображение глаз и рта треугольниками.

Все изображения и надписи выполнены очень четкими и глубоко вырезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 32 об.

Аналоги:

По составу изображений и иконографии:

Настоящий каталог, № 7, 18;

Wulff 1909: 196, Taf. XLV, nos. 925, 926;

Миятев 1922: 77, рис. 63;

Залеская 1998: 37, № 36; 38, № 39;

Kreuz und Kruzifix 2005: 174—175, Kat.-Nr. II.4.11;

Pitarakis 2006: 278—280, 282, 286, 301—303, 306—307, 329, nos. 297, 299, 300, 302, 307, 321, 366, 367, 370—372, 378, 382, 385, 452, 453.

По стилистическим особенностям:

Настоящий каталог № 28 и отчасти № 20;

Кондаков 1914: 262—263, рис. 168 (здесь ошибочно указано «крест из Херсонеса»; правильно см.: Залеская 1998: 37, № 36); рис. 170;

Залеская 1998: 37, № 36; 38, 39;

Pitarakis 2006: 278—287, nos. 296—311, 313—316, 318—321, 323, 324.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

По составу изображений и основным иконографическим признакам рассматриваемая створка входит в довольно многочисленную группу крестов (см. настоящий каталог, № 7). Однако по стилистическим особенностям, по манере резьбы, излюбленным приемам декорирования она, вместе с рядом других крестов (всего около 30 экз.), заметно выделяется, входя в группу крестов с устойчивыми отличительными признаками. К ним относятся двойной контур округлых торсов, нередко дополненный внутренним рядом глубоких косых насечек (иногда такими же насечками украшены нимбы Богоматери и Христа), широкое применение косой сетчатой штриховки. Продолговатые лица святых, часто с заостренным подбородком, проработаны предельно просто, но четко. Изображения на таких крестах, как правило, выполнены уверенной рукой мастера, а надписи сделаны неумело (буквы в словах иногда перепутаны местами, зачастую имеют разный размер или переданы зеркально). При-

мечательно, что среди них есть экземпляры, на которых изображение Богоматери с Младенцем помещено на лицевую створку [Pitarakis 2006: 279—280, 286, nos. 298, 302, 303, 319, 322]. На парной створке таких крестов-реликвариев обычно изображен св. вмч. Георгий (в центральном медальоне — погрудно или в пояс), концы створок украшены геометрическим (преимущественно) орнаментом; иногда св. вмч. Георгий изображается на парной створке стоящим [Pitarakis 2006: 284, nos. 313, 314, 315]. К редким исключениям относятся две створки с изображением стоящего свт. Николая и две створки со св. ап. Иоанном⁸, выполненные в такой же (nos. 311, 316) или близкой (nos. 317, 452) манере [Pitarakis 2006: 283, 285, nos. 311, 316, 317, 452].

Таким образом, наряду с единой манерой резьбы, в этой группе фиксируется еще и определенный подбор изображений святых, что позволяет относить их к изделиям одной мастерской. Локализуется эта мастерская, судя по географии находок, на территории Малой Азии. В. Н. Залесская относит эрмитажные экземпляры крестов рассматриваемой группы к продукции сиропалестинских мастерских X в. Б. Питаракис связывает их с Константинополем или Анатолией XI в.

Кат. № 9

НМИУ, № в 4626/311 (4738); таблицы Ханенко XLV: 460

6,6 (7,2)×4,4 см, толщина — 0,5—0,55 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с немного расширяющимися концами. Лоток створки гладкий, с литейными натеками на верхнем конце, бортики вертикальные, с частичной утратой металла на верхнем и нижнем концах. Три петли утрачены, одна сильно повреждена. Крест патинизирован, на внутренней поверхности есть окислы и загрязнения.

В центре — изображение Богоматери с Богомладенцем, на боковых концах изображены два архангела оглавно, с крыльями. Надпись на верхнем конце створки [ΠΑ]ΝΑΓΓ[Α], около нимба Христа — ΙC ΧC (под титлами), рядом с изображением архангелов надпись:

ΚΕΠΑ ΠΕ ΤΡ
ΒΛΟΣ СО

Фигура Богоматери, вытянутых пропорций, с очень маленькой головой и гладким нимбом, утверждена на прямоугольном подножии, нижний край ко-

⁸ Отнесение одной из двух створок с изображением св. ап. Иоанна (no. 317) в рассматриваемую группу вызывает некоторые сомнения. Вторая створка, происходящая из Таормины (Сицилия) [Pitarakis 2006: no. 452], относится к кресту-реликвария, представляющему собой отдельный иконографический вариант крестов рассматриваемой группы.

торого украшен трехрядной дугой (сегмент земли?). Ее длиннополое одеяние, из-под которого видны направленные в стороны и вниз стопы, орнаментировано только по контуру, внутри него на гладком фоне дано изображение Христа с крестчатым нимбом, в сплошь декорированном дугообразной разнонаправленной штриховкой лоратном (?) одеянии. Выступающие из-под него стопы также развернуты носками в стороны и вниз, но отмечены еще и кружками, возможно, символизирующими стигматы.

Изображения архангелов условны, их крылья декорированы косыми крестами и мельчайшими треугольными отпечатками. Такими же отпечатками заполнен нижний конец створки по обеим сторонам прямоугольного подножия.

Все изображения и надписи на верхнем конце креста выполнены не очень глубокими, но четкими линиями. Надписи на горизонтальной перекладине креста сделаны более тонкими линиями, неуверенной рукой, то есть они могут быть вторичными.

Архивные материалы и публикации:

Кондаков 1914: 264, рис. 173 (с надписью «Сирийский крест в Киевском музее»);

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

Аналогии:

По составу изображений и иконографии:

Настоящий каталог, № 6—10;

Wulff 1909: 196, Taf. XLV, nos. 925, 926;

Миятев 1922: 77, рис. 63;

Залеская 1998: 37, № 36; 38, № 39;

Pitarakis 2006: 278—282, 286, 287, 293, 301—303, 306—307, 341—342, nos. 297, 299, 300, 302, 307, 321, 366, 367, 370—372, 378, 382, 385, 489, 493.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

По составу изображений и иконографическому типу эта створка относится, как и часть других крестов настоящего каталога (№ 6—10), к продукции ближневосточных мастерских X—XI вв. Изображение на ней Богоматери с Младенцем представлено вариантом, в котором положение рук как младенца Христа, так и Богоматери остается неясным — руки как будто скрыты под одеяниями. Створки с аналогичным иконографическим вариантом немногочисленны [Pitarakis 2006: 281, 286—287, 293, nos. 305, 306, 319, 324, 344].

По индивидуальным особенностям достаточно близких аналогий не обнаружено. Прием декорирования одеяния дугообразной разнонаправленной штриховкой использован на створках крестов неизвестного происхождения, во всем остальном заметно отличающихся от рассматриваемого изображения [Pitarakis 2006: 341—342, nos. 489, 493].

По размерам и некоторым морфологическим особенностям данной створке очень близка и могла бы быть парной ей лицевая створка (№ 29 настоящего каталога) с изображением процессионного креста, декорированного в той же манере, что и одеяние младенца Христа на оборотной створке (№ 9).

Кат. № 10

НМИУ, № в 4626/293 (4755); таблицы Ханенко XLIV: 447

6,9 (8,1)×4,5 см, толщина — 0,4—0,45 см

Медный сплав; литье, резьба

*Оборотная створка*⁹ креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами и тонкими стенками. Лоток створки глубокий, с гладкой поверхностью и вертикальными бортиками, края которых местами повреждены. Нижние петли обломаны. На внешней поверхности проступают отдельные пятна пурпурно-красного цвета.

В центре — изображение стоящей Богородицы с Богомладенцем, на боковых концах — погрудные изображения архангелов. На верхнем конце надпись **MP X[C]** (под титлами), около изображений архангелов надпись **MH [Γ]A**. Изображение стоящего Христа, в длинном одеянии, с выступающими из-под одеяния кончиками ног, полностью вписано в контуры фигуры Богородицы, намеченные в верхней части двумя параллельными линиями. У Богородицы гладкий нимб, шея подчеркнута круглым воротом (или украшением). Верхняя часть ее одеяния не декорирована, что позволяет отчетливо видеть на гладком фоне голову с крестчатым нимбом и оплечье Христа. В нижней части общего силуэта декорирование хаотичное. Ноги Богородицы не обозначены. Край нижнего конца створки на всю ширину заполнен кривой штриховкой.

Изображения архангелов, украшенные штриховкой и мельчайшими треугольными отпечатками, не имеют характерных иконографических признаков.

Изображения и надписи в верхней части створки и надписи на боковых концах выполнены четкими, хотя местами стершимися углубленными линиями, в нижней — линиями неравномерной глубины и ширины.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 20, 31.

Аналогии:

Кондаков 1914: 261, рис. 167 (ошибочно обозначен как «крест из Херсонеса»; правильно — «куплен в Стамбуле», см.: Залеская 1998: 36, № 33);

Залеская 1998: 36, № 33;

Корзухина, Пескова 2003: 55, кат. I.2/13, табл. 11;

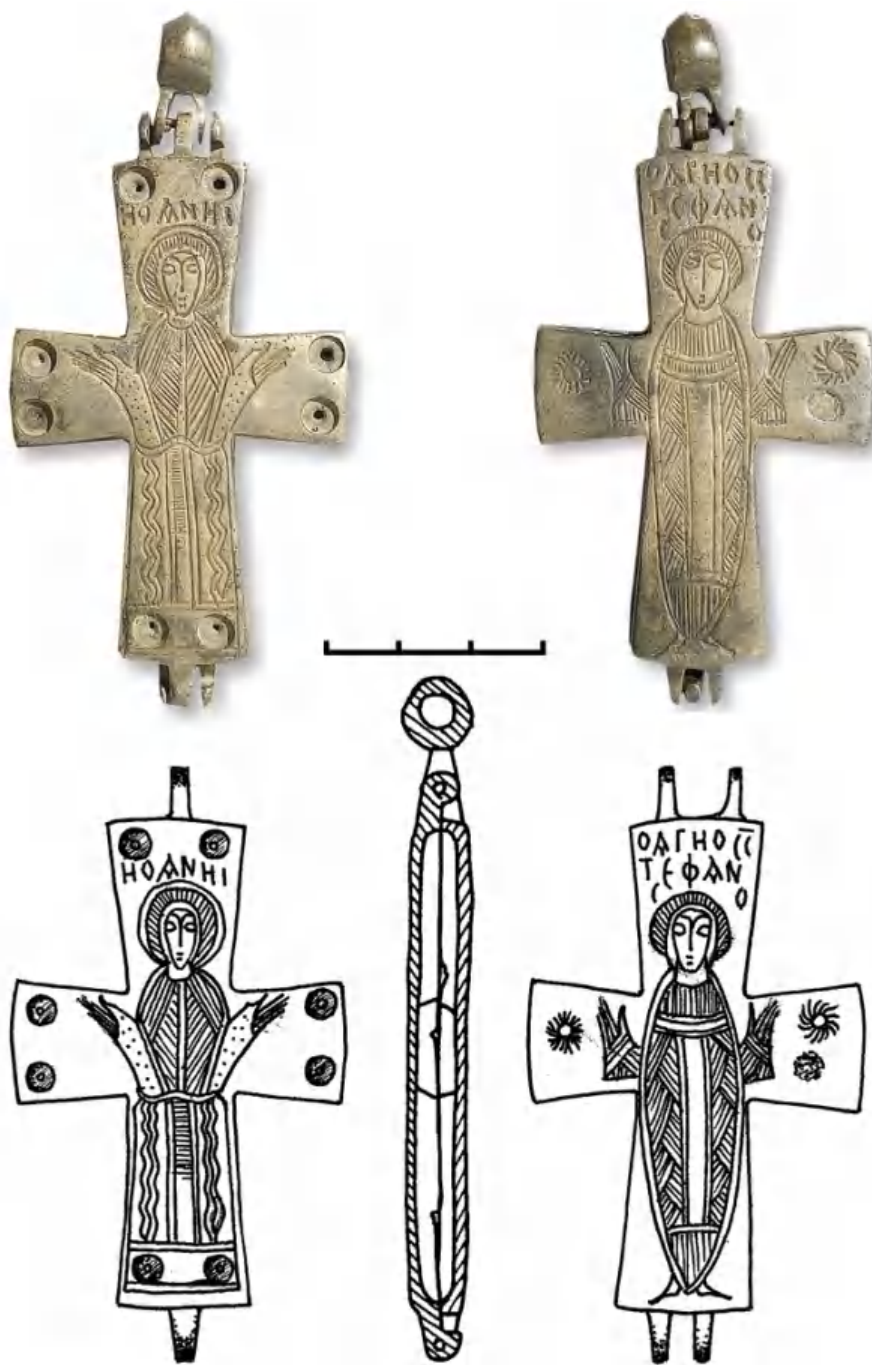
Pitarakis 2006: 301, no. 366.

⁹ Парной этой створке может быть лицевая створка с изображением св. Иоанна (кат. № 14), совпадающая с ней по размерам, материально-техническим и стилистическим признакам.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

На створке представлен редкий для крестов-реликвариев иконографический вариант изображения Богоматери с Младенцем в центре и архангелов по бокам. Он отличается положением рук Богоматери, как бы поддерживающей Младенца с двух сторон. Из-за плохой сохранности изображения эта особенность на данном экземпляре не просматривается. Но это отчетливо видно на створке из коллекции В. Г. Бока, приобретенной в Стамбуле (собрание ГЭ), и на кресте из с. Кучаков Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской губ. [Залеская 1998: 36, № 33; Корзухина, Пескова 2003: 55, кат. I.2/13, табл. 11]. Они во многих отношениях являются очень близкой аналогией створке № 10.

Как и кресты с другими вариантами рассматриваемого иконографического типа (кат. № 6—9, 18), данную створку можно отнести к ближневосточным крестам X—XI вв.

Кат. № 11

Лицевая створка:

НМИУ, в 4626/319 (4077); таблицы Ханенко XLVI: 470

6,75 (8,15)×4,57 см

Оборотная створка:

НМИУ, в 4626/321 (4079); таблицы Ханенко XLVI: 469

6,9 (8,17)×4,57 см

Длина с оглавием — 9,4 см, толщина (общая) 0,8—0,9 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий целый, с цельнолитым биконическим оглавием, прямоконечный, концы слегка расширены. Створки тонкие, бортики четкие, вертикальные. На боковом конце оборотной створки следы ремонта: заделано сквозное отверстие. Внутренняя поверхность створок гладкая.

Лицевая створка. В центре изображен стоящим молящийся св. ап. Иоанн в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись **HOANHC**. Очертания лица вытянутые, схематичные. Нимб украшен радиально расположенными насечками. Верхняя часть одеяния орнаментирована разнонаправленной штриховкой, рукава — мельчайшими треугольниками. Нижняя часть одеяния от пояса, выделенного двойной волнистой линией, украшена вертикальными рядами симметрично расположенных параллельных прямых и волнистых линий; по центру от пояса — короткая горизонтальная штриховка. На четырех концах креста — по два круглых гнезда ($d = 0,47$ см) для вставок. Каждое гнездо имеет конусовидное углубление со сквозным отверстием в центре. Нижняя пара гнезд образует кайму подола.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Оборотная створка. В центре изображен стоящим молящийся св. вмч. Стефан в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись в 3 ряда:

**ОАГНОСС
ТЄФАН
С О**

Очертания лица вытянутые, схематичные. Нимб украшен радиально расположенными насечками. Верхняя и нижняя части одеяния выделены двойными дуговидными линиями и орнаментированы сплошной вертикальной штриховкой. Средняя часть одеяния и рукава орнаментированы заштрихованными разнонаправленными треугольниками, по центру — гладкая вертикальная полоса. Подол одеяния сужен и закруглен. Стопы изображены схематично и направлены в стороны. На горизонтальных концах креста, на уровне ладоней, изображены символические знаки в виде круга с прямыми и наклоненными вправо лучами.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 17, 32.

Аналогии:

Wulff 1909: 196, Taf. XLV, no. 923;

Залеская: 1998: 36, № 32;

Pitarakis 2006: 304—305, nos. 375, 377, 380.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Достаточно близких аналогий данному кресту-реликвию выявить не удалось. По общему облику, размерам, характеру плотной и глубокой резьбы и включенности в композицию гнезд для вставок он сопоставим с крестами из Смирны и Стамбула [Wulff 1909; Залеская 1998; Pitarakis 2006: nos. 377, 380], а также с крестом из Филадельфии/Алашеир (Турция) [Pitarakis 2006: no. 375]. Сходство обнаруживается в первую очередь на лицевых створках, на каждой из которых изображены стоящими св. Иоанн и св. Георгий. На парных створках представлена Богоматерь. В. Н. Залеская относит крест из Стамбула к изделиям сиро-палестинских мастерских X в.

Б. Питаракис датирует все приводимые здесь в качестве аналогий кресты XI в. и связывает их происхождение с Сирией или Анатолией.

В настоящем каталоге рассматриваемый крест сопоставим по размеру створок, составу изображений и стилистическим особенностям с крестом № 15, только размещение изображений святых на лицевой (Стефан) и оборотной (Иоанн) створках иное.

Кат. № 12

НМИУ, № в 4626/315 (4742); таблицы Ханенко XLV: 465

7,3 (8,9)×5,2 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвиария прямоконечного, с расширяющимися концами и тонкими стенками. Лоток створки глубокий, с четкими вертикальными бортиками. Края бортиков на верхнем конце имеют незначительные зазубрины. Внешняя поверхность створки патинирована и частично кор-

родирована. Гладкая внутренняя поверхность полностью корродирована и за-
грязнена.

В центре — изображение стоящего молящегося св. ап. Иоанна в богато
орнаментированном одеянии. Над непропорционально маленькой головой
святого надпись **ΙΟΑΝΗΣ**. Черты лица с заостренным подбородком схема-
тичные. Нимб украшен отпечатками мельчайших треугольников, контур ним-
ба неровный. В верхней части одеяния крест, обрамленный дугой с на-
сечками. Нижняя часть одеяния орнаментирована заштрихованными разнона-
правленными треугольниками, в центре — вертикальная полоса с волнообраз-
ными насечками. Край подола выделен горизонтальной зигзагообразной ли-
нией. Стопы направлены в стороны. На горизонтальных концах креста — сти-
лизованное изображение кипарисов. Под стопами святого нечеткими углуб-
ленными отпечатками выделен «сегмент земли».

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями,
верхняя часть изображения святого и его ноги прочерчены небрежно и асим-
метрично.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

Аналогии:

Настоящий каталог № 5 (оборотная створка);
Pitarakis 2006: 335, no. 471.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Достаточно близких аналогий данной створке найти не удалось. По харак-
теру передачи одеяния святого и общей стилистике она может быть сопостав-
лена с оборотной створкой креста № 5 настоящего каталога. Это позволяет
предположить, что на парной ей лицевой створке тоже было помещено изо-
бражение креста, хотя не исключается также изображение другого святого
или Богоматери. В то же время близкие по манере изображения дерева (ки-
парисы?) фланкируют изображение Христа на створке из раскопок базилики
св. ап. Иоанна в Эфесе [Pitarakis 2006: 335, no. 471]. В массе своей такие кре-
сты датируются в настоящее время XI в.

Кат. № 13

НМИУ, № в 4626/307 (4705); таблицы Ханенко XLV: 457

6,8 (7,6)×4,3 см, толщина — 0,4 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами и тонкими стенками. Лоток створки глубокий, бортики четкие, вертикальные. Внутренняя поверхность гладкая. Верхняя петля отсутствует (обломана).

В центре изображен стоящим молящийся св. ап. Иоанн с нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись:

С
HOANNH

Очертания лица вытянутые, схематичные, голова маленькая, непропорциональная фигуре. Верхняя часть одеяния и рукава украшены штриховкой. Нижняя часть орнаментирована композицией из симметрично расположенных по вертикали и горизонтали двойных дуг. На боковых концах креста — перевернутые вершинами вниз треугольники с двойными дугами по углам. Края боковых концов створки оконтурены углубленной линией. В орнаментальное поле горизонтальной перекладины также вписаны заштрихованные треугольники, идущие от линии плеча святого к углам средокрестия.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

Аналогии:

Тотев 2004: 70—71, обр. 13: 2;

Pitarakis 2006: 343, no. 496.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Прямых аналогий этой створке не найдено. Отдельные элементы изображения, такие как орнаментальные треугольники на боковых концах створки, довольно часто встречаются на ближневосточных крестах-реликвариях. Прием декорирования одеяний симметричными двойными дугами, иногда напоминающими чешуйки, довольно редок. К немногим примерам можно отнести створку с изображением Богоматери с Младенцем из раскопок базилики в Стамбол Йолу (Болгария) и крест-реликварий с изображением Христа и Богоматери с Младенцем из коллекции М. Анастоса [Тотев 2004; Pitarakis 2006].

По форме, размерам и общему облику данная створка может быть отнесена к группе ближневосточных крестов X—XI вв.

Кат. № 14

НМИУ, № в 4626/309 (4736); таблицы Ханенко XLV: 458

6,9 (7,8)×4,5 см, толщина — 0,4—0,45 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами, тонкими стенками. Лоток створки глубокий, гладкий, с вертикальными бортиками; на нижнем конце — следы ремонта. Нижняя петля частично обломана. На внешней поверхности проступают пурпурно-красные пятна.

На основном поле креста изображен стоящим молящийся св. ап. Иоанн. На верхнем конце над головой святого надпись **HOANHC**. Низко посаженная голова святого окружена небольшим гладким нимбом. Длиннополое одеяние орнаментировано в верхней части косой штриховкой и мельчайшими треугольными отпечатками, в нижней — рядами «косичек», переходящих в треугольники. Стопы направлены в стороны. По нижнему краю створки проходит углубленная линия, возможно, отмечающая подножие.

Изображения и надписи выполнены не очень глубокими, но четкими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

Аналогии:

По размеру и толщине створка аналогична створкам № 27 и № 10 настоящего каталога;

Pitarakis 2006: 307, 308, 360, nos. 384, 385, 388, 548;

Ушаков, Яшаева 2009: 197, рис. 3: 1.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Достаточно близких аналогий не обнаружено. Отдельные элементы изображения встречаются на многочисленных ближневосточных крестах. По характеру изображения низко посаженной головы ближайшей параллелью этой створке является створка из Ст. Загоры (Болгария) [Pitarakis 2006: 360, no. 548]. А по способам декорирования одеяния (косая встречная штриховка и ряды «косичек») среди самых близких аналогий стоит назвать створку с изображением св. ап. Иоанна из раскопок Большого дворца в Константинополе [Pitarakis 2006: 308, no. 388], створку с изображением Богородицы из раскопок жилого помещения в северо-восточном квартале Херсона/Херсонеса [Ушаков, Яшаева 2009: 197, рис. 3: 1], а также некоторые другие [Pitarakis 2006: 307, nos. 3846, 385].

Парной этой створке может быть оборотная створка с изображением Богородицы с Богомладенцем и архангелов (кат. № 10), совпадающая с нею по размерам, техническим и стилистическим признакам.

Кат. № 15

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/298(4760); таблицы Ханенко XLIV: 450

6,8 (7,8)×4,6 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/296(4758); таблицы Ханенко XLIV: 442

6,9 (8,1)×4,55 см; общая толщина — 0,8—0,9 см
Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий прямоконечный, концы слегка расширены. Створки тонкие, глубокие, бортики четкие, вертикальные. Частично обломаны петли: на лицевой створке верхняя, на оборотной — одна верхняя и одна нижняя. На внешней поверхности створок местами окись и загрязнения. В средокрестии лицевой створки сквозная трещина. Гладкие внутренние поверхности створок корродированы и загрязнены, на лицевой створке выпуклость от гнезда для вставки.

Лицевая створка. В центре изображен стоящим св. вмч. Стефан с нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись в два ряда:

**ОАГНОСТ
ΣΕΦΑΝΟΣ**

Очертания лица схематичные. Верхняя часть одеяния и рукава орнаментированы разнонаправленной штриховкой. В центре круглое гнездо для вставки (d — 0,6 см) со сквозным отверстием посередине. Нижняя часть одеяния орнаментирована дуговидными и вертикальными заштрихованными полосами и мельчайшими треугольниками. Стопы направлены в стороны. На боковых концах креста — многолепестковые розетки.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Оборотная створка. В центре изображение стоящего св. ап. Иоанна, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись **ΙΩΑΝΝ**. Возле правой руки посоховидный предмет, возле левой — лжица. Очертания лица схематичные, подбородок заострен. Контур нимба проработан отпечатками треугольников. Одеяние и рукава орнаментированы заштрихованными равнонаправленными треугольниками, по центру — гладкая вертикальная полоса с косыми крестами, возможно, символизирующая архиерейское одеяние. Подол одеяния — широкая горизонтальная полоса с вертикальной штриховкой. Стопы направлены в стороны.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31.

Аналогии:

Настоящий каталог № 4 (оборотная створка), № 11, 16, 18 (лицевая створка). Дончева-Петкова 2002: 252—253, обр. 3.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Рассматриваемый крест сопоставим по размеру створок, составу изображений и стилистическим особенностям с крестом № 11 настоящего каталога, только размещение святых на лицевой (Иоанн) и оборотной (Стефан) створках иное. Непохожие, на первый взгляд, изображения святых в обоих случаях выполнены очень тщательно, с характерным плотным и дробным заполнением декорируемых одеяний, включением гнезд для вставок в композицию лицевых створок, наконец, с использованием одинаковых орнаментальных мо-

тивов (розеток) при оформлении боковых концов створок. По четкости и детализации рисунка к ним можно причислить и крест № 4, а также крест № 18, который обращает на себя внимание таким характерным общим (с крестом № 15) приемом нанесения контура нимба святого цепочкой треугольных отпечатков.

Лжица в руке св. ап. Иоанна может рассматриваться как косвенное указание на то, что этот крест непосредственно связан с паломничеством в Эфес¹⁰. По письменным и археологическим памятникам хорошо известно, что ложки уже в V—VII вв. могли быть паломническими реликвиями. Известно, что паломники, приходящие в Эфес к гробнице св. ап. Иоанна Богослова, собирали выпадавшую здесь белесую пыльцу — манну и ели ее ложками, смешивая с вином или водой. Известны ложки, происходящие из Египта и изготовленные из раковин, снабженных железными ручками, с греческими надписями «Иоанн апостол», «святой Иоанн, вкушай манну», «благословение св. Иоанна», такие ложки есть, в частности, в коллекции Лувра. Согласно одному из житий апостола латинской традиции, из гробницы св. Иоанна в канун его праздника исходит некая «манна», которую упоминает Пасхазий Радберт (IX в.). Она упоминается и позднее, в XIII в. Серия из 7 ложек из Сирии была опубликована Шарлем Дилем. Здесь на изделиях также имеются надписи «евлогия святого...» с последующим упоминанием имени апостола. Исследователь предположил, что изначально лжиц было 12 и что они были паломническими евологиями из храма в честь апостола ([Papaconstantinou 2001: 239—246; Diehl 1930: 209—215]; см. также: [Мусин, Степанов 2007: 107—124]).

Исходя из приведенных аналогий и высокого мастерства, с которым сделан данный крест, его можно отнести к изделиям одной из крупных ближневосточных мастерских, не позднее конца X—XI в.

¹⁰ Этой идеей с нами поделился А. Е. Мусин, за что приносим ему искреннюю благодарность.

Кат. № 16

НМИУ, № в 4626/283 (4096); таблицы Ханенко XLIII: 438

8,1 (9,4)×5,3 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами. Створка толстая, лоток неглубокий, бортики четкие, вертикальные. Одна верхняя и две нижние петли частично обломаны. Между верхними петлями сохранился штифт из круглой в сечении проволоки. Поверхности створок корродированы и патинированы. Внутренняя поверхность гладкая.

В центре изображен стоящим молящийся св. вмч. Стефан с нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого неровная надпись:

[...]СТЕФАН
[O]

Очертания лица схематичные, зубчатыми насечками переданы волосы. В правой руке святой держит кадило, в левой — посоховидный предмет. Верхняя часть одеяния и частично рукава орнаментированы косой штриховкой и вертикальной трехрядной полосой по центру. Широкий пояс обозначен двойной дуговидной линией сверху и прямой снизу, между ними вертикальная штриховка. Нижняя часть украшена симметрично расположенными вертикальными прямыми и волнистыми линиями; по центру от пояса — два косых креста.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об.

Аналогии:

Настоящий каталог № 15;
Dalton 1901: 113, no. 559;
Wulff 1909: 196, Taf. XLV, no. 927;
Pitarakis 2006: 294, 296, 318—320, nos. 345, 351, 418—424.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Самой близкой аналогией настоящей створке является лицевая (!) створка из Британского музея, происходящая из Смирны (Измир) [Dalton 1901; Pitarakis 2006]¹¹. Они близки по размерам, композиции, одинаковым атрибутам св. вмч. Стефана, немного отличаются в декорировании одежд. Но главное отличие состоит в изображении только на одной из створок (из Британского музея) ораря — неперменного атрибута облачения диакона. Б. Питаракис датирует эту створку XI в., относя ее к произведениям мастеров Константинополя или Анатолии.

Почти буквально повторяются иконографические особенности одеяния, да и всей фигуры св. вмч. Стефана (кат. № 15), с одной стороны, и Богоматери Оранты на створке неизвестного происхождения — с другой [Pitarakis 2006: 320, no. 424].

Близкие по размерам и по иконографии святого створки (от типа одеяния до манеры передачи черт лица и волос!) находятся в музеях и частных коллекциях Турции, Сирии, Греции, Франции [Pitarakis 2006: 318—320, nos. 418—423]. Примечательно, что при единой в общих чертах иконографии изображенные на них святые подписаны разными именами, в том числе Богоматерь (MP ΘΥ), св. вмч. Георгий, св. ап. Иоанн и св. вмч. Стефан. Возможно, они были изготовлены в одной ближневосточной мастерской. Параллельно с ними нельзя не упомянуть две маленькие створки, имеющие явно подражательный характер, с изображением св. вмч. Георгия из Видина (Болгария) и св. вмч. Стефана из Византийского музея в Афинах [Pitarakis 2006: 320—321, nos. 425, 428]. Последний, по-видимому, ближневосточного происхождения.

Приведенные аналогии не оставляют сомнений в ближневосточном происхождении и створки № 16.

¹¹ В каталоге Б. Питаракис указывается, со ссылкой на каталог Британского музея 1921 г., что происхождение этой створки неизвестно [Pitarakis 2006: 296, no. 351; British Museum 1921: 30, fig. 16].

Кат. № 17

НМИУ, № в 4626/323 (4081); таблицы Ханенко XLVI: 473

7,0 (10,8)×4,8 см, толщина — 0,4—0,45 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами, с цельнолитым оглавием. Верхняя часть оглавия представляет собой биконическую бусину, нижняя — трапециевидную пластину, украшенную с обеих сторон по широкому краю рядом точек и двойной горизонтальной линией. На штифте между петлями сохранился фрагмент еще одной петли от лицевой створки. Лоток створки глубокий, бортики четкие, вертикальные. На бортике верхнего конца — зазубрины. Внутренняя поверхность створки гладкая, со следами литейных натеков.

В центре изображен стоящим молящийся св. вмч. Стефан с нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись в три ряда:

ΟΑΓΗΟC C
ΤΕΦΑΝΟ
C

Очертания лица слегка вытянутые, схематичные, зубчатыми насечками переданы волосы. Верхняя часть одеяния орнаментирована рядами косой штриховки и по центру вертикальными симметрично расположенными вол-

нистыми и прямыми линиями. Рукава одеяния украшены кругами и рядами прямой штриховки в локтевой части. Пояс обозначен дуговидной линией. Нижняя часть одеяния украшена вертикальными симметрично расположенными волнистыми и прямыми линиями, в центральной части дополненными мелкими треугольниками; по низу подола — кайма из крупных треугольников. Стопы изображены схематично и направлены в стороны.

Все изображения и надписи выполнены глубоко врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 7, 12, 17, 32.

Аналогии и датировка:

Настоящий каталог, № 55;

Бобринский 1886: 234; 1887: 147, табл. VI-2;

Dalton 1901: 113, no. 559;

Корзухина, Пескова 2003: 55, кат. I.2/17, табл. 10;

Pitarakis 2006: 294—296, 315, 318—320, nos. 345—348, 351, 409, 418—424.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Прямые иконографические параллели данной створке немногочисленны. Особый интерес представляет оборотная створка с изображением, согласно надписи, св. вмч. Георгия, обнаруженная на поле близ Смелы Киевской губ. во время раскопок А. А. Бобринского [Бобринский 1886: 234; 1887: 147, табл. VI-2]; РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 7; [Корзухина, Пескова 2003: 55, кат. I.2/17, табл. 10]).

Аналогичные изображения святых выявлены на створках крестов-реликвариев из частных коллекций в Бейруте [Pitarakis 2006: 294—295, nos. 347—348] и неизвестного происхождения [Pitarakis 2006: 294, no. 346], а также на кресте-тельнике с изображением св. вмч. Стефана из настоящей коллекции (№ 55). При этом святые на створках крестов-реликвариев подписаны именами Георгия, Иоанна, Симеона и в одном случае непоименованного архангела. Отличительными признаками этих изображений являются низкая постановка головы святого, руки, поднятые от локтей вверх строго вертикально, в одежде — подчеркнуто выделенная зона оплечья. В остальном изображения одеяний святых построены по той же схеме, что и на крестах, аналогичных кресту № 16. В области талии одеяние делится (поперечной линией на поясе) на верхнюю и нижнюю части. Округлая верхняя часть, зачастую подчеркнутая двойным контуром, как правило, имеет боковые сегменты, украшенные частой косой штриховкой, сеткой или иным способом, и менее плотно орнаментированную область в центре. Основу декорирования нижней части составляют вертикально расположенные прямые и волнистые линии, дополняемые другими элементами.

Приведенные достаточно близкие аналогии свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что створка № 17 относится к изделиям одной локальной мастерской, работавшей в тех же традициях, что и мастера, создававшие кресты типа креста № 16, но в своем стиле. Судя по сопроводительным надписям на этих крестах, эти мастерские не были связаны с местом почитания конкретного святого, а обслуживали религиозные запросы различных групп местного населения.

Кат. № 18

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/318 (4076); таблицы Ханенко XLVI: 467

7,2 (8,5)×5,0 см, толщина — 0,45—0,55 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/316 (4074); таблицы Ханенко XLVI: 466

7,3 (8,5)×5,0 см, толщина — 0,45—0,55 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий, целый, прямоконечный, со слегка расширяющимися концами. Створки массивные, с четкими вертикальными бортиками. Глубина лотка лицевой створки уменьшается от центра к краям, в средокрестии виден рельефно выделенный косой крест (отпечатки ребер жесткости литейного производства?). Глубина оборотной створки равномерная. Внутренняя поверхность обеих створок загрязнена и покрыта окислами. Внутри верхних петель сохранились фрагменты скреплявшего их стержня, нижние петли частично обломаны.

На *лицевой створке* креста-реликвария изображен стоящим молящийся святой вмч. Георгий. Над его головой и вокруг надпись:

Ⓐ ГСО
Н Р
О Г
С

Руки святого касаются двух предметов неясного назначения (кадило и посох (?)). Гладкий нимб св. Георгия дополнительно проработан по контуру треугольными отпечатками. Ими же украшены рукава, пояс и кайма по подолу, околнута нижняя часть одеяния. Верхняя часть одеяния орнаментирована штриховкой, в центре прочерчен четырехконечный крест с раздвоенными верхним и нижним концами. Косыми крестами украшена нижняя часть одеяния святого. Стопы направлены в стороны.

Оборотная створка. В центре — сильно стертая фигура стоящей Богоматери с Богомладенцем перед ней, на боковых концах — поясные изображения архангелов. На верхнем конце надпись **МН ΘΟ** (под титлами).

Изображение Христа полностью вписано в контур фигуры Богоматери. Гладкий нимб Богоматери околнута глубокими треугольными отпечатками и увенчан маленьким четырехконечным крестом. Положение рук неясно. Еле видимые кончики стоп направлены в стороны. Изображение Христа с крестчатым нимбом, в длинном одеянии, из-под которого выступают стопы, направленные в стороны, едва различимо. Контур святого по бокам, благодаря наличию крыльев, идентифицируется как архангелы.

Все изображения и надписи выполнены врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 18, 20, 32.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 15.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Сочетание изображения Богоматери с Младенцем, фланкированной погрудными изображениями двух святых, на одной створке и стоящего святого (в том числе и св. вмч. Георгия) — на другой нередко встречается на ближне-

восточных крестах-реликвариях [Pitarakis 2006: nos. 344, 368, 375, 385 и др.]. Но из-за стертости изображений в данном случае достаточно точных аналогий подобрать не удалось. Отметим лишь один технический прием — наведение контура нимбов святых частыми и глубокими треугольными отпечатками. Этот прием характерен для креста № 15 настоящего каталога.

Кат. № 19

НМИУ, № в 4626/317 (4735); таблицы Ханенко XLVI: 468

7,6 (9,0)×5,5 см, толщина — 0,5—0,6 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка массивная, глубокая, слегка выгнутая, бортики четкие, вертикальные. На бортике верхнего конца — зазубрины. Внутренняя поверхность створки гладкая.

В центре изображен стоящим молящийся св. вмч. Георгий, в богато орнаментированном коротком одеянии (ниже колен). Над головой святого надпись **ГЕОРГΗΣ**.

Очертания лица вытянутые, схематичные. Нимб украшен мельчайшими треугольниками. Верхняя часть одеяния орнаментирована сопоставленными заштрихованными треугольниками и волнистой линией между ними. Пояс узкий, с зубчатым орнаментом. Нижняя часть одеяния орнаментирована вертикальными полосами треугольников и волнистой линией между ними. Стопы направлены в стороны. Верхний и боковые концы створки по краю оконтурены углубленной линией, боковые края дополнены заштрихованными треугольниками.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 32.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 314, nos. 406, 407.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Изображение святого в коротком (чуть ниже колен) одеянии нехарактерно для византийских энколпионов. Нашлись только две однотипные лицевые створки с изображением св. вмч. Стефана в коротком одеянии, но они имеют достаточно других признаков, таких как литургические атрибуты Стефана, характер надписей и гнезда для вставок, определенно указывающие на их

ближневосточное происхождение [Pitarakis 2006: 314, nos. 406, 407]. Створка № 19 также имеет все признаки, позволяющие отнести ее к продукции ближневосточных мастерских.

Кат. № 20

НМИУ, № в 4626/325 (4242); таблицы Ханенко XLVIII: 476
8,65×6,0 см, толщина — 0,3—0,5 см
Медный сплав; литье, резьба

Створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка массивная, лоток в средокрестии глубокий и более мелкий на концах, бортики четкие, вертикальные. Отсутствуют не только петли, но и следы от них. Возле края верхнего конца по центру — сквозное отверстие (d — 0,3 см). На левом боковом конце — утраты металла. Внутренняя поверхность створки гладкая, загрязненная. На концах местами наплывы металла от литья. На бортиках зазубрины и выщербины.

По центру изображен стоящим молящийся св. вмч. Георгий, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого неровная надпись:

ГЕОΡΙΟΥΟ
С

Нимб украшен частыми радиально расположенными насечками. Длинное одеяние по вороту, очертаниям торса, низу подола, а также в центральной части (от ворота до подола) орнаментировано полосами мелкой штриховки и двумя вертикальными «косичками» по бокам. Рукава украшены волнистыми насечками и штриховкой в локтевой части, манжеты выделены тремя горизонтальными линиями. Ниже подола — трехрядная дуга, видимо, обозначающая накидку. Стопы направлены в стороны. Края концов створки (верхний и боковые) украшены рядом полуovalов.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 32 об.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 284, 288, 293, 329, nos. 313, 314, 328, 344, 452.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

По ряду отдельных признаков, таких как характер надписей, тип одеяния святых и орнаментальное оформление створок, можно найти немало аналогий

среди ближневосточных крестов-реликвариев X—XI в. [Pitarakis 2006]. Но крестов с таким же набором признаков, как на рассматриваемой створке, не выявлено.

Кат. № 21

НМИУ, № в 4626/299 (4761); таблицы Ханенко XL I V: 452

4,8×4,5 см, толщина — 0,3—0,4 см, толщина створки в средокрестии — 0,13 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами. Створка тонкая, лоток мелкий, бортики четкие, вертикальные. Нижний конец створки отсутствует, петля частично утрачена. Створка имеет незначительную деформацию. Поверхности корродированы. Внутренняя поверхность створки гладкая.

На плоскости створки изображен стоящим молящийся св. вмч. Георгий с нимбом, в богато орнаментированном одеянии. Над головой святого надпись **ОАГНОС**, на концах створки надписи:

О
ГЄ РГ[Н]
 С

Очертания лица схематичные. Верхняя часть одеяния по горловине и бокам орнаментирована мельчайшими треугольниками, в центре — косые линии, которые сходятся внизу, образуя острый угол. Рукава орнаментированы разнонаправленными двойными линиями, манжеты выделены.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 16, 31.

Аналогии:

Косцюшко-Валюжинич 1905: 58, рис. 15;

Корзухина: РА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 48;

Pitarakis 2006: 153, 285—287, fig. 87, nos. 318, 319, 322, 325.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Створка имеет характерные признаки ближневосточных энколпионов X—XI вв. Определяющим в данном случае можно считать тип декорирования одеяния святого: двойным контуром выделены боковые сегменты, а центральная часть украшена треугольной фигурой, направленной вершиной вниз. Такой прием довольно часто встречается в погрудных изображениях святых

(прежде всего св. вмч. Георгия), помещаемых в центральном медальоне [Pitarakis 2006] или на боковых концах створки (настоящий каталог, № 27).

Ближайшей, хотя и не точной, аналогией изображению на створке крестареликвария стоящего св. вмч. Георгия является изображение на фрагментированной лицевой створке из раскопок 1903 г. в Херсонесе [Косцюшко-Валюжинич 1905]; РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 48). Несколько более сложным по составу изображений (с дополнительными атрибутами) и рисунку является изображение св. вмч. Георгия на лицевой створке креста № 18 настоящего каталога.

Кар. № 22

100

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/328 (4245); таблицы Ханенко XLVII: 478
8,35 (10,1)×6,6 см, толщина — 0,5—0,6 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/297 (4759); таблицы Ханенко XLIV: 451
8,3 (9,9)×6,5 см; толщина — 0,5—0,6 см

Высота с оглавием — 12,0 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий прямоконечный, с немного расширяющимися концами, с цельнолитым ребристым оглавием на трапециевидном основании. Створки массивные, глубокие, с вертикальными бортиками неравномерной толщины. Глубина лицевой створки равномерная, глубина оборотной уменьшается от средокрестия к краям. Ровная внутренняя поверхность створок имеет окислы и загрязнения. На внешней стороне лицевой створки — крупные каверны, на обеих створках присутствуют отдельные пурпурно-красные пятна. На оборотной створке одна из нижних петель обломана, на бортике утрата металла.

Лицевая створка. В центральной части створки изображен стоящим молящийся св. мч. Никита. Над головой святого двухстрочная надпись:

**ОАГНОСН
НКНТАС**

Святой изображен с гладким нимбом, в длинном по щиколотки одеянии, сплошь орнаментированном, за исключением рукавов, рядами прямых и волнистых линий, а также косой сеткой. Из-под одеяния видны стопы, направленные в стороны.

Оборотная створка занята изображением св. архангела Михаила и надписью на верхнем конце **ΜΙΧΑΙΛ**. Изображение архангела выполнено в той же манере, в какой изображен св. мч. Никита на лицевой створке.

Все изображения и надписи выполнены глубоко врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31, 32 об.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 73;

Wulff 1909: 196, Taf. XLV, no. 929;

Марјановић-Вујовић 1987: 47, № 44;

Илинкина 1992: 221—222, обр. 4 (в тексте ошибочно указано: обр. 3);

Атанасов 1995: 267, обр. 4: 44, табл. I, 44; 2008: табл. LXXVII, № 417;

The Glory... 1997: no. 27;

Залеская 1998: 35, № 31;

Петровић 2001: 106, № 8;

Максимовић 2004: 240, кат. 249;

Kreuz und Kruzifix 2005: 174—175, Kat.-Nr. II.4.12;

Pitarakis 2006: 317, nos. 414, 415; 322, nos. 431—432; 323—325, nos. 435—437, 439, no. 504;

Яшаева 2011: 234, 515, кат. № 183.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, XI—XII вв.

Ближайшей аналогией является лицевая створка с изображением неизвестного молящегося святого, случайно найденная на берегу Дуная в Силистрере (летописный Доростол), а также обратная створка с изображением св. архангела Михаила, происходящая из погребения № 122 в могильнике при церкви Святого Великомученика Пантелеймона в Нише, датированного XI—XII вв. [Атанасов 1995: 267, обр. 4: 44, табл. I: 44; Петровић 2001: 106, № 8; Максимовић 2004: 240, кат. 249; Pitarakis 2006: 322, no. 432]. По своим размерам и иконографии они не совпадают. Св. архангел Михаил на данной створке изображен строго фронтально, а на створке из Ниша его опущенная голова, плечи и руки (крылья отсутствуют), поднятые в молении, повернуты вправо. Надписи на этих створках совпадают графически и орфографически. Оглавия однотипные, характерные для балкано-дунайских энколпиев.

Лицевая створка с изображением св. мч. Никиты (согласно надписи) почти по всем признакам, за исключением отсутствующего циркульного орнамента на боковых концах, совпадает со створкой из Силистры.

Сопоставляемые кресты изготовлены, по-видимому, одним мастером. Параллельно им являются кресты-реликварии неизвестного происхождения, хранящиеся в музеях Франции, Швейцарии, Сербии, Греции, Турции и России [Pitarakis 2006: 323—325, nos. 433—439]. Они совпадают с балкано-дунайскими крестами по иконографическому составу (частично), но стилистически заметно отличаются. На обратной створке крестов этой группы, как и на створке креста № 22, помещено фронтальное изображение св. архангела Михаила, на лицевой — изображение молящегося святого (свв. мчч. Никиты, Георгия, Филиппа). Орфография имен свв. Никиты и Михаила здесь такая же, как на створках креста № 22, но графика другая. Тем не менее между этими двумя группами крестов, несомненно, существовала близкая связь. Мастер, изготовивший этот крест и подобные ему кресты (из Силистры и Ниша), по-видимому, создал, в меру своего умения, своеобразный упрощенный вариант данного иконографического типа крестов-реликвариев.

Нельзя не отметить, что три из семи крестов выделенной иконографической группы тоже могут быть связаны с Балкано-Дунайским регионом. Два из них (из Эрмитажа в Санкт-Петербурге и из Музея Бенаки в Афинах) имеют характерные для этого региона оглавия, третий (из Национального музея в Белграде) обнаружен в этом же регионе в Струмице [Марјановић-Вујовић 1987: 47, № 44]. В. Н. Залесская датирует эрмитажный экземпляр X в., относя его к изделиям сиро-палестинских мастерских [Залесская 1998: 35, № 31]. Б. Питаракис датирует все упоминавшиеся энколпионы, за исключением креста из Ниша, XI в., предположительно связывая их с Константинополем или Анатолией [Pitarakis 2006: 323—325, nos. 433—439].

Ближневосточные истоки рассмотренной иконографической группы крестов не вызывают сомнения, тем более что существует еще один ее иконографический вариант ([Илинкина 1992; Pitarakis 2006: 317, nos. 414, 415]; настоящий каталог, № 73). Один из этих четырех экземпляров (лицевая створка с изображением св. мч. Никиты) происходит с территории древнего Эфеса [Pitarakis 2006: no. 415]. Как и многие другие иконографические варианты ближневосточных энколпионов, он был универсальным, то есть однотипные изображения были подписаны именами разных святых, в том числе и Богоматери. Эти разнообразные изображения наносились на кресты разного функционального назначения. Один плоский односторонний крест с интересующим нас вариантом изображения святого, с надписанным на нем именем

св. мч. Никиты (**Ⲁ**ⲚⲒⲘⲐⲐⲐⲐⲐⲐ), происходит из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе [Яшаева 2011: 234, 515, кат. № 183]. Этот вариант очень близок к варианту, представленному в нашем каталоге створкой со св. вмч. Стефаном (№ 17).

Следует отметить, что в Балкано-Дунайском регионе названные иконографические варианты не только были известны, но и воспроизводились местными мастерами. Примером тому являются крест № 22 и подобные ему кресты из Силистры и Ниша, а возможно, и некоторые другие.

Кат. № 23

НМИУ, № в 4626/313 (4740); таблицы Ханенко XLV: 463
6,9 (8,3)×4,75 см, толщина — 0,4—0,45 см
Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария с расширяющимися концами, с неглубоким лотком, с бортиками неравномерной толщины. Внутренняя поверхность створки бугорчатая, загрязненная. Две петли утрачены, одна (нижняя) частично обломана.

В центре изображен стоящим молящийся св. мч. Никита. Над его головой надпись¹²:

[ⲐⲀ] ⲚⲒⲘⲐ
ⲀⲐ Ⲑ

Святой изображен с гладким незамкнутым нимбом, в длинном, орнаментированномверху штриховкой и прямыми параллельными линиями, внизу косой сеткой, одеянии, из-под которого видны стопы, направленные в стороны и вниз.

Изображение и надписи выполнены глубокими врезанными линиями, но не очень опытным мастером (изображение не строго симметрично, местами перекошено).

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 31 об.

Аналогии:

Национальный заповедник «Херсонес Таврический», № 3/36674;
Марјановић-Вујовић 1987: 45, № 41;
Pitarakis 2006: 45, 93, 312, 355, fig. 22—24, 65, nos. 399—401, 533.

Атрибуция: Ближний Восток или Балканы, XI в.

¹² Надпись, сходную по орфографии, но с другим начертанием букв, можно прочесть на фрагменте (верхняя часть) гладкого процессионного креста из раскопок С. М. Стржелецкого, проводившихся в Херсонесе в 1964 г. (Национальный заповедник «Херсонес Таврический», № 3/36674).

Изображение св. мч. Никиты выполнено не очень уверенной рукой в манере, характерной для ближневосточных энколпионов. В изображении одеяния св. мч. Никиты (в нижней его части) мастер почти буквально повторяет контуры одеяния св. Иоанна, украшенного стандартной косой штриховкой, на створках крестов из музеев Германии, Франции и Канады [Pitarakis 2006: 45, 312, 355, fig. 22—24, nos. 399—401]. В то же время верхняя часть прорисована с очевидными отклонениями от стандарта (боковые сегменты укорочены и сокращены почти до неузнаваемости, у шеи обозначен необычно глубокий квадратный вырез). В целом изображение святого на створке № 23 ближе всего в иконографическом отношении к изображению св. ап. Иоанна на оборотной створке неизвестного происхождения из Национального музея в Белграде [Марјановић-Вујовић 1987: 45, № 41]. В отличие от изображения на створке № 23, оно выполнено умелой и уверенной рукой. Б. Питаракис датирует белградскую створку XI в., а местом изготовления называет Анатолию или Балканы [Pitarakis 2006: 355, no. 533]. Столь же неопределенно и место изготовления створки № 23.

Кат. № 24

НМИУ, № в 4626/326 (4243); таблицы Ханенко XLVII: 479

4,7 (5,7)×3,1 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного. Глубина гладкого лотка с вертикальными бортиками немного уменьшается от средокрестия к краям. Три петли частично обломаны.

Горизонтальная перекладина и нижний конец вертикальной перекладины заняты сильно стилизованным изображением святого с поднятыми в молении руками. На верхнем конце в прямоугольной рамке, образуемой двумя орнаментальными полосами с поперечной штриховкой, прямыми линиями и волной, заключена нечитаемая надпись:

НГХ

ГНІ[СВ]

Лицо святого с бородкой заключено в круг, очерченный двумя параллельными линиями (нимб?), украшенными прямыми насечками, от него отходят поднятые вверх руки, переданные такими же параллельными линиями с насечками. Туловище изображено отдельно от головы в виде прямоугольника, заштрихованного дугообразными линиями, от нижних углов которого отходят очень стилизованные ноги (палочки с петелькой). Под туловищем изображен заштрихованный овал.

Изображение и надпись выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 18, 31.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 342, 343, 393, 395, nos. 493, 495, suppl. nos. 10, 16.

Атрибуция: Ближний Восток, XI—XII вв. (?)

Рассматриваемая створка относится к заметной группе крестов, выделяющейся даже на фоне очень стилизованных, с утрированными чертами лица и пропорциями фигур, ближневосточных крестов. Их своеобразие заключается в особом примитивизме изображений. Среди них особенно трудно подыскать аналогичные экземпляры, хотя бы на уровне повторяющихся элементов. В каталоге Б. Питаракис удалось найти три креста с характерным использованием параллельных линий, украшенных прямыми насечками, для оформления створок и создания самих изображений [Pitarakis 2006: 342, 393, nos. 493, 495, suppl. no. 10]. К сожалению, это коллекционные кресты неизвестного происхождения, датированные автором XI в. и относимые предположительно к Константинополю или Анатолии.

Единственная археологическая аналогия — створка из раскопок в Мерсине (обнаружена вместе с материалами XI—XII вв.) — несет на себе изображение неизвестного святого в позе молящегося (надпись над его головой не читается), с поднятыми руками, согнутыми в локтях, но при этом еще и распятого на кресте. Древо креста едва заметно, поскольку изображен только его нижний конец [Pitarakis 2006: 395, suppl. no. 16]. Такой же прием изображения Распятия, как кажется, применен и на рассматриваемой створке № 24.

Кат. № 25

НМИУ, № в 4626/308 (4075); таблицы Ханенко

XLV: 461

6,6 (7,8)×4,5 см, толщина — 0,3—0,4 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоугольного, со слегка расширяющимися концами. Лоток мелкий, бортики вертикальные. Толщина створки к краям увеличивается. Внутренняя поверхность бугристая. Створка сильно патинирована, местами загрязнена. Нижняя петля частично утрачена.

На внешней стороне изображен стоящим молящийся святой, в богато орнаментированном одеянии. Очертания лица схематичны, подбородок заострен. Нимб незамкнутый, внутри орнаментирован рядом отпечатков мельчайших треугольников. Верхняя часть одеяния по бокам украшена редкой косой штриховкой. От горловины до края подола, обозначенного горизонтальным зигзагом, — два ряда мельчайших треугольников и волнистая линия между ними. Рукава украшены мелкой волнистой линией. Пояс обозначен дугой. Стопы изображены схематично и направлены в стороны.

Изображение выполнено глубоко врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 16, 32.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 75;

Pitarakis 2006: 317, nos. 414, 415;

Яшаева 2011: 234, 515, кат. № 183.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Данная створка представляет собой либо ученическое, либо просто подражательное произведение. На это указывает отсутствие надписи, несвойственное крестам этого иконографического типа. Образцом, по-видимому, послужили такие ближневосточные кресты, как крест № 75 настоящего каталога и кресты № 415, 416 в каталоге Б. Питаракис.

Присутствие изображения этого креста на негативе В. В. Хвойки позволяет предположить, что он был изготовлен скорее на Ближнем Востоке, нежели на Балканах.

Кат. № 26

НМИУ, № в 4626/324 (4082); таблицы Ханенко XLVI: 474

6,6 (7,7)×4,5 см, толщина — 0,3—0,35 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с чуть расширяющимися верхним и нижним концами. Створка тонкая, неглубокая, бортики четкие, вертикальные. Местами на бортиках выщербины. Одна верхняя петля отсутствует, нижние петли частично обломаны. Возле края верхнего конца в центре круглое сквозное отверстие ($d = 0,2$ см), на нижнем конце еще одно отверстие (дефект литья?) ($d = 0,3 \times 0,5$ см). Внутренняя сторона створки гладкая, местами загрязнена и окислена. Поверхность створки сильно патинирована.

В центре изображен стоящим молящийся святой с неорнаментированным нимбом, в длинном орнаментированном одеянии. Очертания лица сильно вытянуты и утрированы, предельно схематичны. Верхняя часть одеяния украшена редкой разнонаправленной штриховкой и отпечатками мельчайших треугольников по центру и на рукавах. Отпечатками мельчайших треугольников орнаментирован также дуговидный пояс и дополнена нижняя часть одеяния, украшенная симметрично расположенными чередующимися прямыми и волнистыми линиями. Края креста оконтурены глубокой линией, на концах — узкие полосы из мельчайших треугольников, прямых и волнистых линий.

Изображение выполнено глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 18, 32.

Аналогии:

Национальный заповедник «Херсонес Таврический», инв. № 5504 (из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича);

Георгиева 1958: 608, обр. 3: 1;

Lovag 1971: 150—151, fig. 3: 1; 1999: 25, 131, fig. 13;

Diaconu, Baraschi 1977: 131, fig. 100: 1;

Mănușu-Adameșteanu 1984: 379—380, pl. V, 2;

Янков 1985: фиг. 8;

Horníčková 1999: 238, no. 24;

Грозданов и др. 2003: 38—39, сл. 26;

Петров, Славова 2004: 218, фиг. 2;

Корзухина, Пескова 2003: 59, кат. I.2/31, табл. 10;

Pitarakis 2006: 363—366, nos. 557—568;

Мэнуку-Адамештеану, Полл 2010: рис. 1: 8;

Дончева-Петкова 2011: № 123—127, 143—154, 160—167.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, XI—XII вв.

Отличительными особенностями данного иконографического типа крестов являются чрезвычайно утрированные лица с длинными носами и вытянутыми подбородками и, как правило, отсутствие сопроводительных надписей при наличии незаполненного пространства над головой святого. Л. Дончева-Петкова предположила, что место для надписи оставлено специально для того, чтобы можно было вписать, по желанию, имя избранного (возможно патронального) святого [Дончева-Петкова 1992б: 58]. Действительно, некоторые из них имеют надписи, но очень неровные и только с именем св. вмч. Георгия [Pitarakis 2006: nos. 557, 558, 567, 568]. В редких случаях на створке с аналогичной иконографией (Венгерский Национальный музей и Исторический музей в Хасково, Болгария), судя по наличию креста в нимбе, изображен Христос, представленный здесь молящимся (иконографический тип Христос Орант) [Lovag 1971; 1999; Horníčková 1999; Петров, Славова 2004]. Элементы изображения креста в нимбе есть и на фрагментированной створке из Херсонеса (НЗ «ХТ», инв. № 5504).

Большинство адресных находок крестов этого типа происходят из Балкано-Дунайского региона. Сейчас их известно более 20 экз.

Кат. № 27

НМИУ, № в 4626/288 (4101); таблицы Ханенко XLIII: 441

6,8 (7,65)×4,4 см, толщина — 0,4 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, тонкостенного, со слегка расширяющимися концами. Лоток глубокий, гладкий, с вертикальными бортиками. Нижние петли частично обломаны.

Все поле створки занимает пятичастная композиция, состоящая из центрального креста в круге и четырех полуфигур святых на концах — свв. вмч. Георгия и Федора и апп. Иоанна и Петра. Около изображений святых нанесены двухстрочные надписи:

вверху: ГЕОГИНС	внизу: ΘΕΟΔΟ[Ρ]	по бокам: [ΙΟ] Α	ΡΟС
[Ο]ΑΓΙΟС	ΟΑΓΙΟ[С]	ΝΙС	[Π] ΕΤ

Вписанный в круг крест имеет резко расширяющиеся концы с вогнутыми краями и «слезками» по углам и декорирован штриховкой. Изображения святых (как воинов, так и апостолов) однотипны, схематичны, без характерных иконографических признаков. Различия проявляются лишь в орнаментации одеяний (одинаковых у св. ап. Петра и св. ап. Иоанна и немного различающихся между собой у св. вмч. Георгия и св. вмч. Федора), состоящей из разнонаправленных треугольников, параллельных линий и штриховки.

Изображение и надписи выполнены не очень глубокими врезанными линиями, немного стершимися на концах створок.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об., 72.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 10, 14 (экземпляры близки по размеру и толщине створок и характеру металла);
Davidson 1952: 257, pl. 110, no. 2058;
Корзухина 1958: табл. I, 2;
Lovag 1971: 152, fig. 3;
Станчак 1993: 91, рис. 2: I;
Дончева-Петкова 2001: 395—401;
Корзухина, Пескова 2003: 57, кат. I.2/21;
Pitarakis 2006: 312, 322, 330, 336, 337, 344, nos. 399—401, 430, 456, 473, 475, 478, 497;
The Remnants 2007: 254.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

По размерам, форме и композиционному построению настоящая створка близка серебряной створке из Венчан (Болгария, Варненский округ) [Дончева-Петкова 2001], бронзовым створкам из Умани (Черкасская область, Украина) и из Венгерского национального музея [Станчак 1993; Lovag 1971]. В каталоге Б. Питаракиса учтено еще 9 крестов с аналогичной композицией, в том числе три идентичных [Pitarakis 2006]. Из них только два креста адресные: № 497, происходящий из могильника в Айзаной (Турция), и № 456 из раскопок в Коринфе (Греция) [Davidson 1952].

На всех этих крестах, за исключением створки № 473 [Pitarakis 2006: 336], композиция строится вокруг центрального погрудного изображения Христа. Состав святых на концах створок различен. На створке № 473 в центральном медальоне, по-видимому, находилась стеклянная или пастовая вставка, а на концах этой створки, как и на створке № 27 нашего каталога, изображены свв. вмч. Георгий, Феодор и ап. Петр (четвертый конец створки обломан). Стилистически створки отличаются друг от друга, но изображения на обеих выполнены с использованием традиционных для ближневосточных крестов приемов.

Изображение равноконечного креста в средокрестии креста-реликвария встречается нечасто. В настоящей коллекции такой крест со «слезками» можно видеть на лицевой створке креста № 5. Относительно близкое изображение креста, наведенное двойным контуром, помещено на створке из собрания ГРМ, происходящей из Смирны (РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 72; [Корзухина 1958]). Кресты, более близкие по форме, без «слезок», но заключенные в медальоны, изображены на створке из Британского музея и на «бенедиктинских» крестах с односторонними изображениями из музея в Конье (Турция)¹³ [Pitarakis 2006: 157—158, 381, fig. 94—96, no. 622]. Встречаются они и на процессионных крестах, найденных в Болгарии, Грузии, Турции [Атанасов 1991: обр. 1:1; Мирзоян 2006: ил. 2, цв. ил. XI; The Remnants 2007: 254]. А. С. Мирзоян, касаясь датировки грузинского креста из собрания Эрмитажа, отмечает, что декоративные равноконечные кресты с двойными контурными линиями являются особенностями памятников X—XI вв.

¹³ Во франкоязычной литературе такие кресты без ушка для подвешивания, которые не могут быть отнесены ни к процессионным крестам, ни к энколпионам, именуются «sroix de bénédiction», что можно было бы перевести русским позднесредневековым термином «осеняльный крест», если бы между этими явлениями не существовало значительной хронологической и культурной дистанции. (Примеч. А. Е. Мусина)

Л. Дончева-Петкова датировала серебряный крест из Венчан концом X—началом XI в., опираясь главным образом на аналогии с драгоценными процессионными крестами [Дончева-Петкова 2001]. Бронзовые кресты с пятичастной композицией в каталоге Б. Питаракис тоже датированы XI в.

Кат. № 28

НМИУ, № в 4626/320 (4078); таблицы Ханенко XLVI: 471

6,2×6,0 см, толщина — 0,45—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, массивного, с расширяющимися концами. Лоток створки неглубокий, с вертикальными бортиками и гладкой поверхностью, местами окисленной и загрязненной. Верхний конец утрачен, петля обломана, на нижнем конце трещина. Створка деформирована, погнута.

В средокрестии в круглом медальоне помещено поясное изображение неизвестного святого. Низко посаженная голова окружена гладким нимбом,

лицо удлиненное. Округлый торс, обозначенный двойным контуром и подчеркнутый рядом глубоких косых насечек, сплошь орнаментирован крестом сеткой. Концы створки украшены полуovalами, также заштрихованными крестом сеткой.

Вся композиция выполнена глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 16, 32.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 285—288, nos. 318, 319, 322, 325—330;

РО НА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14. Л. 76 (ГЭ, инв. № ω.200).

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Около 10 створок крестов-реликвариев с аналогичной композицией, а зачастую и выполненных в той же манере, что и рассматриваемая створка, хранятся в музеях и частных коллекциях Турции (большая часть), Франции и США [Pitarakis 2006]. В эрмитажном собрании в Санкт-Петербурге есть аналогичный экземпляр, приобретенный у антиквара Османа Нури-Бея (ГЭ, инв. № ω.200). На всех аналогичных створках в центральном медальоне изображен (согласно надписи) св. вмч. Георгий, за исключением одной створки, выполненной в иной манере (с изображением св. ап. Иоанна [Pitarakis 2006: 288—289, № 330]). Это позволяет уверенно соотносить изображение святого на створке № 28 со св. вмч. Георгием. Парной створкой для нее могла бы

быть, исходя из приводимых аналогий, створка № 8 настоящего каталога с изображением стоящей Богородицы с Младенцем и двух святых погрудно, выполненным в такой же манере. Соответственно, ее можно относить, как и створку № 8, к изделиям ближневосточных мастерских X—XI в.

Кат. № 29

НМИУ, № в 4626/280 (4283); таблицы Ханенко XLI: 417

6,7 (8,1)×4,6 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися концами. Створка глубокая, бортики четкие, вертикальные. Глубина лотка к концам немного уменьшается. Ближе к средокрестию — небольшая дырка. Створка патинирована и загрязнена. Внутренняя поверхность бугристая.

На внешней стороне — изображение прямоконечного процессионного креста на рукояти, с округлыми выступами-шишечками по углам на боковых концах. Такие же выступы, но на дуговидных отростках, на верхнем и нижнем концах. Рукоять в виде прямой длинной линии и двух коротких (возможно, изображен процессионный крест). Орнаментальное поле украшено разнонаправленной дуговидной штриховкой. По краю створка оконтурена косыми насечками.

Изображение выполнено глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Ближних аналогий изображению креста на данной створке выявить не удалось. Однако нельзя не заметить, что по манере заполнения орнаментального поля дуговидной разнонаправленной штриховкой она близка створке № 9 настоящего каталога, только выполнена не столь уверенной рукой. А близость размеров и толщины этих створок позволяет даже предположить, что они могли быть парными. Последнее наблюдение может быть некоторым основанием для отнесения створки № 29 к продукции ближневосточных мастерских X—XI вв. Дополнительным аргументом в пользу этого может служить атрибуция других створок настоящего каталога с изображением крестов (№ 29—32).

Кат. № 30

НМИУ, № в 4626/285 (4098); таблицы Ханенко XLIII: 439

7,8 (9,5)×5,3 см, толщина — 0,4 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка массивная, мелкая, бортики очень низкие. Поверхность корродирована и загрязнена. Нижняя петля частично утрачена. На внутренней поверхности створки, на месте гнезд для вставок, — 5 выпуклостей, 4 из которых подпилены, так как изначально были выше бортиков лотка.

На лицевой стороне — изображение креста с расширяющимися концами, в которые вписаны круглые гнезда для вставок ($d = 1,0$ см). Такое же гнездо размещено в средокрестии. В центре каждого гнезда есть круглое углубление ($d = 0,2—0,3$ см). Орнаментальное поле креста заштриховано крестом сеткой. Средокрестие дополнительно украшено лучами «сияния». По углам верхнего конца буквы **М Р**.

Изображение и буквы выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об.

Аналогии:

Залеская 1994: 149, № 215;

Pitarakis 2006: 327, 331, 345, 354, no. 447, 460, 501, 529;

The Remnants 2007: 247;
Ушаков, Яшаева 2009: 197, рис. 3: 1.

Атрибуция: Ближний Восток, XI—XII вв.

Декоративные по оформлению кресты и крестообразные композиции довольно часто являются самостоятельным изображением, размещаемым чаще всего на лицевой створке ближневосточных крестов-реликвариев. Самой близкой и очень важной аналогией для данного изображения является крест-реликварий из раскопок погребения средневекового могильника в Aizanoi (Турция) [Pitarakis 2006: 327, no. 447; The Remnants 2007: 247]. На лицевой створке этого энколпиона помещено изображение креста, идентичного рассматриваемому изображению, на оборотной, согласно надписи, — св. вмч. Георгий. Примечательно, что на верхнем краю лицевой створки с крестом видна монограмма Богоматери [МНР ΘΥ], вписанная, по-видимому, с трудом, так как место для нее изначально предусмотрено не было. На створке № 30 есть следы такой же монограммы, указывающей на то, что обе створки могли быть изготовлены одним мастером.

Кресты, представляющие менее близкую параллель, происходят из раскопок в Херсоне/Херсонесе [Ушаков, Яшаева 2009: 197, рис. 3: 1; Яшаева 2011: 240, 524, кат. № 196]. Часть иконографически близких крестов связана своим происхождением с антикварным рынком Стамбула и Фессалоники [Залеская 1994; Pitarakis 2006: 331, 345, 354, nos. 460, 501, 529; ΣΥΛΛΟΓΗ... 2001: № 31].

Кат. № 31

НМИУ, № в 4626/268 (4272); таблицы Ханенко XLI: 424

7,3 (9,0)×5,2 см, толщина — 0,3—0,5 см
Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка неглубокая, бортики четкие, слегка скошены. Глубина лотка уменьшается к концам. Местами на бортиках выщербины. Створка патинирована, корродирована и загрязнена. Внутренняя поверхность створки гладкая.

Основная орнаментальная композиция створки — крест в виде перекрещивающихся узких полос, украшенных косыми насечками. В средокрестии — большое круглое отверстие (d — 0,9 см), обрамленное тремя концентрическими кругами. На концах креста — круглые гнезда для вставок (d — 0,6 см) со сквозным отверстием в центре (d — 0,2—0,25 см). По сторонам от гнезд нанесены концентрические круги.

Изображения выполнены глубокими врезанными линиями, края орнаментальных полос неровные.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30.

Аналогии:
Pitarakis 2006: 315, no. 410.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Створка с аналогичным изображением креста (на парной ей створке изображен молящийся св. мч. Никита), хранящаяся в одном из музеев Анкары (Турция), в каталоге Б. Питаракис датируется XI в. и отнесена, предположительно, к Константинополю или Анатолии [Pitarakis 2006: 315, no. 410].

Кат. № 32

НМИУ, № в 4626/291 (4104); таблицы Ханенко XLIII: 444
6,4 (7,1)×4,25 см, толщина — 0,4 см
Медный сплав; литье, резьба

114

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, со слегка расширяющимися верхним и нижним концами. Створка глубокая, бортики четкие, вертикальные. В трех гнездах для вставок — утрата металла, петли обломаны. Внутренняя поверхность створки загрязнена, на месте гнезд — пять выпуклостей.

На внешней стороне створки — изображение креста, в концы которого вписаны круглые гнезда для вставок ($d = 0,8$ см) с круглым углублением в центре ($d = 0,2$ см). Такое же гнездо, но только со сквозным отверстием, размещено в средокрестии. Гнезда соединены рядами параллельных линий, декорированных косой штриховкой и отпечатками мельчайших треугольников, и дополнительно украшены «листочками». Местами по краю створки просматривается углубленная контурная линия. На верхнем конце с обеих сторон вдоль края — двухстрочная надпись, начало которой отмечено крестом:

+ ΟΑΓΙΟΣ ΒΑ
ΣΙΛΙΟΣ

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30 об.

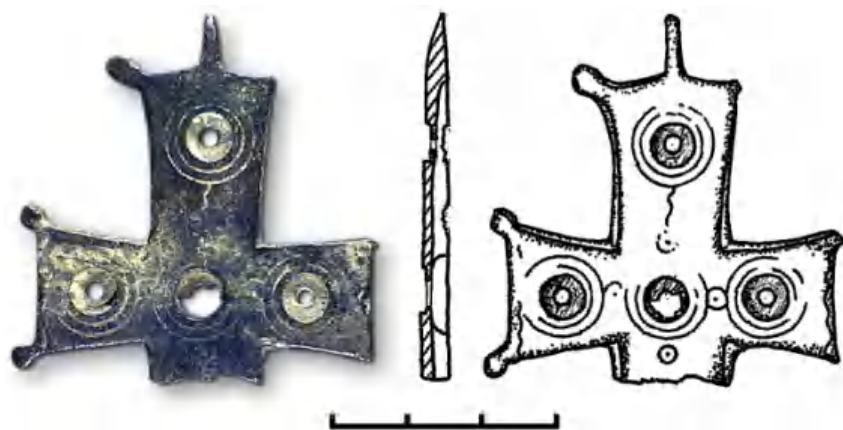
Аналогии:

Pitarakis 2006: 352, no. 522;

Национальный заповедник «Херсонес Таврический», инв. № 5293 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича).

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Достаточно близких аналогий не найдено. По форме изображенного на створке креста параллелью может быть створка из Турции [Pitarakis 2006: 352, no. 522]. Форма и размеры самой створки очень близки створке с изображением св. ап. Иоанна из раскопок в Херсонесе (Национальный заповедник «Херсонес Таврический», инв. № 5293).

Кат. № 33

НМИУ, № в 4626/284 (4097); таблицы Ханенко XLIII: 436

4,8×4,2 см, толщина — 0,3—0,35 см, толщина стенки створки — 0,2 см
Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, со «слезками» на расширяющихся концах. Створка тонкая, бортики невысокие, вертикальные, к концам глубина лотка уменьшается. Нижняя часть створки и три «слезки» отсутствуют. Поверхности патинированы, загрязнены. На месте центрального гнезда для вставки — утрата метала. Петля заострена, без отверстия. Внутренняя поверхность створки бугристая.

Внешняя сторона украшена четырьмя гнездами для вставок с отверстием в центре (d — 0,6 см), оконтуренным двумя концентрическими кругами. Циркульный орнамент объединяет гнезда в крестообразную композицию.

Изображения выполнены неглубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 22, 30 об.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 335, 339, 340, 351, 395, nos. 472, 484, 485, 521, suppl. no. 15.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Форма креста с расширяющимися концами, дополненными выступами «слезками» по углам, одна из древнейших. Она широко использовалась при изготовлении византийских и древнерусских крестов различных функциональных и технологических групп. Чаще других она применялась при изготовлении крестов с эмалью и плоских крестов с врезанными изображениями или вовсе без них [Davidson 1952: 258, pl. 110, no. 2071; Enkolpia 2001: 30—31], реже — для крестов с рельефными изображениями. Тем не менее подобрать точные аналогии настоящему кресту не удалось. Крест № 33 немного отличается от ближневосточных крестов аналогичной формы с крестообразной композицией, включающей гнезда для вставок, размерами и сдержанностью оформления створки [Pitarakis 2006], что не мешает отнести его к данному кругу древностей.

В этой связи нельзя не упомянуть о двух находках, очень близких по форме и размерам кресту № 33, из раскопок в Херсонесе. Первая — шиферная формочка для отливки креста с рельефным изображением Распятия (Христос изображен в колобии), вторая — крест-реликварий с надписями **ΦΩС** и **ΖΩΗ** ([Косцюшко-Валюжинич 1905: 45, рис. 5; Якобсон 1959: 328, рис. 179; Яшаева 2004: 101—103]; РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 50, 53). И крест с надписями, и формочка, скорее всего, были изготовлены на месте (в Херсоне) с использованием древней формы, несколько модифицированной на древнерусской (?) почве.

Кат. № 34

НМИУ, № в 4626/287 (4100); таблицы Ханенко XLIII: 437

8,5 (10,0)×6,4 см, толщина — 0,5—0,6 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка массивная, неглубокая, бортики четкие, слегка скошены. Поверхности патинированы, загрязнены. Внутренняя сторона створки гладкая. Нижняя петля без отверстия.

На поперечной перекладине большими буквами надпись **МНХАНА**. На концах креста — циркульный орнамент.

Все изображения и надпись выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 22, 30 об.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 22, 73;

Залесская 1998: 35, 37, № 31, 34,

Kreuz und Kruzifix 2005: 174—175, Kat.-Nr. II.4.12;

Pitarakis 2006: 321—325, nos. 429, 432, 435—437, 439.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Прямых аналогий данной створке не найдено. Однако характер оформления створки, на которой крестообразная композиция составлена из циркульного орнамента и включенной в него надписи, позволяет отнести ее к кругу изделий мастеров восточных провинций Византийской империи X—XI вв. Это подтверждается и палеографическими особенностями надписи (ср.: [Залесская 1998; Pitarakis 2006]).

Кат. № 35

НМИУ, № в 4626/279 (4281); таблицы Ханенко XLI: 418
3,7 (4,25)×2,45 см, толщина — 0,3—0,35 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария миниатюрного, прямоконечного, со слегка расширяющимися концами. Створка тонкая, глубокая, бортики четкие, вертикальные. Верхние петли и одна нижняя отсутствуют. Внешняя поверхность патинирована. Внутренняя поверхность гладкая, сильно загрязнена, с остатками стекловидной массы и литейными наплывами.

Края створки оконтурены углубленной линией. На концах и в средокрестии большие буквы **ΦΩС** и **ZΩH**. На нижнем крае створки — три вертикальные линии, исходящие из одной точки. Буква **Z** дана в зеркальном написании.

Все буквы и линии выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 22, 30.

Аналогии:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 53;

Ross 1964: 101, fig. 1;

Каковкин 1998: 147, № 186;

Everyday life... 2002: 504, no. 692;

Garam 2001: Taf. 38, 1;

Kreuz und Kruzifix 2005: 174, Kat.-Nr. II.4.7;

Die Welt von Byzanz 2005: 353, Kat. Nr. 777;

Pitarakis 2006: 383, 384, 387, nos. 628—632, 639;

The Remnants 2007: 257—258;

Дончева-Петкова 2011: 43—49, № 70—74.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, XI—XII вв.

Кресты и многие другие культовые христианские памятники с канонической формулой **ΦΩС** и **ZΩH** известны с раннехристианских времен. Они встречаются как среди памятников V—VII вв. [Ross 1964; Каковкин 1998; Garam 2001], так и в послеиконоборческую эпоху.

Такая надпись использовалась повсеместно при оформлении крестов-реликвариев и нательных крестов. В Европе это великоморавский крестельник IX в., в оформлении которого соединены две канонические формулы **ΦΩС**, **ZΩH** и **IC XC NH KA** [Lutz 2006: 122]. В Малой Азии привлекает внимание базальтовая форма для отливки мелких подвесок с двухсторонними изображениями, в том числе змеевика и нательных крестов, на одном из которых можно разглядеть неумело вырезанную перекрестную надпись **ΦΩС**, **ZΩH** [The Remnants 2007: 257—258]¹⁴.

¹⁴ Два блока этой базальтовой формы хранятся в Археологическом музее города Одемис в провинции Измир/Смирна. (Сообщение А. Е. Мусина)

Среди крестов-реликвариев с аналогичной формулой [Pitarakis 2006: 383, 384, 387, nos. 628—632, 639] выделяются три креста, близкие по форме и размерам кресту № 35 [Pitarakis 2006: nos. 630, 632, 639]. На одном из них, обнаруженном в Китрос/Макриглиалос (Греция) в археологическом контексте XII—XIII вв., повторяется даже зеркальное написание буквы **Z** [Pitarakis 2006: no. 639]. Б. Питаракис датирует их XI в., связывая с Константинополем или Анатолией. Однако коллекционные экземпляры № 630 и 632 имеют характерное для энколпионов Балкано-Дунайского региона реберчатое оглавление. Это позволяет допустить, что выделенные три креста и крест № 35 настоящего каталога могли быть изготовлены, возможно по аналогии с ближневосточными образцами, в Балкано-Дунайском регионе. Тем более что на территории современной Болгарии найдено 5 крестов-реликвариев с аналогичными надписями [Дончева-Петкова 2011], в том числе три экземпляра, очень близких по размеру кресту № 35 настоящего каталога; на одном из них [Дончева-Петкова 2011: № 70], как и на греческом экземпляре [Pitarakis 2006: no. 639], тоже повторяется зеркальное написание буквы **Z**. Историко-археологический контекст нахождения болгарских крестов этого типа очень широкий — от X в. до XIV в., однако Л. Дончева-Петкова считает наиболее вероятным временем их изготовления конец X—XI в., принимая во внимание иконографию монет и печатей, включающую соответствующие надписи [Дончева-Петкова 2011: 46]. Производили такие кресты, по мнению исследовательницы, в провинциально-византийских мастерских, не исключая болгарских земель, включенных в XI в. в состав Византийской империи [Дончева-Петкова 2011: 49].

Кат. № 36

НМИУ, № в 4626/281 (4284); таблицы Ханенко ХLI: 416
6,8 (8,2)×4,7 см, толщина — 0,4—0,6 см
Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария с чуть расширяющимися концами. Створка массивная, неглубокая, бортики четкие, вертикальные. Нижние петли частично утрачены. Внутренняя поверхность гладкая, местами прослежены литейные наплывы, эта сторона корродирована и очень загрязнена. Внешняя сторона потерта, местами корродирована, изображение не читается. Местами просматривается мелкая насечка.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 22, 30.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XII в. (?)

Несмотря на стершееся изображение, створка может быть, предположительно, отнесена к кругу ближневосточных крестов X—XII вв. на основании формы, размеров и пропорций.

Кат. № 37

НМИУ, № в 4626/278 (4278); таблицы Ханенко ХLI: 419

4,3 (5,0)×3,5 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка тонкая, глубокая, бортики четкие, вертикальные. Край нижнего конца обломан, на бортике верхнего конца — глубокая выщербина. Внешняя поверхность гладкая, без изображений. Внутренняя поверхность ровная, сильно загрязнена.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 30.

Аналогии:

Пескова 2004: 162—166, 176—177, ил. 3, карта;

Pitarakis 2006: 371, 372, 387—389, nos. 585, 587, 589, 590, 640—642, 646, 648;

Дончева-Петкова 2011: 37—39, кат. № 1—45, табл. I—VII.

Атрибуция: Византия, X—XI вв.

Створка относится к сравнительно немногочисленной, как казалось еще совсем недавно, группе крестов, лишенных каких-либо изображений [Пескова 2004]. Из-за отсутствия нижнего края створки трудно судить о ее пропорциях. Значительное количество разноформатных крестов-реликвариев с гладкими створками локализуется на территории Нижнего и Среднего Подунавья и связано с археологическими памятниками X—начала XI в. Только в каталоге Л. Дончевой-Петковой на сегодня учтено 45 крестов-реликвариев без изображений [Дончева-Петкова 2011]. Как выяснилось в последнее время, они встречаются на территории Византийской империи повсеместно, хотя и в меньшем количестве, по сравнению с древнеболгарской землей [Pitarakis 2006].

Кар. № 38

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/294 (4756); таблицы Ханенко XLIV: 445
6,6 (7,3)×5,5 см, толщина — 0,4—0,45 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/292 (4210); таблицы Ханенко XLIV: 446
6,7 (8,7)×5,5 см, толщина — 0,4 см

Общая высота с оглавием — 11,1 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий, прямоконечный, со слегка расширяющимися концами и створчатым оглавием. Лотки створок глубокие, ровные, с немного скошенными бортиками. Петли лицевой створки и нижние петли оборотной створки имеют необычную форму (на полукруглом основании), верхние петли оборотной створки стандартные. На лицевой створке обе петли обломаны до оснований, на оборотной створке повреждена одна из нижних петель. Оглавие скреплено с оборотной створкой штифтом из металла другого цвета.

Лицевая створка. На вертикальной пластине креста помещено изображение стоящей Богоматери Ассунты, по сторонам надпись **МНР ОУ** (под титлами). Фигура Богоматери передана обобщенно: нанесены основные контуры фигуры, черты лица, гладкий нимб, руки с раскрытыми перед грудью ладонями. Обозначено также направление основных вкладок мафория, перекрещивающегося на груди и ниспадающего от локтей по обеим сторонам фигуры. Четко прочерчены пояс и кайма подола туники Богоматери, из-под которой едва видны концы стоп. В очелье, возможно, изображен драгоценный камень.

Оборотная створка. Все поле створки занимает изображение Распятия. Христос изображен препоясанным, с низко опущенной к правому плечу головой, почти прямыми руками, сильно изогнутым туловищем. Согнутые в коленях ноги утверждены на прямом (?) подножии. На ладонях и стопах отмечены стигматы. Подчеркнуто выделены признаки анатомического строения тела. Условно показано прободение ребра Христа и истекшей из него крови. Крестное древо изображено с отклонением в нижней части от вертикальной оси. Возглавие передано в виде не прямой, а скошенной таблички с надписью **IC XC** (под титлами); верхний конец Крестного древа, обычно выступающий за верхний край таблички, здесь не обозначен.

На верхнем конце обеих створок на самом краю видны следы орнамента в виде наколов или мельчайших треугольных отпечатков.

Изображение и надпись выполнены глубокими врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 19, 31; Д. 15. Л. 89.

Аналогии:

Djavakhchvili, Abramichvili 1986: № 105, 135, 150;

Атанасов 1992: 255—256, 267, кат. № 41, обр. 4;

Атанасов 1994: 43—51;

The Glory of Byzantium 1997: 174, no. 125;

Дончева-Петкова 2003: 282—287, обр. 1;

Pitarakis 2006: 271, no. 271;

Дончева-Петкова 2011: 98—101, № 198.

Атрибуция: Нижнее Подунавье или Древняя Русь, XIII в.

Единственной иконографической аналогией изображению Богоматери на лицевой створке № 38 является изображение на лицевой же створке креста из Силистры (летописного Доростола), близкое также и по технике исполнения [Атанасов 1992; 1994; Дончева-Петкова 2003; 2011; Pitarakis 2006]. Около женской фигуры на створке из Силистры есть сопроводительная надпись **ANNA MONAXHN**. Исследователи памятника датируют его от конца X до XI в., допуская изготовление как в Константинополе или Анатолии, так и в Доростоле. На наш взгляд, появление этого креста наиболее вероятно в Нижнем Подунавье на рубеже X и XI вв. (в том числе и в Доростоле). На это указывают как отсутствие аналогий среди ближневосточных крестов, так и отдельные черты сходства с иконографией Богоматери на рельефных древнеболгарских крестах этого же времени. Имеется в виду изображение концов плата, завязанного под подбородком Богоматери (иконографический тип «Богоматерь Оранта с трехчастной короной») [Пескова 2007: 268—272, рис. 1: 2].

В то же время на рассматриваемой лицевой створке № 38 отмеченных иконографических отступлений в изображении Богоматери не наблюдается. В иконографии Распятия на оборотной створке отчетливо видны акцентирующие внимание на страданиях Христа поздние признаки, появляющиеся лишь в XIII—XIV вв. В качестве ближайшей аналогии можно привести эмалевый крест начала XIII в. из Дамбартон Окс [The Glory of Byzantium 1997: 174, no. 125]. Вместе с тем эти признаки можно видеть уже на квадрифолийной пластине со сценой Распятия X в. из монастыря Шемокмеди, а также на полях иконы Богоматери с Младенцем конца X—начала XI в. из Саголашени (Грузия) [Djavakhchvili, Abramichvili 1986: № 105, 135, 150; The Glory of Byzantium 1997: 341].

Необычным пропорциям этого креста, конструкции его петель не находится аналогий. Двустворчатое оглавление, явно «чужое», вторичное на этом кресте, может иметь древнерусское происхождение.

Кат. № 39

НМИУ, № в 4626/242 (4206); таблицы Ханенко XXXVII: 371

7,0 (8,2)×5,4 см, толщина — 0,6—0,9 см.

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка тонкая, лоток глубокий, бортики вертикальные. На внутренней поверхности — литейные натски. На бортиках створки — утрата металла. Верхняя петля обломана. На нижнем конце снаружи выбоина.

Иконография традиционная: Распятие с предстоящими. Рельефные изображения доработаны резцом.

Надпись спутанная, углубленными буквами: цитата из евангелия от Иоанна (Ин. 19: 26—27):

ΙΑCΟVΟ
CΟV

ΛΟVΙMΗΡ
ΙCΟV

Изображения и надписи четкие.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Створка относится к широко распространенному во всем византийском мире типу крестов-реликвариев с рельефными изображениями «Распятие с

предстоящими — Богородица с 4 евангелистами (в медальонах)». К этому типу в настоящем каталоге относятся также кресты № 40—47, 77 (в том числе № 47 и 77 — миниатюрные варианты этого иконографического типа, но в его сокращенном варианте).

Стандартные углубленные надписи на лицевой створке пространные двухстрочные, по Евангелию от Иоанна (Ин. 19: 26—27):

ΙΔΕΟΥΣ

COV под правой рукой Христа
«се сын твой»

ΙΔΟΥΜΗΤ

HP COV под левой рукой Христа
«се мать твоя»

На оборотной створке (см. № 44) надписи краткие: под руками Богородицы **MP ΘV** (под титлами); около медальонов с погрудными изображениями евангелистов отдельные буквы: **M** [Марк] вверху, **M** [Матфей] внизу, **A** [Лука] на левом конце, **I** [Иоанн] на правом конце.

Конструктивные особенности типа. Лотки створок изнутри всегда ровные, без «негатива».

Лицевая створка: основание петель оформлено в виде трилистника, центральный лист которого переходит в петлю. На некоторых экземплярах у петель лицевой створки вместо трилистников есть только маленькие прямоугольные основания — результат деградирования формы петель, вероятно, из-за оттискивания в глине крестов со стершимися боковыми лепестками.

Оборотная створка: петли имеют основание в виде прямоугольного выступа основной пластины; на верхнем конце она совпадает по ширине с основной пластиной створки, на нижнем — в два раза меньше, чем ширина основной пластины. На отдельных экземплярах верхние петли имеют снаружи повернутые основаниями друг к другу, а вершинами в стороны (см. № 43) конусовидные выступы, копирующие колпачки на концах штифта, продетого сквозь петли.

В настоящее время болгарские исследователи датируют кресты данного иконографического типа концом IX—X в., Б. Питаракис датирует их X—XI вв. [Дончева-Петкова 1992б; 2006; 2008: 280, обр. 4—5; Pitarakis 2006].

Кат. № 40

НМИУ, № в 4626/243 (4207); таблицы Ханенко XXXVII: 368

7,1 (8,3)×5,5 см, толщина — 0,5—0,7 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Лоток створки глубокий, скошенные бортики имеют неравномерную толщину — утолщаются от средокрестия к концам створки. Внутренняя поверхность гладкая. Створка с обеих сторон местами окислена и сильно загрязнена. Верхняя петля обломана частично, нижняя — полностью.

Иконография традиционная: Распятие с предстоящими. Рельефные изображения доработаны резцом.

Надпись имеет необычный характер: слова [I] CXС NIKA процарапаны очень тонкими углубленными линиями. Довольно

неумело нанесены изображения солнца и луны над возглавием.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Нестандартная для этого типа крестов-реликвариев надпись IC XC NIKA (обычно в написании NHKA; редко в сокращенном виде IC XC) является вторичной. Она появилась, по-видимому, на отливках, сделанных по оттиску в глине образца со стершейся нечитаемой надписью. Такие надписи фиксируются в основном на экземплярах, хранящихся в европейских музеях Греции, Болгарии, Италии, Испании, России, а также в Стамбуле и Бостоне [Pitarakis 2006: nos. 35, 92—98, 101, 107, 108]. Исходя из данной локализации, можно предположить, что замещение евангельской цитаты новой более простой и понятной надписью произошло на европейской территории.

Кат. № 41

НМИУ, № в 4626/245 (4209); таблицы Ханенко XXXVII: 369

7,2 (8,0)×5,5 см, толщина — 0,6—0,85 см
Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка тонкая, лоток глубокий, бортики вертикальные. На ровной внутренней поверхности — отдельные литейные натеки. Петли обломаны. С наружной стороны створка окислена, с внутренней — сильно загрязнена.

Иконография традиционная: Распятие с предстоящими. Голова Христа, являющаяся самой высокой частью рельефной композиции, сильно потерта. Надпись необычна: [IC XC] NHK[A], выполнена очень тонкими углубленными линиями, частично повреждена окислами.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;
Дончева-Петкова 2006: 128—130;
Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Обоснование: см. настоящий каталог, № 39, 40.

Кат. № 42

НМИУ, № в 4626/238 (4202); таблицы Ханенко XXXVII: 367

7,0 (8,7)×5,4 см, толщина — 0,6—0,75 см
Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Лоток створки глубокий, бортики вертикальные. Изнутри сильно загрязнена. Снаружи заполирована и загрязнена. На одном из боковых концов — трещина.

Иконография стандартная: Распятие с предстоящими. Рельефы оплывшие, низкие. Надпись неровная, спутанная (Ин. 19: 26—27), выполнена углубленными линиями:

[ΙΔΕ] ΟΥΟ
COV

[ΔΕ] ΟΥΠ Ι
ΙC ΟΥΟ

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 15, 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Обоснование: см. настоящий каталог, № 39, 40.

Кат. № 43

НМИУ, № в 4626/247 (4252); таблицы Ханенко XXXVIII: 375

7,1 (9,2)×5,5 см, толщина — 0,6—0,9 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Лоток створки глубокий, бортики тонкие, вертикальные. Внутренняя поверхность створки гладкая, с литейными натеками, загрязнена и окислена. На правом конце створки — утрата металла. Верхние петли конусообразные, на нижнем конце одна петля обломана.

Изображения традиционные: Богоматерь Оранта и 4 евангелиста. Рельефы дополнительно проработаны резцом. Надписи сохранились плохо: около изображения Богоматери только одна буква **Θ**, вверху **Μ**, внизу [**Μ**], слева **Λ**, справа **Ι**.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Nechvátal 1979: Abb. 2, 4;

Шекун 1981: 321—322, рис. на с. 322;

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II; 2006: 128—130;

Путь из варяг... 1996: № 776;

Залеская 1998: 39, № 42;

Корзухина, Пескова 2003: 46, кат. I.1/12;

Веремейчик 2004: рис. 4;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Общие признаки данного иконографического типа см. в № 39, 40.

Настоящая створка имеет одну любопытную особенность — конусообразные петли на верхнем конце. Такие петли являются, по-видимому, результатом отливки по образцу створки, у которой соединительный штифт между петлями был утрачен, а конические колпачки, которые снаружи фиксировали соединение, сохранились и отпечатались в глине вместе со створкой, став ее неотъемлемой частью. Примеры такого соединения *in situ* можно видеть на крестах-реликвариях из Преслава (Болгария), монастыря Сан-Пер-де-Родес (Sant Pere de Rodes) в Каталонии, из Испании, из Херсонеса (Украина) и др. [Pitarakis 2006: nos. 23, 50, 83; Залеская 1998]. Единичные находки створок с конусовидными петлями связаны с территорией Египта, Ливана, Турции, а также с территорией Древней Руси (Хмельница на Черниговщине) и Богемии [Pitarakis 2006: nos. 20, 91, 112; Корзухина, Пескова 2003; Веремейчик 2004; Шекун 1981].

Кат. № 44

НМИУ, № в 4626/253 (4258); таблицы Ханенко XXXVIII: 377

6,9 (9,0)×5,5 см, толщина — 0,6—0,8 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Лоток глубокий, бортики толстые, слегка скошенные. Внутренняя поверхность гладкая, с редкими литейными натеками, окисленная. На наружной поверхности потертые самые высокие участки рельефных изображений.

Иконография традиционная: Богоматерь Оранта и 4 евангелиста. Надписи углубленные четкие **MP ΘΥ** (под титлами), **М, М, Λ, Ι**.

Окантовка створки и медальонов гладкая, без насечек.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 14, 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

См. настоящий каталог, № 39, 40, 43.

Кат. № 45

НМИУ, № в 4626/246 (4250); таблицы Ханенко XXXVIII: 374

7,1 (9,0)×5,45 см, толщина — 0,65—0,9 см
Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами. Створка деформирована, лоток глубокий, бортики тонкие, края их местами повреждены. На внутренней поверхности — очень большие литейные наteki. Сильная загрязненность и окисленность на обеих сторонах. Рельефы сглаженные. Изображение в нижнем рельефе сильно повреждено, однако эти повреждения могут быть связаны с литейным раком.

Иконография традиционная: Богоматерь Оранта и 4 евангелиста. Надписи, если они были, не видны из-за плохого состояния створки.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

См. настоящий каталог, № 39, 40, 43.

Кат. № 46

НМИУ, № в 4626/251(4256); таблицы Ханенко XXXVIII: 376

6,9 (7,7)×5,25 см, толщина — 0,5—0,65 см
Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, с расширяющимися концами, массивная, неглубокая, с гладкой внутренней поверхностью. Наружная поверхность заполирована, углубленные линии низкорельефных изображений загрязнены. Утрачены обе верхние петли и одна нижняя. Выступающие участки рельефных изображений стертые.

Состав изображений стандартный: Богоматерь Оранта и четыре евангелиста. Все рельефы, кроме голов святых, настолько низкие, что едва возвышаются над поверхностью створки. Изображение выглядит как выполненное глубоко врезанными линиями. Драпировка одеяний

произвольная. Все свободное поле створки заполнено простейшей орнаментацией. Надписи отсутствуют.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 14, 29.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1992б: 60—61, табл. II;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Pitarakis 2006: 195—221, nos. 19—74, 80—101, 107—115.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

См. настоящий каталог, № 39, 40, 43.

Кат. № 47

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/248 (4253); таблицы Ханенко XXXVIII: 379
3,6 (4,85)×2,45 см, толщина — 0,3—0,4 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/250 (4255); таблицы Ханенко XXXVIII: 380
3,7 (5,25)×2,5 см, толщина — 0,3—0,5 см

Высота с оглавием — 6,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий целый, миниатюрный, с оглавием в виде реберчатой бусины на трапециевидном основании. Створки глубокие, гладкие, с высокими бортиками, оборотная створка глубже лицевой. На бортиках — незначительные утраты металла, частично обломана одна из петель оглавия.

На лицевой створке — низкорельефное изображение Распятия, *на оборотной* — Богоматери Оранты.
Надписи отсутствуют.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29;
Корзухина, Пескова 2003: 47, табл. 2.

Аналогии:

Настоящий каталог № 77;
Корзухина, Пескова 2003: 47, кат. I.1/15, табл. 2;
Pitarakis 2006: 210, 211, 223—225, 235, nos. 75—79, 121—128, 164;
Karagöz 2010: 101, fig. 12.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, X—XI вв.

Иконография этого миниатюрного креста представляет собой сокращенный вариант иконографии рельефных крестов-реликвариев среднего размера: Распятие без предстоящих и без надписей, Богоматерь Оранта без евангелистов и без надписей. Совпадают все основные элементы центральных изображений и даже конструктивные особенности, представленные особенностями петель-трилистников на лицевой створке и простых петель — на оборотной. Рельефы очень низкие.

Ареал таких крестов ограничивается в основном европейской частью Византийской империи. Большинство находок сделано на территории (или хранится в музеях) Греции, Болгарии, Сербии, Венгрии, России, единичные находки связаны со Стамбулом и Малой Азией [Pitarakis 2006: 210, 211, 223—225, 235, nos. 75—79, 121—128, 164; Корзухина, Пескова 2003: 47, кат. I.1/15, табл. 2]. Одна из последних находок такого рода происходит из раскопок погребения № 3 в Учкударе (Турция), и датируют ее исследователи, исходя из археологического контекста, XI—XIII вв. [Karagöz 2010: 101, fig. 12]. Б. Питаракис допускает возможность изготовления их в Константинополе, в Анатолии и на Балканах, чаще склоняясь к Константинополю и Анатолии. Действительно, воспроизводиться по оттискам такие кресты могли где угодно. Однако Балкано-Дунайский регион представляется наиболее вероятным местом их изготовления, поскольку именно в нем прослеживается на археологических материалах традиция изготовления очень похожих, но самобытных миниатюрных крестов-реликвариев.

Кат. № 48

НМИУ, № в 4626/259 (4752); таблицы Ханенко XXXIX: 386
6,8 (7,5; 8,9)×4,35 см; толщина — 0,5—0,7 см
Медный сплав; литье

Лицевая створка креста-реликвария прямоконечного с расширяющимися концами, с петлями на широком основании. Лоток глубокий, с четкими вертикальными бортиками и четким «негативом» (отпечатком рельефного изображения лицевой створки). На бортике горизонтальной перекладины креста — утрата металла. Бортики нижнего конца створки деформированы. Створка патинирована, на ее оборотной стороне есть окислы, внешняя сильно стерта.

В центре — изображение Распятия с предстоящими (?), переданными фронтально на боковых концах, как и неизвестный святой на нижнем конце. Христос изображен в длинном колобии. Его голова, слегка наклоненная к левому плечу, окружена нимбом, в котором нет обозначения креста. Руки Христа прямые, стопы его направлены в стороны. Крестное древо обозначено лишь равноконечным крестом над головой Спасителя (возглавие?). Колобий Христа украшен по бокам орнаментальной каймой, намеченной косой штриховкой, переходящей также и на рукава и создающей иллюзию многократного перевития рук веревками. Погрудные изображения святых не сохранили характерных иконографических признаков. Стершийся на внешней стороне рисунок местами четче виден на «негативе» с внутренней стороны створки.

Все изображения рельефные: голова Христа и изображения святых выполнены высоким рельефом, колобий Христа и крест в возглавии — низким.

Архивные материалы и публикации:

Пескова 2007: 276, рис. 7: 1.

Аналогии:

King 1928: 200, pl. XXVIII, 12;

Treasures... 2001: 147, no. 39;

Pitarakis 2006: 231—232, nos. 150, 155;

Дончева-Петкова 2011: 140, № 353, 354.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, конец X—начало XI в.

Аналогичные створки крестов-реликвариев (одна хранится в Музее Ватикана, другая происходит из раскопок в Одырцы, Болгария) обнаружены в комплекте с оборотными створками, на которых представлены стоящая Богоматерь Оранта и четыре евангелиста погрудно без медальонов. Иконографические особенности оформления лицевой створки (при традиционной иконографии оборотной створки с Богоматерью и четырьмя евангелистами), такие как нетрадиционный наклон головы Христа к левому плечу и крест над его головой вместо обычного для этого типа крестов погрудного изображения святого, позволяют рассматривать ее как вариант, производный от широко распространенного в Балкано-Дунайском регионе типа крестов.

Изображение одеяния Христа отличается от исходного иконографического типа резким расширением книзу, что свойственно древнеболгарским крестам малого размера с сокращенным составом изображений, появление которых на территории Первого Болгарского царства относится ко времени не позднее конца IX в. [Дончева-Петкова 1992: 3, обр. 3, 4; 1992б: 61—62, табл. III; 2011: 149, 151, № 372—426]. Общим для них конструктивным признаком является наличие прямоугольного основания у петель лицевой створки.

Крест с острыми углами средокрестия, изображенный над головой Христа, находит аналогии в иконографии других крестов Балкано-Дунайского ре-

гиона X в., представляющих собой уменьшенный в размерах и сокращенный композиционно вариант крестов основного иконографического типа [Lovag 1971: fig. 1: 2a; Pitarakis 2006: 232—233, nos. 153—154, 156—159]. На территории Древней Руси кресты-реликварии такого типа обнаружены в подкурганном захоронении на могильнике древнерусского Плеснеска (Подгорцы, Бродовский район, Львовская область, Украина) (оборотная створка) и в Киевской земле (случайная находка) [Ливох 2006: 90—91; Станюкович, Осипов, Соловьев 2003: 8—9]. Но, в отличие от них, рассматриваемый крест полностью занимает верхний конец створки.

Таким образом, иконография рассматриваемой створки включает в себя элементы трех групп крестов-реликвариев, широко распространенных в Балкано-Дунайском регионе уже в X в. Соединение этих элементов воедино могло совершиться, скорее всего, на этой же территории не ранее X в. Чрезвычайно малое количество отливок, сделанных по этой экспериментальной модели, позволяет думать, что нетрадиционный наклон головы Христа к левому плечу («зеркальный») является ошибкой мастера, не принявшего во внимание поправку на зеркальность изображения, а не особым иконографическим вариантом.

Однако именно эта модель, по-видимому, послужила основой для создания еще одной модели креста-реликвария, известной по находке в слое XIII в. на Троицком X раскопе в Великом Новгороде [Корзухина, Пескова 2003: 45, кат. I.1/2, табл. 3], а также в древнерусских отложениях середины XI—середины XIII в. многослойного поселения Кошчевка-8 на Киевщине [Лысенко и др. 2012: 291, рис. 144] и по двум экземплярам неизвестного происхождения из собрания Черниговского исторического музея [Корзухина, Пескова 2003: 49, кат. I.1/25; Пескова 2007: 275, рис. 6: 4] и Национального музея истории Украины (см. настоящий каталог, № 76). Все четыре экземпляра отличаются очень плохим качеством отливки, размещением Распятия на оборотной створке, а также отсутствием погрудного изображения святого на нижнем конце створок и наличием рельефного бортика по контуру обеих створок. Главная особенность оборотных створок заключается в необычной передаче одеяния Христа, очень похожего на одеяние Богоматери, особенно в его верхней части, с характерными складками мафория, пересекающимися на груди.

Кат. № 49

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/237 (4201); таблицы Ханенко XXXVII: 365

7,4 (8,3)×5,85 см; толщина — 0,7—1,1 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/239 (4203); таблицы Ханенко XXXVII: 366

7,7 (8,5)×5,85 см; толщина — 0,6—1,1 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий с прямыми, слегка расширяющимися концами. Лотки створок глубокие, с ровной и гладкой поверхностью, с четкими гранями. На лицевой створке утрачена нижняя петля (ее след заполирован), повреждены бортики на нижнем и одном из боковых концов. На оборотной створке полностью утрачен нижний край.

Лицевая створка. Все поле створки занимает изображение Распятия. Христос изображен на фоне Крестного дерева, в длинном колобии со склоненной к правому плечу головой, окруженной крестчатым нимбом. Руки его слегка согнуты в локтях, стопы, разведенные в стороны, пригвождены к кресту. Над головой Христа надпись — **IC XC**. Рельефом переданы только фигура Христа и поперечная перекладина Крестного дерева, окаймленная дополнительно углубленной линией. Нимб Христа, возглавие, солнце и луна над ним, а также надписи переданы точечными углублениями и прямыми углубленными линиями. Такими же простыми приемами декорированы колобий Христа и края створки.

Оборотная створка. Рельефное изображение Богородицы с Младенцем на левой руке занимает почти всю вертикальную плоскость створки, немного не вписываясь в нее (не помещается фрагмент нимба Христа). Богородица представлена в легком повороте и с головой, наклоненной к Младенцу, полулежащему на ее руке. На верхнем конце — сопроводительные надписи — **IC, MHP ΘV** (под титлами). Рельефные изображения доработаны резцом: нимбы Христа и Богородицы наведены углубленной линией, одежды украшены растительным и геометрическим орнаментом.

Архивные материалы и публикации:

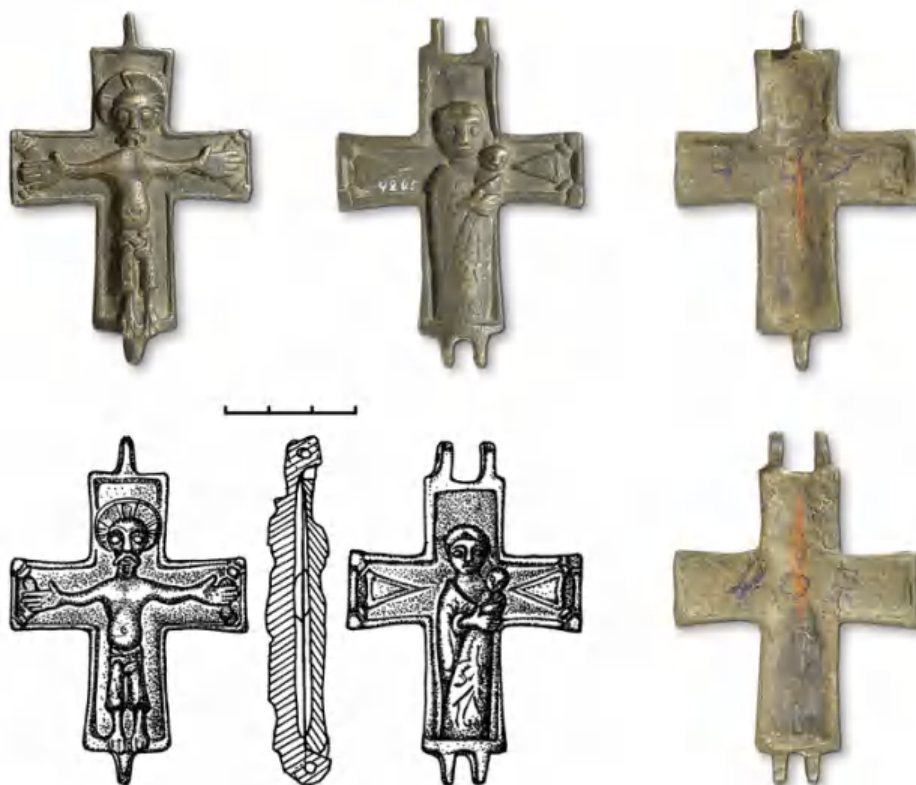
Кондаков 1915: 166, рис. 75;
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 12, 15, 29;
Пескова 2002: 257—259, рис. 4: 2;
Пескова 2006: 134—139, рис. 11.

Атрибуция: Константинополь, X—XI вв.

Иконография лицевой створки с Распятием следует, в основных чертах, иконографии широко распространенных византийских рельефных крестов-реликвариев X—XI вв., но в сокращенном варианте (без предстоящих, без подножия и без надписи, цитирующей Евангелие), кроме того, изображение исполнено в комбинированной технике (верхняя часть его нанесена резцом).

Иконография оборотной створки вообще не имеет близких аналогий. Единичные примеры как на меднолитых крестах с рельефными изображениями (ср. № 50 настоящего каталога), так и на драгоценных экземплярах (типа грузинских крестов X в. из Мартвили и Assat) все же заметно отличаются [Djvakhichvili, Abramichvili 1986: 102—103, 106—107].

Отмеченные еще Н. П. Кондаковым восточные черты в изображениях Христа и Богородицы вместе с высочайшим уровнем исполнения указывают на то, что крест изготавливался, скорее всего, в константинопольской мастерской выходцем из восточных провинций империи.

Кат. № 50

Лицевая створка:

НМИУ, № в 4626/244 (4208); таблицы Ханенко XXXVII: 371
6,4 (8,0)×5,5 см; толщина — 0,6—0,75 см, без рельефов 0,3 см

Оборотная створка:

НМИУ, № в 4626/241 (4205); таблицы Ханенко XXXVII: 372
6,45 (7,9)×5,5 см; толщина — 0,3—0,65 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий целый прямоконечный, с прямыми углами средокрестия. Лотки створок очень мелкие, их внутренние грани нечеткие, оплывшие; поверхность неровная, слегка и плавно (постепенно) углубляющаяся сразу от невысоких, едва выделенных бортиков к центру. Эти внутренние углубления лишь приблизительно отвечают очертаниям высоких рельефов на внешней стороне створок.

Лицевая створка. Вся поверхность створки занимает изображение распятого Христа в длинном, ниже колен, препоясании с прямо вытянутыми руками и преувеличенно большими кистями, прямо поставленной головой с крестчатым нимбом, с открытыми глазами, длинными усами и, возможно, короткой бородой (рельеф подбородка поврежден). Короткие волосы Христа обозначены прямыми параллельными линиями, на сегодня полустершимися, идущими ото лба к затылку. Фигура Христа, не очень удачно вписанная в поле створки по вертикали (стопы помещены на бортике как на подножии), вы-

полнена в высоком рельефе и возвышается на 3—4 мм над гладким рельефным бортиком, окаймляющим створку. На уровне бортиков в плоском рельефе выполнены и завершения боковых концов креста с шишечками, выступающими в углах поперечной перекладины створки. Таким образом, фигура Христа помещена не на фоне обычно выделяемой прямоконечной перекладины Крестного древа, а на фоне креста необычной для иконографии Распятия формы.

Оборотная створка. На вертикальной плоскости створки высоким рельефом выполнено изображение Богоматери с Младенцем на левой руке. На боковых концах плоским рельефом (на уровне бортиков) передано изображение такого же, как на лицевой створке, креста, точнее, его боковых остроугольных концов с шишечками. Изображение Богоматери с крупными чертами лица, без нимба, передано фронтально. Изображение Младенца, не сидящего, а лежащего на ее левой руке (она придерживает его правой рукой с преувеличенно крупной ладонью) — также без нимба. Детализовка одеяний Богоматери выполнена резцом глубокими, но уже полустертыми линиями, местами образующими плетенку, местами переходящими в завитки. На голове Богоматери читается рудимент мафория, орнаментированный еле видными сейчас очень мелкими отпечатками треугольного штампа. Верхний конец створки над головой Богоматери, где могла быть помещена надпись, ничем не заполнен.

Публикации и архивные материалы:

Пескова 2002: 254—262, рис. 1: 2.

Аналогии:

Уваров 1908: № 95, рис. 160 (хранится в ГИМ, Отдел металлов и синтетических материалов, № 75034, М 6120);

Salin 1891—1893: 296—298, Abb. 7;

Stenberger 1947: 231—232, Kat. № 578, Abb. 89; Staecker 1999: 477—478, Kat.-Nr. 81;

Пескова 2006: 134—139, рис. 12: 3, 4.

Атрибуция: Нижнее Подунавье или Древняя Русь (?), конец X—начало XI в.

Данный или подобный ему крест-реликварий, как удалось установить, послужил прототипом для изготовления серебряного нательного креста с двухсторонними изображениями из клада в Лилла Клинтегарда на Готланде, датированного XI в. [Пескова 2002]. Крест из Лилла Клинтегарда представляет собой один из вариантов нательных крестов с Распятием, широко распространенных в конце X—XI в. главным образом в Балкано-Дунайском регионе, в Древней Руси и Скандинавии. Эта традиция, зародившаяся, как показывают последние наблюдения, в Первом Болгарском царстве, получила дальнейшее своеобразное развитие на Руси и в Скандинавском регионе [Пескова 2013]. Присутствие на территории Древней Руси находок, аналогичных рассматриваемому кресту-реликварию [Уваров 1908] и нательному готландскому кресту [Пескова, Богуславский 2006], и несомненно византийский иконографический состав изображений на створках позволяют предположить возможность изготовления креста № 50 как в Нижнем Подунавье, так и на Руси в конце X—XI в.

Кат. № 51

НМИУ, № в 4626/258 (4747); таблицы Ханенко XXXIX: 383

9,9 (фрагм.)×8,8 см; толщина — 0,95—1,15 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка массивного креста с прямыми, немного расширяющимися концами, фрагментированная (утрачен верхний конец створки, частично обломана нижняя петля). Лоток створки глубокий, его бортик на нижнем конце имеет повреждения. Внутренняя поверхность ровная, гладкая, немного загрязнена.

Все поле створки занято многофигурной композицией, включающей несколько сюжетов христологического цикла. Центральное место занимает Распятие с изображенными в рост предстоящими на боковых концах. Христос изображен препоясанным, со склоненной к правому плечу головой, окруженной крестчатым нимбом, с прямо вытянутыми руками и ногами со стигматами. Под руками Христа в круглых медальонах даны погрудные изображения святых (архангелов, судя по присутствию крыльев). На нижнем конце помещена сцена «Сошествия во ад» (один из вариантов «Воскресения»). На верхнем обломанном конце, судя по сохранившейся части, размещалось изображение «Благовещения».

Вся композиция исполнена в низком мягком рельефе, местами дополненном углубленными линиями по контуру фигур, медальонов, нимбов. В некоторых местах (главным образом в сцене «Воскресения») сохранились следы декорирования рельефных изображений мелкими треугольными отпечатками.

Надписи углубленные, полустертые и неясные: над левым плечом Христа — **ХС**, под правой рукой Христа — **НСТ/AV**, под левой — **[PO]/СНС**, в самом низу створки — **[НАСТ]**. Надпись под руками Христа можно прочесть как **Н СТАΥΡΟCΙC** (Распятие), а надпись на нижнем конце створки — как начало надписи **Н ΑΝΑCΤΑCΙC** (Воскресение).

Архивные материалы и публикации:

Корзухина, Пескова 2003: 47, кат. I.1/17, табл. 5.

Аналогии:

The Glory of Byzantium 1997: nos. 91, 96;
Pitarakis 2006: 194, 195, nos. 17, 18.

Атрибуция: Константинополь, X—XI вв.

Прямыми и очень близкими аналогиями являются две коллекционные лицевые створки неизвестного происхождения, хранящиеся ныне в музеях Афин и Рима [Pitarakis 2006: 194, 195, № 17, 18]. Они различаются между собой главным образом характером процарапанных надписей. Б. Питаракис датирует обе створки X—XI вв., предположительно связывая их изготовление с Константинополем. Целых крестов-реликвариев с такими лицевыми створками пока не выявлено. Однако известны две оборотные створки, очень близкие им по размерам, технике, стилю исполнения и составу многофигурных изображений, также включающие сюжеты христологического цикла. Они коллекционные неизвестного происхождения, хранятся в музеях Афин [Delivortrias, Fotopulos 1997: 225, № 402; Everyday Life... 2002: 192, no. 214; Pitarakis 2006: 194, nos. 15, 16]. Б. Питаракис предположительно связывает их изготовление с Константинополем, но датирует, несмотря на очевидное по многим признакам сходство с лицевыми створками, столетием раньше (IX—начало X в.). Было бы опрометчиво без визуального ознакомления с названными створками и их сопоставления высказывать предположение об их парности (имеется в виду парность не конкретных экземпляров, а вообще створок данного иконографического типа). Тем не менее такая возможность не исключается.

Многофигурные композиции с сюжетами христологического цикла на крестах появляются не позднее первой половины IX в., о чем свидетельствует золотой с эмалью крест-реликварий папы Пасхалия (817—824) [Frolov 1965: 246, fig. 99]. В IX—X вв. такие сюжеты встречаются и на драгоценных крестах с чернью, изготовленных из золота и серебра, изредка из бронзы, например из Плиски, Пизы, Херсона и др. [Dončeva-Petkova 1979; Дончева-Петкова 2005; Залеская 1964: 167—175, рис. 1]. Именно они и послужили, скорее всего, образцом, на который мог ориентироваться создатель модели креста со сложными многофигурными рельефными изображениями. Правда, среди этих образцов нет ни одного, где бы Христос в сцене Распятия был изображен препоясанным. Но среди прочих синхронных им памятников христианского искусства, в том числе на кресте с эмалью из коллекции Бересфорда Гопа [Кондаков: 1914: рис. 174, 175; Kartsonis 1986: fig. 31a, b] и на процессионном кресте с рельефными изображениями из Никозии [Pitarakis 2006: 58, fig. 37], новый иконографический тип Распятия уже встречается. Датировка почти всех названных памятников является дискуссионной. Поэтому для датирования рассматриваемой створки IX в. нет достаточных оснований. В X в. изображение Христа препоясанным в сцене Распятия становится широко распространенным, а возможность создания новой модели креста по специальному заказу с учетом новейших требований — более вероятной. Исполнение ее могло состояться только в одном из крупных центров византийского мира с налаженным изготовлением предметов культовой пластики, прежде всего в Константинополе. Заказ на изготовление таких крупных и сложных по исполнению нагрудных крестов-реликвариев был, по-видимому, довольно ограниченным, рассчитанным на достаточно узкий круг представителей социальной или церковной элиты. Возможно, этим объясняется столь малое количество отливок подобных крестов, сопоставимое с количеством дошедших до нас драгоценных крестов с чернью и эмалью.

Надпись в сцене Распятия (**Η ΣΤΑΥΡΟΣΙΣ**) сопоставима с аналогичными надписями на диптихе слоновой кости второй половины X—начала XI в. из коллекции А. П. Базилевского и на иконе — мощевике с изображением праздничных сцен и святых XI—XIII вв. из бывшего собрания Г. С. Строганова в Эрмитаже [Искусство Византии 1997: 1006, № 585; The Glory of Byzantium 1997: no. 91; Синай. Византия. Русь. 2000: 88—89, кат. В-63].

Кат. № 52

НМИУ, № МТ-677

6,7×5,3 см; толщина — 0,6 см

Медный сплав; ковка, пайка, скань

Крест-реликварий нагрудный, равноконечный с расширенными закругленными концами и остроугольными выступами по сторонам. Углы в средокрестии острые. Петля круглая. На боковых и нижнем концах — утраты металла. Крест пустотелый, состоит из двух плоских пластин, соединенных между собой припаянной узкой лентой.

Обе стороны и петля украшены сплошным сканным орнаментом. На лицевой стороне, в центре и на концах — большие круглые ленточные касты для вставок. В соответствующих местах на оборотной стороне — круги из сканной проволоки.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13;

Зоценко, Попельницька 2008: <http://prostir.museum/treasures/ua/>

Попельницька, Зоценко 2009: 200—204;

Lango, Türk 2009: 389 (упоминание);

Попельницька 2011: 180—185, рис. 3.

Аналогии:

Дончева-Петкова 1983: 114—115, табл. 1, 2—3;
Дончева-Петкова 2001a: 121—130;
Калашник 1989: 167—168, рис. 5;
Атанасов, Йотов 1990: 86, 90, табл. II, IV, № 10;
Zalesskaya 1995: 672, fig. 6;
Il Castello di Santa Severina 1998: fig. 60—61;
Staecker 1999: 555, Karte 17; Kat.-Nr. 89;
Lango, Türk 2009: 387—415;
Дончева-Петкова 2011: 189, № 644—654.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, XI в.

Данный крест не попал в «сирийскую коллекцию» Ханенко и считался утерянным, но был запечатлен на негативах В. В. Хвойки, что послужило основанием для включения его в настоящий каталог. Позднее он был обнаружен в фондовой группе «Металл», куда, видимо, попал вследствие депаспортизации в послевоенное время, и был опубликован в 2008—2009 гг. [Зоценко, Попельницка 2008; Попельницка, Зоценко 2009: 200—204].

Сведения о крестах этого типа (8 экз.) впервые были собраны и картографированы Й. Стекером более десяти лет назад [Staecker 1999: 555, Karte 17]. Уже тогда было очевидно, что почти все находки локализуются в Нижнем и Среднем Подунавье, единичные находки встретились в Херсоне/Херсонесе и одна — в Швеции. Последняя по времени сводка аналогичных крестов представлена в статье П. Ланга и А. Тюрка, которые учитывают уже свыше 30 находок [Lango, Türk 2009: 387—406]. Количество находок увеличилось в четыре раза, территория их распространения расширилась до побережья Адриатики, но в целом не очень изменилась [Lango, Türk 2009: fig. 10]. Стоит отметить существенное увеличение количества находок на территории Добруджи, что позволяет предполагать здесь наличие специализированной мастерской. Анализ болгарских находок крестов этого типа была посвящена статья Л. Дончевой-Петковой, в которой дано убедительное обоснование даты их появления в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже во время византийского владычества, точнее в период между 1000 и 1026 гг. [Дончева-Петкова 2001a: 126—127]. Исследовательница полагает, что такие кресты, восходящие к ранневизантийским кассетным крестам, изготавливались в одном из центров Византийской империи.

Ближайшими аналогиями данному кресту являются бронзовый позолоченный крест из крепости Царь Асен (близ Силистры, Болгария) и серебряный крест из раскопок в районе римских терм в Варне (Болгария). Первый в археологическом контексте IX—первой половины XI в., второй — X—XII вв. [Атанасов, Йотов 1990: 86, 90, табл. II, IV, № 10; Дончева-Петкова 1983: 114—115, табл. 1, 2—3]. Приводимые аналогии не оставляют сомнений в балкано-дунайском происхождении креста № 52, вошедшего в состав коллекции Ханенко при неизвестных нам обстоятельствах. Но факт нахождения таких крестов в средневековом Херсоне [Калашник 1989] и в Скандинавии [Staecker 1999] позволяет думать, что он вполне мог быть найден и в Среднем Поднепровье.

Кат. № 53

НМИУ, № в 4626/327 (4244); таблицы Ханенко XLVII: 475

8,2 (9,4)×5,7 см, толщина — 0,5—0,6 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест нагрудный односторонний, массивный, прямоконечный, с расширяющимися концами. Петля овальная. Поверхность патинирована и местами корродирована.

В центре изображен стоящим молящийся св. вмч. Георгий, в длинном одеянии. Над головой святого — трехрядная надпись:

**ОАГНО
ОГЕОР
ГНООС**

Очертания лица вытянутые, схематичные. Нимб украшен радиально расположенными насечками. Одеяние орнаментировано разнонаправленной штриховкой и вертикальными линиями. Край подола украшен каймой из прямых и волнистой линий, со штриховкой. Стопы направлены в стороны. На концах креста по краю — точечный орнамент. Обратная сторона гладкая.

Изображение и надпись выполнены тонкими врезанными линиями неуверенной рукой.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 32 об.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 54;

Wulff 1909: Taf. XLV, no. 931;

Залеская 1998: 41, № 46;
Pitarakis 2006: 338, 341, nos. 481, 484, 485, 488.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI в.

Аналогичных крестов с односторонними врезанными изображениями не выявлено. Один нательный (?) крест из эрмитажного собрания, купленный в Стамбуле, с изображением св. вмч. Феодора (согласно надписи), но с крестчатым нимбом, несколько отличается от него по размерам (10,2×7,8 см) [Залеская 1998]. Среди ближневосточных крестов-реликвариев X—XI вв. есть группа крестов, тоже отличающихся примитивизмом рисунка, что характеризует и данный крест [Wulff 1909: Taf. XLV, no. 931; Pitarakis 2006: 338, 341, nos. 481, 484, 485, 488].

Кат. № 54

НМИУ, № в 4626/302 (4764); таблицы
Ханенко XLIV: 455
7,5 (8,4)×6,1 см, толщина — 0,4—0,5 см
Медный сплав; литье, резьба

Крест нагрудный односторонний, массивный, с выступами в средокрестии. Концы прямые, расширяющиеся. Петля фигурная. Поверхность патинирована, местами — коррозия.

На лицевой стороне помещено изображение Иисуса Христа (согласно надписям на поперечной перекладине). Очертания лица очень схематичные. Нимб украшен несколькими насечками. На боковых концах надпись **HC XC**. По краю сверху и с боков видны следы небрежно нанесенного орнамента. В средокрестии — крест, контуры торса Христа не обозначены. Нижняя часть тела — одеяние, орнаментированное разнонаправленными заштрихованными треугольниками. На дополнительных выступах в средокрестии — остатки «лучей». Обратная сторона гладкая.

Все изображения и надписи выполнены неровными врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 23, 31.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 53;
Wulff 1909: Taf. XLV, no. 931;
Залеская 1998: 41, № 46;
Pitarakis 2006: 338, 341, nos. 481, 484, 485, 488.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Данный крест также относится к группе крестов, отличающихся примитивизмом рисунка (см. № 53).

Кат. № 55

НМИУ, № в 4626/331 (4248); таблицы Ханенко XLVII: 480

4,9 (5,7)×4,1 см, толщина — 0,4 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест нагрудный односторонний, прямоко-
нечный. Петля круглая. Форма креста — прибли-
жающаяся к равностороннему кресту.

На лицевой стороне по центру изображен
стоящим молящийся св. вмч. Стефан с нимбом, в
богато орнаментированном одеянии. Над головой
надпись:

ΟΑΓΝΟCС
ΤΕΦΑΝ
Ο
C

Верхняя часть одеяния украшена разнонаправленной штриховкой, прямыми и мелкими волнистыми линиями, а также отпечатками мельчайших треугольников. На нижней части одеяния — орнамент из прямых и волнистых линий. По низу подола — кайма из треугольников. Стопы направлены в стороны. На боковых концах — двойные дуги. По краю створка оконтурена углубленной линией. Обратная сторона створки гладкая.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 23, 31.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 17;

Бобринский 1886: 234; 1887: 147, табл. VI-2;

Корзухина, Пескова 2003: 55, кат. I.2/17, табл. 10;

Pitarakis 2006: 315, no. 409.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI в.

По иконографии святого и манере нанесения рисунка данный крест можно отнести к изделиям мастерской, в которой изготавливался крест-реликварий № 17.

Кат. № 56

НМИУ, № в 4626/249 (4254); таблицы Ханенко XXXVIII: 381

3,8 (4,8)×3,3 см, толщина — 0,3—0,45 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест нагрудный односторонний. Концы прямые, расширяющиеся. Форма креста приближается к равностороннему греческому кресту. Петля круглая. Поверхность патинирована, местами корродирована и загрязнена.

На лицевой стороне в центре помещено фронтальное рельефное изображение стоящего св. вмч. Стефана с богослужебными предметами в руках. В правой руке святого — кадило, в левой — артофорий-пиксида для хранения священного хлеба¹⁵.

Длинное одеяние (стихарь) орнаментировано насечками. Стопы направлены в стороны. На боковом (возле правой руки святого) и верхнем концах креста вдоль края — следы нечитаемой надписи.

Оборотная сторона креста гладкая.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 57;

Wulff 1909: Taf. XLV, no. 938;

Лазарев 1966: 69—71, ил. 59, 104—105;

Залеская 1971: 84—91, рис. 1—2;

Искусство Византии... 1977: 16, 23, № 442, 467;

Age of Spirituality 1979: 621—622, no. 557;

Каковкин 1998: 170, 191, № 235, 258;

Ивакин, Чернецов 2002: 521—532;

Ивакин, Пуцко 2005: 94—96, рис. 1;

Ivakin 2007: 215, fig. 22.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Ближайшей аналогией данному кресту является крест из Смирны/Измир (Турция), находящийся в собрании Берлинского музея (рис. 23) [Wulff 1909]. Иконографически они очень близки. Совпадает и расположение надписей, именующих святого на кресте из Смирны св. вмч. Стефаном. Отличается лишь положение левой руки святого: на кресте из Смирны рука согнута перед грудью и держит прямоугольный предмет (книгу?); на данном кресте она слегка отведена в сторону и держит предмет с закругленным верхом (артофорий-пиксиду). Оба варианта присутствуют в иконографии святых диаконов на мозаике собора в Чефалу, а вариант с артофорием — на мозаиках в Чефалу, Дафни и в

¹⁵ Принимаем предложенное Жерфаньоном (G. De Jerphanion) определение литургического сосуда в левой руке святого как артофорий-пиксиду (по: [Лазарев 1966: 70, примеч. 78]).

соборе Архангела Михаила Михайловского Златоверхого монастыря XI в. в Киеве [Лазарев 1966]. Повторяется он и в изображении на энеолитическом каменном топоре, обнаруженном при раскопках на территории Михайловского Златоверхого монастыря; исследователи датируют изображение первой половиной XII в. [Ивакин, Чернецов 2002; Ивакин, Пуцко 2005; Ivakin 2007]¹⁶.

Сложение этого иконографического типа архидиакона Стефана с присущими ему атрибутами исследователи связывают либо с малоазийскими скальными монастырями [Jerphanion 1938: 279—282, 316; Дончева-Петкова 2002: 252], либо с Константинополем [Пятницкий 2000: 112] и относят его к IX—XI вв. Исключение составляет крест, входящий в сложную конструкцию бронзового светильника из музея Метрополитен, в средокрестии которого помещено аналогичное изображение св. вмч. Стефана. Светильник атрибутируется как произведение сирийских мастеров VI—VII вв. [Age of Spirituality 1979: 621—622, no. 557]. Поскольку этот пример ранней датировки пока единственный, а все другие памятники с близкой иконографией, в том числе и живописные, датируются X—XI вв., мы останавливаемся на дате X—XI вв., тем более что эта дата находит подтверждение и в некоторых иконографических деталях. Имеется в виду форма полусферического кадила на высокой конусовидной ножке в руках св. вмч. Стефана. Аналогичные кадила с рельефными изображениями сюжетов христологического цикла определяются как сирийские по происхождению и датируются в основном в рамках VIII—X вв. [Залеская 1971: 84—91, рис. 1—2; Искусство Византии... 1977: 16, № 442; Каковкин 1998: 170, 191, № 235, 258]¹⁷.

¹⁶ Заметим, что парным изображению Стефана на энеолитическом топоре является изображение Богоматери Знамение/Воплощение.

¹⁷ Заслуживает внимания факт находки такого кадила в 1896 г. на территории летописного Любеча — одного из древнейших древнерусских городов на Днепре. находка была куплена А. А. Бобринским для Эрмитажа (инв. № ω-123) [Залеская 1971: 884—887, рис. 1]. Палеография арабской надписи на кадиле, а также характер самой формулы, по определению Л. Т. Гюзальяна, хронологически соответствуют IX—X вв. [Залеская 1971: 86].

Кат. № 57

НМИУ, № вд 1138 (4251); таблицы Ханенко XXXVIII: 382
 5,1 (6,8)×3,9 см, толщина — 0,35—0,4 см
 Медный сплав; литье

Крест нагрудный односторонний. Концы прямые, расширяющиеся. Форма креста — с удлиненным нижним концом. Петля имеет форму реберчатого оглавия креста-реликвария. Изображение затерто, поверхность патинирована и загрязнена.

В центре — рельефное фронтальное изображение стоящего святого (по иконографии архидиакона Стефана) с кадиллом на цепочках в правой руке. Левая рука с неясным предметом (артофорий-пиксида?) согнута перед грудью. Одевание длинное.

Оборотная сторона гладкая.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 29.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 56;
 Wulff 1909: 198, Taf. XLV, no. 938;
 Лазарев 1966: 69—71, ил. 59, 104—105;
 Залеская 1971: 84—91, рис. 1—2;
 Искусство Византии... 1977: 23, № 467;
 Age of Spirituality 1979: 621—622, no. 557;
 Ивакин, Чернецов 2002: 521—532;
 Ивакин, Пуцко 2005: 94—96, рис. 1;
 Ivakin 2007: 215, fig. 22.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Данный крест в иконографическом отношении очень близок кресту № 56 настоящего каталога и почти идентичен кресту из Берлинского музея [Wulff 1909].

Возможно, крест был отлит по образцу оттиснутой в глине лицевой створки креста-реликвария с оглавием, хотя такие кресты-реликварии пока не выявлены.

Кат. № 58

НМИУ, № в 4626/269 (4268); таблицы Ханенко XLI: 409
3,0 (3,6)×2,5 см; толщина — 0,1—0,15 см
Медный сплав; литье

Крест нательный с закругленными концами и прямыми углами средокрестия. Лицевая сторона украшена концентрическими кругами, включенными в крестообразную композицию, исполненную в низком рельефе. Обратная сторона гладкая. Лицевая сторона потерта, особенно сильно в центре.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМ. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 25.

Аналогии:

Национальный заповедник «Херсонес Таврический», № 5281 (из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе);
Wulff 1909: 200, Taf. XLIV, no. 955;
Въжарова 1976: 324, обр. 202: 2, 3;
Diaconu, Baraschi 1977: fig. 99: 7, 9;
Марјановић-Вујовић 1982: 48, 147;
Mănușu-Adameșteanu 1984a: 636, pl. III, 30;
Damian, Damian 1997: 234, 239, fig. 1: 2;
Byzanz... 2001: 304—305, Kat.-Nr. IV.28.2;
Максимовић 2004: 221, кат. № 208;
Kreuz und Kruzifix 2005: 150, Kat.-Nr. I.6.3;
Дончева-Петкова 2011: 230—231, № 1146—1153.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион (?), X—XI вв.

Почти идентичные кресты происходят из Смирны/Измир (Турция) и из Фаюма (Египет) [Wulff 1909; Byzanz... 2001]. Очень похожие, но немного отличающиеся размерами или деталями кресты обнаружены при раскопках в Херсонесе (Украина), а также в Пекуюл луй Соаре и Исакче (Румыния) [Diaconu, Baraschi 1977; Mănușu-Adameșteanu 1984a; Damian, Damian 1997].

Египетский крест в современном каталоге датируют V—VII вв. [Byzanz... 2001]. Но присутствие аналогичных крестов в средневековых слоях Херсонеса, Пекуюл луй Соаре и Исакчи, в некрополе Ниша, а также семь находок на территории Болгарии [Дончева-Петкова 2011: № 1146—1153] требуют дальнейшей корректировки этой даты. Анализ условий обнаружения болгарских находок позволил Л. Дончевой-Петковой сделать вывод о том, что на территории Болгарии византийские кресты этого типа появились не ранее второй половины XI в. [Дончева-Петкова 2011: 230—231]. Однако география находок указывает, на наш взгляд, и на возможность балкано-дунайского происхождения модели такого креста.

Кат. № 59

НМИУ, № в 4626/273 (4276); таблицы Ханенко ХLI: 412
3,2 (3,6)×2,4 см; толщина — 0,1—0,15 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест нательный с прямыми, немного расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Петля наполовину обломана. Лицевая сторона украшена циркульным орнаментом, образующим крестообразную композицию; сильно потерта. Обратная сторона гладкая. Обе стороны патинированы, со следами окислов.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 23.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 81;
Wulff 1909: 199, Taf. XLIV, no. 946, 947;
Davidson 1952: 258, nos. 2073, 2074 — pl. 110;
Въжарова 1984: 12, обр. 9;
Early Christian and Byzantine Art 1990: cat. 63;
Атанасов 1995: 248, 263, № 16, обр. 1;
Йотов, Атанасов 1998: № 312, 313, табл. XCVIII;
Staecker 1999: 100, Abb. 33;
Cradle of Christianity 2000: 142;
Byzanz... 2001: 304—305, Kat.-Nr. IV.28.2;
Танчева-Василева 2002: табл. I, 2;
Everyday Life... 2002: 406, no. 510;
Kreuz und Kruzifix 2005: 173, Kat.-Nr. II.4.1;
Мусин 2006: 176.

Атрибуция: Византия, VI—XI вв.

Аналогичные кресты с циркульным орнаментом, судя по приводимым аналогиям, имеют широкое распространение и датируются от V—VI вв. (на Ближнем Востоке) до X—XI вв. (в Греции и на Балканах)¹⁸.

Один похожий крест, но меньшего размера, недавно обнаружен в заполнении жилища XII в. при раскопках древнерусского поселения Кошчевка-8 в Среднем Поднепровье [Лысенко и др. 2012: 30—31, 120, 323, рис. 197].

Присутствие рассматриваемого экземпляра на негативе В. В. Хвойки указывает на возможность происхождения его из ближневосточного региона, но для окончательного заключения этого недостаточно.

¹⁸ Дополнительную литературу по этому вопросу см.: [Мусин 2006: 176].

Кат. № 60

НМИУ, № в 4626/267 (4271, 406); таблицы Ханенко ХЛІ: 425
 3,15×2,65 см, толщина — 0,1—0,2 см
 Медный сплав; литье, резьба

Крест нательный, фрагментированный (утрачен нижний конец), прямоконечный, со слегка приостренными углами средокрестия. Орнаментирован косым крестом в центре, выполненным углубленными врезанными линиями, дополненными точечными углублениями. В той же технике оформлены концы креста. Обратная сторона креста гладкая.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 22, 30.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 376, nos. 602, 603.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Прямых аналогий среди крестов-тельников не обнаружено, но близость к миниатюрным крестам-реликвариям из Смирны и с антикварного рынка в Стамбуле позволяет относить его к ближневосточным изделиям X—XI вв. [Pitarakis 2006].

Кат. № 61

НМИУ, № в 4626/272 (4275); таблицы Ханенко ХЛІ: 411
 3,0 (37)×2,5 см, толщина — 0,2—0,3 см
 Медный сплав; литье, резьба (?)

Крест нательный, с закругленными концами, приближающийся по пропорциям к равностороннему кресту. На лицевой поверхности — изображение 4-конечного креста с округлой фигурой в виде рельефной точки в средокрестии, выполненное широкой и глубокой линией, возможно, отлитое вместе с крестом. По периметру креста прослеживаются слабые точечные углубления.

Оборотная сторона гладкая; с обеих сторон крест патинирован.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 23, 30.

Аналогии:

Дончева-Петкова 2011: 200—202, 437—438, кат. № 780—783.

Атрибуция: Нижний Дунай (?), X—XI вв.

Ближких аналогий этому кресту выявить не удалось. По способу декорирования (изображение креста, нанесенное углубленной линией, повторяющей контуры пластины креста) рассматриваемый крест сопоставим с древнеболгарскими крестами, такими как кресты X—начала XI в. [Дончева-Петкова 2011: кат. № 780—783]. Однако все они прямоконечные, с немного расширяющимися концами.

Кат. № 62

НМИУ, № в 4626/275 (4282); таблицы Ханенко ХLI: 414

3,8×3,3 см, толщина — 0,15—0,21 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест накладной, очевидно votivного характера, имеет четыре сквозных отверстия на концах, прямоконечный, с острыми углами средокрестия, орнаментированный волнистой линией и точечными углублениями. Обратная сторона гладкая. С обеих сторон крест патинирован.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 23, 30.

Аналогии:

Sevčenko 1966: 258, 263, cat. no. 6;

Forsyth, Weitzmann 1973: Pl. CII d;

Roux 1998: 165, fig. 105, 171;

Хрушкова 2002: 289—290, табл. 67: 6.

Атрибуция: Ближний Восток, X—XI вв.

Аналогии этому кресту могут быть найдены среди votивных крестов VI—VII вв., иногда связанных с паломничеством. Они могли укрепляться на стенах храмов в небольших углублениях с помощью четырех отверстий, как, например, в базилике Кампанопетры (Саламин, Кипр) или в базилике Синайского монастыря, в ее южной часовне на мраморной доске с надписью, закрывавшей святые мощи [Roux 1998: 165, fig. 105, 171; Sevčenko 1966: 258, 263, cat. no. 6; Forsyth, Weitzmann 1973: Pl. CII d]¹⁹. Кресты такой конструкции иногда встречаются в археологических раскопках вне храмового контекста, иногда с остатками цепей, что может указывать на использование их в системе крепления подвесных предметов, возможно лампад. Крест подобной формы, изготовленный на сей раз из золота, известен в Абхазии [Хрушкова 2002: 289—290, табл. 67: 6]. В публикации он смешивается с иной категорией

¹⁹ Благодарим А. Е. Мусина за указание на приводимые здесь аналогии.

предметов христианского культа, а именно с *Goldblattkreuze*, которые в Центральной и Западной Европе являлись частью погребального обряда христианизуемой германской знати [Goldblattkreuze 1975]. Отметим также, что орнаментация, подобная той, которую мы видим на рассматриваемом кресте, нередко используется на ближневосточных крестах-реликвариях и процессионных крестах X—XI вв. (см., например, крест № 63 в настоящем каталоге).

Кат. № 63

НМИУ, № в 4626/295 (4757, 410); таблицы Ханенко XLIV: 448

6,7×3,7 см, толщина — 0,15—0,25 см

Медный сплав; литье, резьба

Креста процессионного фрагмент. Крест пластинчатый, с плавно расширяющимися концами и круглым выступом на одном из углов (второй выступ обломан).

На лицевой стороне — изображение св. вмч. Георгия с гладким нимбом, в обильно орнаментированном разнонаправленной штриховкой, а также прямыми и ломаными линиями одеянии. Над его головой двухстрочная надпись:

**ОАГНОСГЄ
ОРГНОС**

Верхний край креста орнаментирован композицией из треугольников, заполненных косой штриховкой и мельчайшими треугольными отпечатками.

Оборотная сторона фрагмента гладкая. С обеих сторон фрагмент креста патинирован.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 24, 31.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 156—157, 353, fig. 92—95, 104—106, no. 527.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Фрагменты процессионных крестов № 63 и № 64 выполнены теми же приемами и в той же манере, что и большинство ближневосточных крестов-реликвариев X—XI вв. Аналогичные процессионные кресты из музейных и частных коллекций датируются XI в. [Pitarakis 2006].

Кат. № 64

НМИУ, № в 4626/300 (4762, 412); таблицы Ханенко XLIV: 453

4,4×3,05 см, толщина — 0,1—0,2 см (утолщается от центра к концам)

Медный сплав; литье, резьба

Креста процессионного фрагмент. Крест пластинчатый с расширяющимися концами (верхняя часть креста). На лицевой стороне — частично сохранившееся изображение св. вмч. Георгия с гладким нимбом, в одеянии, орнаментированном прямыми дуговидными линиями, а также треугольными отпечатками. Над головой святого надпись:

**ОАГНОСГНОР
Г С**

Боковые края креста подчеркнуты прямой углубленной линией, верхний край — полосой, украшенной короткими волнистыми линиями. Над ней виден орнамент из прямых вертикальных параллельных линий (возможно, это нижний край несохранившейся отдельной композиции, заключенной в круглый медальон). Следы обломов по бокам верхнего края свидетельствуют о том, что на углах креста изначально были выступы (круглые или остроугольные).

Оборотная сторона фрагмента гладкая; с обеих сторон фрагмент креста патинирован.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 25, 31.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 156—157, 353, fig. 92—95, 104—106, no. 527.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Фрагменты процессионных крестов № 63 и № 64 выполнены теми же приемами и в той же манере, что и большинство ближневосточных крестов-реликвариев X—XI вв. Аналогичные процессионные кресты из музейных и частных коллекций датируются XI в. [Pitarakis 2006].

Кат. № 65

НМИУ, № в 4626/282 (4285); таблицы Ханенко XLI: 415

9,4×6,3 см, толщина — 0,3—0,35 см

Медный сплав; литье, резьба

Крест-навершие на богослужебный предмет или крест votивного характера с прямыми, слегка расширяющимися концами, вогнутыми на торцах, с приостренными углами. На нижнем конце с обеих сторон прослеживаются следы крепления рукояти, в средокрестии лицевой стороны — следы от медальона. Грани креста очень четкие, не стершиеся. Крест патинирован, местами окислен.

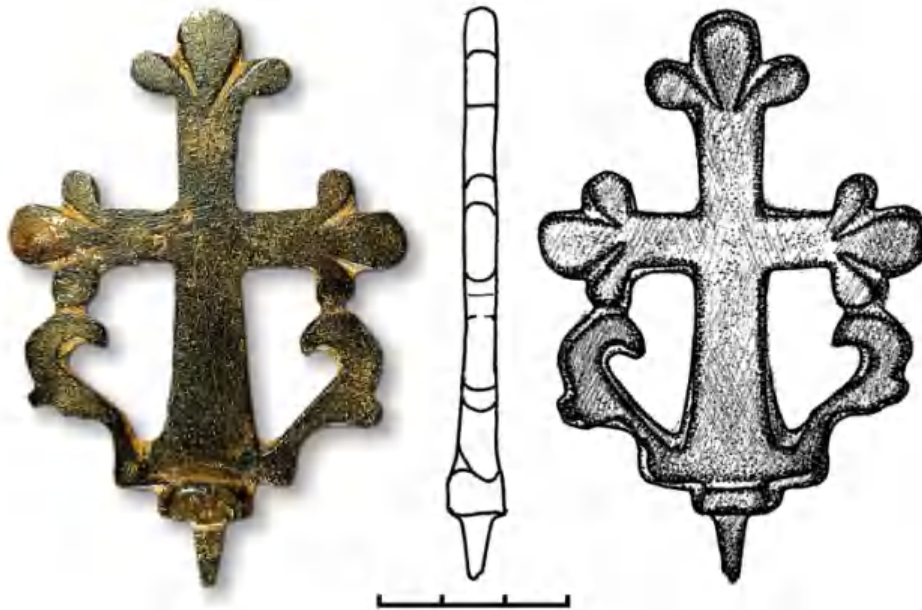
Лицевая сторона украшена концентрическими кругами на четырех концах креста (по одному большому $d = 0,95$ см и по два маленьких круга $d = 0,2$ см) и утраченным ныне медальоном в центре ($d = 1,0$ см) с сопутствующими ему четырем маленьким концентрическим кружками. Круги объединены в целостную крестовидную композицию двухрядными линиями, образованными зубчатыми наколами.

Оборотная сторона креста гладкая.

Аналогии: не выявлены.

Атрибуция: Ближний Восток, XI в.

Ближних аналогий по функциональному назначению не выявлено. По характеру орнамента данный крест можно уверенно отнести к кругу ближневосточных крестов XI в.

Кат. № 66

НМИУ, № в 4626/290 (4103); таблицы Ханенко XLIII: 442
 7,5 (9,0)×6,25 см, толщина — 0,5—1,0 см
 Медный сплав; литье (или ковка?), резьба

Крест массивный на коротком (1,1 см) шиповидном стержне, служил, по-видимому, деталью хороса. Три его конца оформлены в виде трилистников. От нижнего конца креста отходят побеги «цветения», примыкающие к боковым концам поперечной перекладки креста.

Крест патинирован, местами загрязнен, кое-где проступают окислы.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 13, 25.

Аналогии:

Косцюшко-Валюжинич... 1904: 60, рис. 36;
 Петровић 2001: 517, табл. 99: 17;
 Die Welt von Byzanz 2004: 102—107, Nr. 139-2, 139-4, 139-7;
 Яшаева 2011: 223, 509, кат. № 171;
 Британский национальный музей, инв. № ММЕ 1998, 11-5, 21.

Атрибуция: Малая Азия (?), XIII—XIV вв.

Крест определяется как деталь хороса XIII—XIV вв., по аналогиям с материалами Мюнхенского археологического музея [Die Welt von Byzanz 2004]. Очень близким по всем параметрам крестом украшен кронштейн для подвешивания светильника (или большой лампы?), происходящий из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1902 г. [Косцюшко-Валюжинич... 1904; Яшаева 2011]. Аналогичный крест, но без шипа в основании хранится в Британском национальном музее.

Приложение I
Процессионные кресты из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко

Кат. № 67. Процессионный крест из раскопок В. В. Хвойки близ Десятинной церкви:
a — лицевая сторона; *b* — обратная сторона; *в* — реконструкция; *г* — медальон
с изображением св. вмч. Феодора (*в, г* — по: [Pekarska 2011: 236—237, no. 7, pl. 9.9])

6

2

Кат. № 67

НМИУ, № в 4553/81 (2196)

Киев, близ Десятинной церкви

Раскопки В. В. Хвойки, 1907 г.

61×35 см (от верхней «слезки» до нижней «слезки»); 56×33 см (по центру)

L рукояти — 10, 6 см

Железо, бронза; ковка, гравировка, штамповка

Крест процессионный двухсторонний с удлиненными вертикальными рукавами и расширяющимися концами. Железная основа креста покрыта тонкими бронзовыми пластинами. Края лицевой пластины загнуты на оборотную сторону, где они дополнительно закреплены мелкими накладными пластинчатыми кастами, некогда заполненными, по всей вероятности, эмалью (только в одном касте сохранилось темное стекловидное заполнение). Таким образом, сплошная декоративная полоса из эмалевых вставок не только закрепляла края лицевой пластины на оборотной стороне, но и маскировала их. Края лицевой стороны креста украшены полосой накладного псевдожгута (сохранился частично).

В остальном оформление лицевой и оборотной сторон почти одинаково. Оно состоит, судя по следам припоя, из 5 накладных медальонов; к центральному медальону, более крупному, с четырех сторон примыкают дополнительные декоративные накладки, образующие крестообразную композицию. На лицевой стороне накладной внутренний крест выполнен в виде четырехконечной звезды с шестилепестковыми розетками (сохранились две) на концах. На оборотной стороне накладной крест имеет расширяющиеся фигурные концы со «слезками» (сохранился фрагмент верхнего рукава). Такими же розетками были украшены и миниатюрные диски на остроконечных рукавах самого процессионного креста на лицевой стороне (сохранилась одна розетка). Парные им миниатюрные накладки дисков с оборотной стороны утрачены²⁰.

²⁰ Какие изображения были на утраченных медальонах (такие же розетки или изображения святых, как на Адрианопольском кресте), можно только предполагать. На Адрианопольском кресте, как известно, маленькие медальоны на концах креста с ли-

Согласно каталогу выставки древностей в музее барона Штиглица, на центральном медальоне лицевой стороны было погрудное рельефное изображение св. вмч. Феодора [Макаренко 1915: 57—58].

Крест имеет многочисленные утраты и трещины, состоит из отдельных фрагментов.

Архивные материалы и публикации:

Археологическая хроника... 1907: 28—29;
Труды XIV Археологического съезда... 1911: 68;
Хвойка 1913: 75—76;
Историко-Культурный Атлас... 1913: табл. XXXIX, 9;
Болсуновский 1913: табл. I;
Макаренко 1915: 57—58;
Эрнст 1915: 15;
Миллер 1952: 24—26;
Каргер 1958: 504—505;
Ross 1962: 24—25, pl. XXIII, 20.
Курінний 1966: 83, № 12;
Білоусова 1996: 75, 147, кат. № 2;
Пекарська 1999: 64—65;
Національний музей... 2001: 37, кат. № 70;
Пекарська, Павлова 2004: 94—100;
Пескова, Строкова 2010: 164—166, ил. 1;
Peinarska 2011: 236—238, pl. 9.9.

Аналогии:

Банк 1985: 119, рис. 1;
Bouras 1979: 43, Fig. 15;
The Glory of Byzantium 1997: 61—67, nos. 24—27.

Атрибуция: Византия, конец X в.

Крест был найден 17 августа 1907 г. в братской могиле времен татаро-монгольского нашествия близ Десятинной церкви в процессе археологических раскопок, проводившихся В. В. Хвойкой в усадьбе доктора Петровского (современная территория Национального музея истории Украины) [Археологическая хроника... 1907: 29], и почти сразу попал в коллекцию Ханенко. Уже в начале 1908 г. В. В. Хвойка сообщил Н. П. Кондакову о том, что «выслал Богдану Ивановичу в Петербург через его служителя некоторые предметы, добытые... при раскопках в усадьбе [г-на] Петровского возле Десятинной церкви», в том числе крест (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. № 456. Л. 6)²¹.

цевой стороны несли изображения святых, с оборотной — 8-лепестковые розетки и были скреплены между собой тонкой свинцовой прокладкой [Bouras 1979].

²¹ Письмо В. В. Хвойки к Н. П. Кондакову, датированное 1 марта 1908 г., сохранилось в личном архиве Кондакова (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. № 456. Л. 6):

«Глубокоуважаемый Никодим Павлович!

Позволяю себе, глубокоуважаемый Никодим Павлович, известить Вас о том, что я выслал Богдану Ивановичу в Петербург через его служителя некоторые предметы, добытые мною при раскопках в усадьбе [г-на] Петровского возле Десятинной церкви.

Что касается означенных предметов, то я выслал из них только более важные, а именно: крест, образцы фресок с предполагаемого дворца Ольги — Владимира и образцы своеобразных фресок, на которые было Вами обращено особенное внимание

Возможно, это произошло благодаря участию Ханенко в финансировании раскопок Хвойки²². В Петербурге крест оставался, очевидно, до 1917 г., когда Варвара Николовна перевезла в Киев петроградскую часть коллекции. В 1937 г. крест был передан в Исторический музей.

Уникальный для Древней Руси крест неоднократно упоминался в разного рода работах [Археологическая хроника... 1907: 28—29; Труды XIV Археологического съезда... 1911: 68; Хвойка 1913: 75—76; Макаренко 1915: 57—58; Каргер 1958: 504—505; Білоусова 1996: 75, 147, кат. № 2; Національний музей 2001: 37, кат. № 70].

В 2004 г. вышла статья Л. В. Пекарской и В. В. Павловой, посвященная исследованию этого креста, в связи с обнаружением в коллекции музея Дамбартон Окс в Вашингтоне серебряного медальона с изображением св. вмч. Феодора, некогда украшавшего средокрестие данного креста, но со временем утраченного [Пекарська, Павлова 2004: 94—100]²³. Авторам удалось доказать принадлежность выявленного медальона киевскому процессионному кресту и установить, когда (в 1940-е гг.) и каким путем он попал на Запад. Изучение креста с привлечением новых аналогий привело авторов к обоснованному подтверждению первоначального вывода Н. П. Кондакова о том, что рассматриваемый процессионный крест относится к произведениям византийских мастеров конца X в., а место и обстоятельства находки позволили предположить, что он был одним из тех крестов, которые князь Владимир Святой вывез из Корсуня [Пекарська, Павлова 2004: 94—100; Pekarska 2011: 236—238, pl. 9.9].

(может быть, что они из дворца Мстислава), образцы плиток, покрытых эмалью, кирпичную плитку с гербом Владимира, каменные формочки, кольцо с славянской надписью, образцы эмали, приборы для расплавления эмалей и еще некоторые другие предметы.

Одновременно с высланными предметами высланы также две прекрасно исполненные модели, из которых одна представляет развалины предполагаемого дворца и братскую могилу с найденным в ней крестом, а другая представляющая место, в котором были обнаружены вышеупомянутые своеобразного вида фрески.

Сообщая об этом и желая Вам доброго здоровья, честь имею оставаться всегда глубокоуважающий Вас

В. Хвойка

Киев 01.03. 1908 г.»

²² К мысли об участии Б. И. Ханенко в финансировании раскопок В. В. Хвойки в усадьбе М. М. Петровского склоняются многие исследователи [Корзухина 1956: 318; Шовкопляс 2000: 13; Колеснікова 2007: 64].

²³ В статье Л. В. Пекарской и В. В. Павловой упоминается, что крест из раскопок Хвойки у Десятинной церкви и еще один, подобный ему, крест были записаны в Рукописный каталог Археологического отдела Киевского городского музея древностей и искусств заведующей Археологическим отделом В. Козловской еще в 1923 г. под номерами 24719—24720. Обращение к этому каталогу показало, что под номерами 24719—24720 (1923) записано: «Хрести залізний і бронзовий з Сирії (доба Візантійської імперії). Із збірки Б. І. і В. Н. Ханенко». Эти номера действительно входят в диапазон записи предметов первой части сирийской коллекции, переданной музею, по-видимому, еще при жизни Б. И. Ханенко. Но эта запись не может иметь отношения к данному кресту, тем более что этот крест, как и три остальных процессионных креста (настоящий каталог, № 68—70), были переданы из Музея искусств Ханенко в Исторический музей в составе второй части так называемой «сирийской коллекции» в 1937 г.

Кар. № 68

166

НМИУ, № **В-298** (2270)

56×34 см (по центру 45×29,4 см), толщина — 0,1—0,15 см

L ручки — 9,3 см; d втулки внешний — 1,6×2,2 см

d медальонов — 2,0; 2,4; 2,5; 3,2 см

Медный сплав; ковка

Крест процессионный односторонний. Рукава креста расширяются к концам и имеют треугольные очертания в виде «ласточкина хвоста», их острые окончания завершаются каплевидными выступами с накладными розетками-полусферами (сохранились две). Лицевая сторона на концах и в средокрестии декорирована 5 гладкими накладными медальонами, оконтуренными двумя ободками из плоской проволоки. К центральному медальону примыкают крестообразно расположенные миндалевидные накладки, оконтуренные проволокой, дополняемые маленькими полусферами (сохранились не все). Свободное поле между верхним, центральным и нижним медальонами дополнительно украшено накладными геометрическими фигурами из такой же проволоки и маленьких полусфер. Обратная сторона гладкая. Нижний конец заканчивается рукоятью для крепления, широкие стороны рукояти загнуты и образуют втулку.

Орнамент частично утрачен, медальоны поцарапаны, по краям креста — многочисленные выщербины, три острых выступа утрачены. Крест почти черного цвета (возможно, полученного в результате специальной обработки)²⁴, медальоны — цвета золотистой бронзы.

Архивные материалы и публикации:

Ханенко 1902: 9, 28, № 157, ил. на с. 23;

Пескова, Строкова 2010: 166—169, ил. 2.

Аналогии:

Σωτηρίου 1935: πιν. 151;

Byzantine Art... 1964: 452, no. 556;

Bouras 1979: 24, fig. 31;

Gonosova, Kondoleon 1994: № 100;

Cotsonis 1994: 57—58, fig. 23;

Пердикис 1998: фото 53;

Тотев 2002: 57, 60—61, обр. 4—6;

Die Welt von Byzanz 2004: 129, Kat. Nr. 165;

Christie's 2007: lot 45;

Большакова 2008: 20—21, кат. № 2;

Атанасов 2009: 176, 178, 286, бел. 48, табл. XVI: 156.

Атрибуция: Византия, XI в.

Впервые крест был кратко упомянут и воспроизведен в 1902 г. в пятом выпуске «Древностей Приднепровья...» из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко как «большой ставной железный крест неизвестной находки, но по всему вероятию — древней сирийской работы VI—VIII вв. (№ 157)» [Ханенко 1902: 9, 23].

²⁴ Возможно, поэтому владельцы коллекции считали его железным [Ханенко 1902: 9, 28, № 157].

Характерными особенностями данного креста являются способы декорирования, а также отсутствие в его оформлении лицевых изображений. Все декоративные элементы выполнены из золотистой бронзы, что в сочетании с темно-коричневой поверхностью самого креста создает живописный эффект. Крестов с такими особенностями известно немного — всего 12 экземпляров вместе с рассматриваемым крестом²⁵. Несмотря на малое их количество, можно уверенно говорить о них как об особой группе процессионных крестов. Все эти кресты довольно крупных размеров, относительно близки по форме и изготовлены преимущественно из железа (или на его основе), реже из бронзы, декорированы (как правило, только с одной стороны) контрастными по цвету (по отношению к поверхности креста) накладными элементами — гладкими дисками, полыми круглыми и миндалевидными накладками, маленькими полусферами и проволокой. В отдельных случаях на нижнем или верхнем конце креста помещено изображение креста (голгофского или процессионного), выполненное в той же технике [Die Welt von Byzanz 2004: 129, Kat. Nr. 165; Christie's 2007: lot 45]. Прием дублирования изображения креста наблюдается и на нагрудных крестах-реликвариях, декорированных врезанными изображениями крестообразных композиций и святых (см. крест № 29 настоящего каталога). Ни на одном из них нет лицевых изображений²⁶. Датируются эти кресты в основном в пределах IX—XII вв., за исключением одного креста — из Киккского монастыря (XIV—XV вв.).

Способ декорирования крестов выпуклыми как полыми, так и литыми накладками, очевидно, восходит к украшению камнями изделий из драгоценных металлов, в том числе и крестов (таких, например, как серебряный крест середины XI в. из собрания ГЭ [Мирзоян 2006: 82—93, цв. табл. X—XI]). Мастера пришли к нему путем имитации (или замещения) камней разной формы при работе с менее дорогими материалами в разной технике. Судя по приведенным выше датировкам, время появления крестов, украшенных полыми накладками в сочетании с проволочным декором, приходится на рубеж IX и X вв., время наибольшего распространения таких крестов — X/XI—XII вв., а крестов с литыми накладками — XI—XIII вв.

Бросающаяся в глаза внешняя специфика исследуемых процессионных крестов как будто предполагает их специальное предназначение. Возникает

²⁵ Железный крест (с наслоениями меди и бронзы) из округа Великого Преслава (Болгария), вторая половина X—XI вв. [Тотев 2002]; железный крест из крепости Аязмото у с. Руйно (Силистренская обл., Болгария), X—начало XI в. [Атанасов 2007]; железный крест из Эпидавра в музее Коринфа (Греция), IX—X вв. [Byzantine Art 1964]; бронзовый (?) крест из Свято-Киккского монастыря на Кипре, XIV—XV вв. [Пердикис 1998: фото 53]; бронзовый крест из церкви Panaghia Podithou на Кипре [ΣΩΤΗΡΙΟΥ 1935]; железный крест из Частного музея русской иконы в Москве, IX—X вв. [Большакова 2008]; железный крест из частного собрания в Мюнхене, X—XII вв. [Die Welt von Byzanz 2004]; железный крест (кованое железо) с латунным декором из частного собрания [Christie's 2007]; бронзовый крест с серебряными накладками из церкви Святого Николая в Метсово (Averoff-Tositsa Collection) (Греция), IX—X вв. [Byzantine Art 1964; Bouras 1979]; железный крест в Музее изящных искусств в Ричмонде, X—XII вв. [Gonosova, Kondoleon 1994; Cotsonis 1994]; крест из раскопок монастырского комплекса X—XI вв. в Богазкой (Турция) [Neve 1984: 341—341, Abb. 16b].

²⁶ В плохо сохранившихся медальонах на кресте из округа Великого Преслава К. Тотев допускает возможность размещения рельефных или гравированных изображений [Тотев 2002: 61], но отсутствие таковых на аналогичных крестах позволяет думать, что медальоны преславского креста также были гладкими.

вопрос, чем могло быть вызвано появление такой серии крестов. Прямого ответа, подтверждаемого письменными или изобразительными источниками, пока нет. Но можно предположить, что процессионные кресты рассматриваемой группы, равновеликие драгоценным крестам и близкие к ним по форме, но менее дорогие по материалу и менее сложные по технике исполнения, предназначались для небольших и небогатых церквей и монастырей. Металлическая основа тех и других крестов могла изготавливаться в специализированных мастерских одними и теми же мастерами, направляясь затем в руки либо ювелиров высокого класса, работавших исключительно по заказу, либо нацеленных на серийную продукцию мастеров, которые могли работать и на перспективу, с учетом возрастающего (или убывающего) спроса.

Непосредственным импульсом к налаживанию изготовления сравнительно недорогих процессионных крестов могло послужить появление многочисленных новых церквей и монастырей, вызванное в конце IX—X в. христианизацией Первого Болгарского царства, простиравшегося от Адриатики до Черного моря.

Истоки иконографии этих крестов, на наш взгляд, не стоит связывать напрямую с иконоборческим периодом. В целом их композиционное построение буквально, хотя и упрощенно, повторяет композицию современных им драгоценных крестов X—XI вв., то есть сформировалось в рамках общей постиконоборческой традиции. А в деталях их декоративное оформление находит близкие аналогии в синхронных ставрографических памятниках Грузии и Армении, где поклонение кресту уже имело к тому времени глубокие корни и самобытные формы.

Большинство из учтенных нами крестов, украшенных полыми накладками и проволокой, к сожалению, происходят из частных, музейных или, в лучшем случае, монастырских собраний (монастырские собрания все же косвенно указывают на локализацию находки). Те немногие, которые имеют географическую привязку, связаны с Балкано-Дунайским регионом (Эпидавр, Метсово, Великий Преслав, Аязмото) и Кипром. Один такой крест происходит из раскопок монастырского комплекса в Малой Азии. Это позволяет, хотя и с малой долей уверенности, предполагать изготовление их в мастерских Константинополя или в Фессалонике, не исключая возможности и местного балкано-дунайского изготовления наименее сложных в техническом отношении крестов, а также и малоазийского. Так, находки крестов с литыми накладками, с одной стороны, привязаны к Константинополю и Силистре, с другой — к территории Анийского царства. При этом анийские кресты имеют характерную особенность — их острые концы завершаются не простыми дисками с накладными полушариями, а сгруппированными по три полушариями меньшего диаметра, иногда с инкрустацией в центре каждого из них. Этот пышный декор очень напоминает так называемые почки на крестах армянских хачкаров и позволяет думать, что эта особенность формировалась именно в армянской среде, хотя изредка такие кресты встречаются и на Дунае, например в Силистре [Атанасов 1991: 94, обр. 2: 3]²⁷.

В этой же связи напомним, что два из учтенных нами одиннадцати крестов были найдены на территории Болгарии: один поблизости от древней столицы — Великого Преслава, другой в крепости Аязмото, недалеко от Доро-

²⁷ Случайная находка такого креста в Силистре была опубликована Г. Атанасовым и датирована IV—VI вв., с чем трудно согласиться.

стола — одного из крупнейших христианских центров Болгарии. Среди множества процессионных крестов, обнаруженных на территории Болгарии²⁸, можно выделить и другие типы сравнительно недорогих и простых по исполнению крестов, которые могли изготавливаться на месте. Таковы, например, кресты с декором, нанесенным резьбой и пуансоном и выполненным явно в подражание композиционным элементам, характерным для крестов с накладным декором [Атанасов 1991: 94—95, обр. 3: 5; 2008: табл. LV-154, LVII-163].

Таким образом, крест № 68 из коллекции Ханенко достаточно уверенно вписывается в определенную группу византийских процессионных крестов, предположительно XI в.

²⁸ Только в Великом Преславе, по сведениям К. Тотева, известно около 30 экз. целых и фрагментированных процессионных крестов [Тотев 2002: 57]. Значительная их часть, к сожалению, не опубликованы.

Кар. № 69

НМИУ, № в-1113 (2271)

Киевщина

47,5×25 см (по центру 40,2×22 см); толщина — 0,55—0,7 см

d втулки: внешний — 3,8 см, внутренний — 2,1 см

Ручка: L (с накладной частью) — 9,2 см, L втулки — 5,7 см, d втулки: внешний — 3,8 см, внутренний — 2,1 см

Медный сплав; ковка

Крест процессионный двухсторонний массивный, с удлиненными вертикальными рукавами. Рукава креста расширяются к концам и завершаются в углах двумя гладкими шаровидными выступами (литье). В центре перекрестия с обеих сторон креста — концентрические круги. В углах перекрестия — полукруглые выступы. Нижний конец креста украшен фигурными выступами и укреплен на полом шаровидном основании, которое служило своеобразной фигурной втулкой рукояти. Боковые рукава креста снизу имеют по 3 петли (одна отсутствует), в двух из которых сохранились колечки от подвесок (согласно инвентарной описи Музея Б. И. и В. Н. Ханенко, к одной петле был подвешен крестик на длинной цепочке).

Крест покрыт зеленым окислом, конец верхнего рукава был отломан и в настоящее время имеет следы припоя.

Архивные материалы и публикации:

Пескова, Строкова 2010: 169—170, ил. 3.

Аналогии:

Wulff 1909: 199, Taf. XLIII, no. 945;

Ross 1962: 59, Pl. XLI, № 68;

Grabar 1969: 100, fig. 1;

Bouras 1979: 52—53, fig. 30, 31;

Djavakhichvili, Abramichvili 1986: fig. 2;

Sandin 1992: 258, № 29;

Cotsonis 1994: 90—94, no. 9, fig. 33;

The Glory of Byzantium 1997: 344—345, no. 232;

Σοτηρίου 2001: 41, № 56, 57;

Die Welt von Byzanz 2004: 130, Kat. Nr. 168;

Тотев 2005: 173, обр. 6.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион (?). Конец X—XI в.

По форме и пропорциям настоящий крест вполне вписывается в группу процессионных византийских крестов X—XII в. Тем не менее достаточно близких аналогий этому кресту найти не удалось вследствие редких индивидуальных особенностей, таких как полукруглые выступы в средокрестии, украшенном концентрическими кругами, необычные фигурные отростки на нижнем конце креста и его шаровидное основание.

Последняя деталь редко встречается на бронзовых процессионных крестах. Известные образцы X в. выполнены в сложной технике из драгоценных металлов и связаны с Кавказом [Djavakhichvili, Abramichvili 1986: fig. 2; The Glory of Byzantium 1997: 344—345, no. 232]. Явно в подражание таким крестам выполнены шаровидные основания у бронзовых крестов из музеев в

Принстоне и Мюнхене, из частной коллекции Георгия Цолозиди [Sandin 1992: № 29; Die Welt von Byzanz 2004: 130, Kat. Nr. 168; Σωτηρίου 2001: 41, № 56, 57]. Но по сравнению с данным крестом они имеют более сложную (составную) конструкцию.

Декоративные отростки на нижнем конце креста имеют некоторое сходство с отростками на бронзовых крестах XI в. из Велико Тырново и частной коллекции в Нью-Йорке [Тотев 2005: 173—174, обр. 6, 7; Sandin 1992: 234—235, № 18].

Концентрические круги, прочерченные в средокрестии, находят аналогии среди памятников, которые принято датировать V—VI вв. [Wulff 1909: 199, Taf. XLIII, no. 945; Cotsonis 1994: 90—94, no. 9, fig. 33b]. Но для столь раннего времени нам неизвестны выступы в углах средокрестия. Они более характерны для крестов X—XII вв. [Sandin 1992: 207—215, 217—218, 220—222, nos. 2—7, 9, 11, 18, 19]. Среди них особенно близок данному кресту по размерам и пропорциям бронзовый крест из Торонто (Malcove Collection, X—XI в.?) [Sandin 1992: 236—238, no. 19]. Он украшен так же сдержанно, как и крест из НМИУ: в углах средокрестия видны остроконечные (а не закругленные) выступы, а в самом средокрестии на обеих сторонах фиксируются круглые накладки с небольшим углублением в центре и концентрическими бороздками вокруг него. Это позволяет думать, что и на рассматриваемом кресте могли быть такие накладки.

Своеобразно и устройство петель для подвесок: отверстия в них ориентированы параллельно горизонтальной перекладине креста, а не поперек, как это сделано во всех известных нам аналогичных случаях на крестах, датированных X—XI вв., будь у них петлевидные выступы или специально припаянные колечки [Ross 1965: 59, № 68; Grabar 1969: 100, fig. 1; Bouras 1979: 52—53, fig. 30, 31; Тотев, Станчев 1999: 93—94, обр. 1—3; Тотев 2005: 173—174, обр. 7, 8]. И только на кресте из Нисово (Болгария) выступы для петель остались непробитыми [Тотев, Станчев 1999: 93—95, обр. 2], но их конфигурация указывает на то, что и они были задуманы стандартными²⁹.

Таким образом, рассматриваемый крест остается пока единственным в своем роде. Приведенные аналогии, подобранные по отдельным признакам, за неимением полных аналогий, указывают на то, что крест был изготовлен высококлассным мастером-профессионалом. Те же аналогии позволяют предполагать, что создан этот крест был не ранее конца X—XI в., где именно, об этом трудно судить.

²⁹ Говоря о своеобразии устройства петель для подвесок на кресте из НМИУ, необходимо отметить, что сравнение проводилось только внутри небольшой количественно группы типологически близких крестов (с выступающими петлями). При этом нельзя забывать, что процессионных крестов, у которых вместо петлевидных выступов для подвесок имеются сквозные отверстия прямо на нижнем краю горизонтальной перекладины, известно в несколько раз больше.

Кат. № 70. Процессионный крест: *a* — лицевая сторона креста;
б — верхний медальон — архангел Михаил; *в* — левый медальон —
св. вмч. Димитрий; *г* — правый медальон — св. вмч. Прокопий; *д* — нижний
медальон — св. вмч. Георгий; *е* — фрагменты надписи на оборотной стороне креста
(на верхнем и боковых концах)

б

в

г

д

e

Кат. № 70

НМИУ, № в-1494 (4200)³⁰

23,5×13,1 см (по центру — 18×10,3 см); толщина — 0,2 см

d диска в основании креста — 3,5—3,6 см

d медальонов — 2,2; 2,7; 2,9 см; d накладок на концах — 1,4 см

Сплав на основе меди; ковка, чеканка, гравировка

Крест процессионный двухсторонний, с удлиненными вертикальными рукавами. Рукава креста расширяются, на выступающих концах рукавов имеются круглые выступы — «слезки» с полусферическими накладками (сохранились частично). На поверхности креста сохранились следы серебрения. Ниж-

³⁰ В. В. Павлова соотносит крест № в 1494 на основании старого номера 4200 с крестом из собрания Св. Синода [Павлова 1998: 226]. Однако под тем же № 4200 в описи Музея Ханенко тоже значился процессионный крест, который, в числе четырех других процессионных крестов, был передан в 1937 г. в Исторический музей (НМИУ). Более того, в планировавшемся третьем выпуске альбома «Крестов и образков» на табл. XXXVII, № 365—373 размещены кресты-реликварии, имеющие следующие по порядку за № 4200 инвентарные номера Музея Ханенко (4201—4209). Это наблюдение (наряду с другими аргументами) позволяет предполагать, что на предшествующей табл. XXXVI, № 364 был изображен процессионный крест с инв. № 4200. Все это не оставляет сомнений в том, что крест № в 1494 (4200) происходит из собрания Ханенко и не может быть соотнесен с крестом из собрания Св. Синода.

ний конец заканчивается диском, некогда переходившим в рукоять, ныне утраченную.

На лицевой стороне в перекрестии и рукавах — 5 накладных медальонов с врезанными погрудными изображениями святых и с сопутствующими двухсторонними надписями; медальоны в перекрестии не сохранились. Изображения вписаны в круг, прочерченный у края медальонов неглубокой бороздкой.

Верхний медальон — архангел Михаил:	М	Х
		Л
Левый медальон — св. вмч. Дмитрий:	Ⓐ	М
	Д	І
	І	ТР
Правый медальон — св. вмч. Прокопий:	Ⓐ	К
	ПР	О
	О	П
		ОС
Нижний медальон — св. вмч. Георгий:	Ⓐ	О
	Г	Р
	Є	ГІ
		ОС

Над нижним медальоном — еще один накладной фигурный медальон с гравированным орнаментом в круге.

На оборотной стороне в центре перекрестия — следы от круглого медальона, а также врезанная надпись: на верхнем конце креста — О А[ГІОС], на горизонтальной перекладине слева от центрального медальона — ВАС[І], справа — [А]...ΔОС (ВАСИЛИД):

Ⓐ ВАСХ ΔОС

В местах отсутствующих медальонов просматриваются концентрические круги и следы припоя.

Архивные материалы и публикации:

Пуцко 1983: 137—139, рис. 10;
Павлова 1998: 226—229, рис. 1—2;
Тотев 2002: 59—60 (упоминание);
Пескова, Строкова 2010: 171—178, ил. 4, 4а, 4б.

Аналогии:

Wulff 1909: 199, Taf. XLIV, no. 944;
Искусство Византии... 1977а: 58—59, № 944;
Bouras 1979: 33, 42—45, fig. 1, 14—20;
Sandin 1992: 211—212, 217—218, no. 5. 9;
Тотев 2002: 57—65, обр. 1—3.

По стилю изображения:

Ханенко 1902: 32, табл. XI, № 249;

Ross 1962: 73—74, pl. XLIX, no. 90;
Пуцко 1983: 137, рис. 9;
Стерлигова 1991: 296—297;
Sevrugian 1992: 13, Abb. 5;
Jolivet-Lévy 2001: 343;
Pitarakis 2006: 77, fig. 54;
Национальный музей... 2001: 139, кат. № 142.

Атрибуция: Византия (?), XI в.

Данный крест по форме вполне соответствует многочисленным процессионным крестам средневизантийского периода с расширяющимися концами с торцевыми дуговидными выемками и маленькими выступами на углах. Однако он, как и крест № 69, несколько выделяется среди них своими пропорциями. Особенностью данного креста является и то, что он был изготовлен сразу вместе с рукоятью, частью которой является небольшой плоский диск. Этот диск, несомненно, имитирует шаровидную часть съемной рукояти. Аналогичные диски на рукояти характерны именно для небольших по размерам бронзовых крестов, таких как два креста из Музея Канеллопулос [Sandin 1992: no. 5, 9], крест из собрания Н. Ф. Романченко в Государственном Эрмитаже (ГЭ, ω-345) и очень близкий к нему крест из Смирны [Wulff 1909: 199, Taf. XLIV, no. 944].

Чрезвычайно близок к рассматриваемому кресту не только по форме, но и по размерам и в значительной степени по декоративному оформлению (лицевая сторона его украшена пятью медальонами, а оборотная — единственным центральным медальоном) крест, обнаруженный в округе Великого Преслава [Тотев 2002: 57—65, обр. 1—3].

На *лицевой стороне* креста в медальонах представлены (согласно надписям) погрудные и прямолинейные изображения св. архангела Михаила и свв. воинов Георгия, Димитрия и Прокопия. При этом диаметр медальона со св. вмч. Георгием, помещенного на нижнем конце креста, немного больше других и соответствует диаметру медальона, некогда украшавшего средокрестие. Это позволяет предположить, что изначально медальон со св. вмч. Георгием находился в средокрестии, а на его месте (внизу) находился утраченный медальон такого же диаметра, как и остальные три медальона. Чем были вызваны такие перемещения, сегодня можно только догадываться. Возможно, они производились в процессе реставрации. На такую вероятность указывает, в частности, повторно и неудачно прикрепленный медальон со св. архангелом Михаилом на верхнем конце креста (со смещением и отклонением от вертикали). Учитывая воинскую тему в оформлении лицевой стороны креста, можно предположить, что в утраченном нижнем медальоне был изображен еще один святой воин или св. архангел Гавриил (композиционная пара по вертикали: свв. Михаил — Гавриил) либо святой покровитель заказчика или вкладчика креста (в этом случае не обязательно воин). Реконструируемый таким образом состав святых не совсем обычен для процессионных крестов. Поэтому в центре неполной композиции со святыми воинами исследователи, обращавшиеся к этому кресту ранее, естественно, предполагали прежде всего изображение Христа или Богородицы, не исключая и возможности центрального положения медальона со св. вмч. Георгием [Пуцко 1983: 139; Павлова 1998: 229; Тотев 2002: 60].

Предполагаемый исключительно воинский состав святых со св. вмч. Георгием в центре, избранных мастером (или заказчиком) для оформления данного креста, может указывать, с одной стороны, на то, что крест был исполнен для церкви, посвященной св. вмч. Георгию, с другой — на его специальное предназначение.

На оборотной стороне только в средокрестии сохранились следы от припайвания медальона, а также врезанная надпись: на верхнем конце креста — **О А[Г]ЮС**, на горизонтальной перекладине слева от центрального медальона — **ВАС[П]**, справа — **[А]...ΔОС**. Надпись, впервые прочтенная С. А. Высоцким, трактуется как **ВАСИЛИД** и связывается с именем одного из 10 мучеников «иже на Крите» [Павлова 1998: 227]. На первый взгляд, она могла бы относиться к святому, изображенному на утраченном медальоне. Однако взаимосвязь надписи и медальона вызывает сомнения — четвертая буква имени прочерчена как будто поверх припоя на месте медальона. Вообще надпись производит впечатление незаконченной — последние буквы не имеют двойного контура, за исключением самой последней буквы **С**, край которой оказался обрезанным.

Переходя к анализу изображений святых в медальонах, следует отметить, что нам не удалось обнаружить для сравнения ни одного процессионного креста, декорированного медальонами с врезанными изображениями святых. На единственном типологически близком преславском кресте бронзовые медальоны сохранились очень плохо. О том, что на них когда-то были нанесены «гравированные бюстовые изображения», К. Тотев делает вывод лишь по маленькому фрагменту сохранившегося изображения на одном из медальонов [Тотев 2002: 58]. В группе процессионных крестов X—XI вв. небольшого размера встречаются кресты с врезанными фигуративными изображениями, в том числе и вписанными в медальоны, но достаточно близких в стилистическом отношении памятников нет и среди них. По способам передачи черт лица наиболее близки данному кресту такие памятники XI в., как двухсторонний бронзовый крест из Музея Канеллопулос в Афинах (имеется в виду оборотная сторона с изображением св. вмч. Димитрия с архангелами) и бронзовые диски из музеев Женевы и Вашингтона с изображением св. вмч. Прокопия, св. архангела Михаила, а также дискос с изображением Христа из коллекции Ханенко в НМИУ (инв. № в 2020) [Pitarakis 2006: 77, fig. 54; Sevrugian 1992: 13, Abb. 5; Ross 1962: 73, pl. XLIX, no. 90; Ханенко 1902: 32, табл. XI, № 249; Пуцко 1983: 137, рис. 9; Національний музей... 2001: 139, кат. № 142]. Дискос и крест из коллекции НМИУ В. Г. Пуцко счел настолько близкими по исполнению, что даже предположил их изготовление в одной константинопольской мастерской и датировал их началом XI в. [Пуцко 1983: 139]. В связи с этим нельзя не отметить, что существует и иная атрибуция упомянутых литургических сосудов, относящая их изготовление к какой-либо малоазийской мастерской первой половины XI в. [Стерлигова 1991: 296—297]. Но в данном случае это не столь важно, поскольку мы не считаем возможным относить дискос и крест к изделиям одной мастерской, но рассматриваем названные литургические сосуды только в связи с кругом памятников, на которые мог ориентироваться мастер, создававший крест. В этом можно убедиться при более детальном рассмотрении изображений в медальонах.

Все святые представлены погрудно и прямолично, изображения выполнены с соблюдением иконографической традиции (скругленный овал лица у

св. вмч. Георгия, но продолговатый — у свв. вмч. Димитрия и Прокопия) и в манере, в целом характерной для ликов на уже упоминавшихся бронзовых дисках и кресте из Музея Канеллопулос, а также, добавим, на серебряных с чернью медальонах адрианопольского креста [Bourgas 1979]. Однако своеобразная передача прически и одежд святых воинов, характер орнаментации и ее размещение выдает работу резчика, не очень искусственного в иконографии святых и, по-видимому, не очень заботившегося о достоверности одеяний в стремлении к их декоративности.

Вопросы вызывает некий атрибут, изображенный у самого края левого плеча св. вмч. Димитрия. По форме он больше всего напоминает круглый воинский щит, над которым видна рукоять меча, скрытого за этим щитом. Однако этот «щит» абсолютно несоразмерен с изображением святого, к тому же он декорирован вписанным крестом, тогда как круглые щиты обычно украшались концентрическими композициями. По следам подправки плечевой линии святого и частично орнамента на его плаще видно, что этот дополнительный атрибут резчик нанес после завершения основного рисунка, но до нанесения надписи, выполненной уже с учетом всей композиции. О том, что этот атрибут не является позднейшей вставкой, свидетельствует также его крестовидный орнамент, выполненный в одной манере (с использованием одних приемов) с орнаментом на маленьком медальоне, закрепленном на нижнем конце того же креста. Изображения святых воинов со щитами и мечами у левого плеча характерны в основном для XV—XVI вв. Среди более ранних изображений с аналогичными атрибутами можно назвать икону св. Георгия Диосорита (ГМИИ, XIV в. [Искусство Византии... 1977а: 58—59, № 944]). Однако известен и еще более ранний (XI в.) пример такой иконографии — изображение св. мч. Ореста в церкви Каранлык килисе в Каппадокии [Jolivet-Lévy 2001: 343]. Таким образом, и эта деталь (щит и меч), если мы правильно ее «прочли», все же согласуется с уже отмеченными признаками, относящими крест к XI в., и одновременно еще раз указывает на неопытность резчика.

Датировку надписей мы оставляем на рассмотрение специалистами в области эпиграфики. Отметим лишь, что все надписи в медальонах на лицевой стороне исследуемого креста выполнены одной рукой, в манере, очень близкой надписям, сделанным в медальонах, которые украшают маленькие диски на острых концах адрианопольского креста с лицевой стороны [Bourgas 1979: 33, 42—45, fig. 1, 14—20]. Надписи на крупных дисках того же креста выполнены в иной манере — с использованием двойного контура в начертании букв, и в этом они сопоставимы с надписью на оборотной стороне креста № 70. Присутствие на адрианопольском кресте двух манер начертания букв, наносившихся практически одновременно, позволяет думать, что и на рассматриваемом кресте надписи на обеих сторонах его если не нанесены изначально, то очень близки по времени. Но в отличие от адрианопольского креста, на котором все надписи сделаны с одинаковым мастерством, надпись на оборотной стороне креста № 70 выполнена явно неопытной рукой, что видно не только по неудачному ее размещению, но и по необычному начертанию буквы А.

Несмотря на выраженное своеобразие данного креста, считаем возможным отнести его к изделиям мастерских византийского круга X—XII вв. (предположительно XI в.).

Приложение II

Византийские кресты неизвестного происхождения из собрания НМИУ

Кат. № 71

НМИУ, № ДРА 643 (17919), 1915 г. Прислан по почте

5,8×4,2 см, толщина — 0,5 см

Серебро; литье, чеканка, резьба, чернь

Крест-реликварий целый прямоконечный. Внутренняя сторона створок гладкая, но на них проступают рельефы изображений наружных сторон. Бортики створок припаяны отдельно. Петли утрачены, сохранилось лишь 5-лепестковое основание верхней петли лицевой створки. В настоящее время лицевая створка разломана на две части, окончания боковых концов обломаны, верхняя часть центрального изображения и боковых изображений отсутствует. На оборотной створке отсутствуют некоторые части бортиков и внутренняя часть центрального изображения.

Лицевая створка: изображение Распятия. Христос изображен с распростертыми в стороны руками, в длинном колобии, на подножии. Вверху над его головой — прямоконечный крест (возглавие) с остроугольными боковыми выступами перекрестья и монограммой ICX в центре. Монограмма сейчас отсутствует. Над возглавием в углах верхнего конца нанесены два одинаковых кружка (вместо обычных круга и полумесяца). На боковых концах — изображения предстоящих. Под руками Христа с обеих сторон — углубленная надпись (была заполнена чернью) ΙΔΙΕΙΟΥΣΣ ΙΔΟΥΝΗΡΣ (Ин. 19: 26—27). Чернь сохранилась местами.

Оборотная створка: в центре — изображение Богородицы Оранты, по концам — четыре погрудных изображения евангелистов в медальонах. В сре-

докрестии по сторонам от изображения Богоматери — надпись в столбик **ΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΟΣ**. В медальонах около изображений евангелистов — именующие надписи в столбик **ΜΑΤΘΕΟΣ, ΜΑΡΚΟΣ, ΛΟΥΚΑΣ, ΙΩΑΝΝΙΣ** (чернь сохранилась местами).

Все изображения и надписи выполнены резанными или прочеканенными линиями, заполненными чернью, к настоящему времени сохранившейся лишь частично.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 7;

Корзухина, Пескова 2003: 49—50, 58, кат. I.2/25, табл. 9.

Аналогии:

Rosenberg 1907: 11, рис. 14—15;

Залеская 1964: 170—171, рис. 2а, б;

Искусство Византии... 1977: 93, № 567;

Dončeva-Petkova 1979: 74—91;

Kartsonis 1986: 98;

Дончева-Петкова 2005: 184—209;

Pitarakis 2006: 252—253, nos. 208—211.

Атрибуция: Византия, XI—XII вв.

Серебряный энколпион из собрания НМИУ относится к редким музейным экспонатам. По технике исполнения и иконографии его вполне можно причислить к кругу памятников типа Фиески-Морган [Kartsonis 1986: 98], точнее к группе крестов-складней с черневыми изображениями, которые Анна Картсонис увязывает со ставротекой Фиески-Морган через такой «многослойный» памятник, как золотой крест-реликварий из Плиски [Dončeva-Petkova 1979; Дончева-Петкова 2005]. Энколпион из Плиски, состоящий из 3 крестов, вложенных один в другой, сюжетами и иконографией многофигурных изображений на створках внешнего креста-складня (Плиски I) оказывается весьма близок к этой ставротеке. Композиционная схема створок внутреннего креста-складня (Плиски II) значительно проще: на лицевой створке Распятие с предстоящими (Христос в колобии), на оборотной — Богоматерь Кириотисса и 4 медальона с полуфигурами святых. По существу, это та же композиционная схема, которую мы видим и на многочисленных византийских прямоконечных энколпионах с рельефными изображениями. Черневых энколпионов, скомпонованных по этой схеме, известно немногим более 10 экземпляров, рассеянных по музеям мира. Примерно столько же энколпионов представляют варианты этой схемы. Святые в медальонах не всегда трактуются как евангелисты, судя по надписям. Так, на кресте из Плиски изображения святых в медальонах подписаны именами свт. Николая и творцов литургии свв. Иоанна, Василия и Григория. На киевском кресте изображены именно евангелисты, согласно надписям в медальонах, размещаемым относительно изображений святых в одинаковом порядке как на данном кресте, так и на других энколпионах с той же композиционной схемой (даже при различных типах изображения Богоматери, будь то Оранта или Кириотисса). Ближайшими в этом отношении аналогиями киевскому кресту являются меднолитые с инкрустацией

чернью и серебром энколпионы из Херсонеса или Киева (Украина)³¹, Враца (Болгария) и Венеции [Дончева-Петкова 1975: 60—65, рис. 1а, б и 2; Залеская 1964: рис. 2а, б; Pitarakis 2006: № 209]. Отличительной особенностью киевского энколпиона является отсутствие на лицевой створке с Распятием изображения Адамовой головы с соответствующей надписью на нижнем конце креста.

Кат. № 72

НМИУ, № в 1002

7,1 (8,45)×4,8 см, толщина — 0,45—0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка прямоконечного креста-реликвария с расширяющимися концами и острыми углами средокрестия. Створка тонкая, глубокая, бортики вертикальные. Внутренняя поверхность створки ровная, с редкими литейными натеками. Часть верхней петли отсутствует.

Все поле креста занимает изображение Распятия: Христос облачен в колотий, Крестное древо обозначено частями — горизонтальная перекладина, возглавие и подножие необычной «куполообразной» формы. Голова Христа с крестчатым нимбом слегка склонена к правому плечу, руки распростерты вдоль горизонтальной перекладины Крестного древа, расположены вплотную к ее верхнему краю, ноги с сомкнутыми стопами утверждены на подножии.

³¹ Почти во всех публикациях, начиная с М. Розенберга [Rosenberg 1907: 11, рис. 14—15], он фигурирует как «московский» или «крест из ГИМ». О его херсонесском происхождении см.: [Искусство Византии... 1977: 93, № 567] (без воспроизведения). В последней по времени публикации этот крест фигурирует как серебряный, а не меднолитой, найденный в Киеве [Асташова, Сарачева 2007: 20, рис. 3].

Длинный (до щиколоток) колобий Христа, орнаментированный разнонаправленными заштрихованными треугольниками, имеет прямоугольные очертания со скошенным к центру краем подола. На верхнем конце вертикального древка креста начертана буква **X** (или крест), на боковых концах створки под руками Христа надпись **IC XC NHKA**.

Все изображения и надписи выполнены тонкими врезанными линиями.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 1;

Дончева-Петкова 1992: 52—60, табл. I;

Дончева-Петкова 2006: 128—130;

Staecker 1994: 70—74, 76—77, Abb. 3, Karte 3;

Staecker 1999: 160—164, 562—563, Karte 31;

Пескова 2003: 51—52, табл. 13;

Pitarakis 2006: широкие аналогии: 257—278, nos. 221—295, suppl. no. 18, в том числе наиболее близкие аналогии: nos. 235, 236, 238, 241—242, 244—245, 247, 250, 251, 253, 255—256, 258—261, 266—268, 272—277, 279, 285.

Атрибуция: Византия, X—XII вв.

Створка относится к широко распространенному иконографическому типу крестов («Тур Lyngby» — Тур 3.3.1 по Й. Стекеру), которых сегодня насчитывается свыше 100 ед. (вместе с безадресными коллекционными экземплярами).

Подробнее см. настоящий каталог, № 1 (иконография Распятия, представленного на данной створке, и надпись под руками Христа **IC XC NHKA** аналогичны кресту № 1).

Кат. № 73

НМИУ, № в 961

Лицевая створка: 5,1×3,9 см

Оборотная створка: 5,1×6,1 см

Толщина общая — 0,9—1,0 см
Медный сплав; литье, резьба

Крест-реликварий прямоконечный, с расширяющимися концами. Створки тонкие, глубокие, бортики четкие, вертикальные. Внутренняя сторона створок гладкая. Поверхности створок патинированы и загрязнены. У лицевой створки отсутствуют нижний и правый концы, у оборотной — нижний и частично левый.

Лицевая створка. В центре — изображение св. архангела Михаила, с крыльями, в богато орнаментированном одеянии. Над головой архангела — надпись **ΜΙΧΑΗΛ**. Нимб украшен рядом мельчайших треугольников. Очертания лица вытянутые, схематичные. Одеяние орнаментировано двойной вертикальной и волнистыми линиями, по бокам — косой насечкой. Внутри и по внешнему краю крыла архангела — орнамент из мельчайших треугольников.

Оборотная створка. В центре изображен стоящим молящийся св. мч. Никита. Над головой надпись **ΑΝΗΚΗΤΑΣ**. Нимб украшен рядом мельчайших треугольников. Изображение святого выполнено теми же приемами и в той же манере, что и изображение архангела Михаила на лицевой створке.

Все изображения и надписи выполнены врезанными линиями и отпечатками.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 22, 25;

Национальный археологический музей в Софии, инв. № 3137 (по: [Илинкина 1992: 221—222]);

Илинкина 1992: 221—222, обр. 4, а не 3, как указано в тексте (подписи перепутаны);

Залеская 1998: 37, № 34;

Kreuz und Kruzifix 2005: 174—175, Kat.-Nr. II.4.12;

Pitarakis 2006: 162, 317, 322, nos. 414, 416, fig. 103—105;

Журавлев 2011: 179, 513, кат. № 179;

Яшаева 2011: 234, 515, кат. № 183.

Атрибуция: Ближний Восток (?), X—XI вв.

Обоснование см. в каталожных статьях к № 22 и 25. Отдельно следует отметить оборотную створку из с. Бобошево, округ Кюстендил, Болгария [Илинкина 1992: обр. 4]. На ней помещено очень близкое изображение архангела, судя по наличию крыльев. Надписи не сохранились, но по аналогии с лицевой створкой настоящего каталога в нем можно предполагать св. архангела Михаила, тем более что автор публикации отмечает в левом верхнем углу креста след от буквы **Μ**. Спектральный анализ металла этой створки, проведенный в Институте металлознания и технологии металлов в Софии, привел аналитиков к выводу о том, что при изготовлении этого креста использовались местные полиметаллические руды Осоговского месторождения [Илинкина 1992: 223]. Этот вывод ставит под сомнение ближневосточное происхождение данного иконографического типа крестов. Не исключено, правда, что крест из Бобошево является мастерским подражанием ближневосточным крестам. К сожалению, детальное сопоставление их пока невозможно (в публикации В. Илинкиной дана только схематичная прорисовка створки из Бобошево, а аналогичная створка из фондов НАМ — София (№ 3137) лишь упоминается).

В то же время изображения на створках рассматриваемого креста выполнены высокопрофессионально, с ярко выраженными характерными признаками византийских крестов ближневосточного круга. По манере изображения лиц в качестве очень близкой аналогии можно назвать процессионный крест из Херсонеса [Журавлев 2011] и целый ряд крестов, которые даже можно было бы отнести к произведениям одной из малоазийских мастерских [Pitarakis 2006: 162, 317, 322, no. 414, 416, fig. 103—105].

Кат. № 74

НМИУ, № в 4625/1000 (38426, 755)

5,95 (6,6)×3,7 см, толщина — 0,25—0,3 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка креста-реликвария прямоко-
нечного, со слегка расширяющимися концами.
Створка тонкая, неглубокая, бортики вертикаль-
ные, слегка скошены, на концах нечетко выделены.
Внутренняя сторона створки гладкая. Верхняя пет-
ля отсутствует, нижняя частично обломана.

В центре — изображение молящегося святого
(Николы?) с нимбом, в богато украшенном одея-
нии. Над головой двухстрочная надпись:

**ОАГ
NH[K]**

Очертания лица сильно вытянутые, схематич-
ные. Верхняя часть одеяния украшена косыми и
вертикальными линиями, по центру и на рука-
вах — отпечатки мелких треугольников. Нижняя часть одеяния украшена вер-
тикально расположенными прямыми и волнистой линиями. По краям — ряд
мелких треугольников. Край подола и пояс выделены горизонтальными ли-
ниями. Стопы направлены в стороны.

Все изображения и надписи выполнены глубокими врезанными линиями и
отпечатками.

Архивные материалы и публикации:

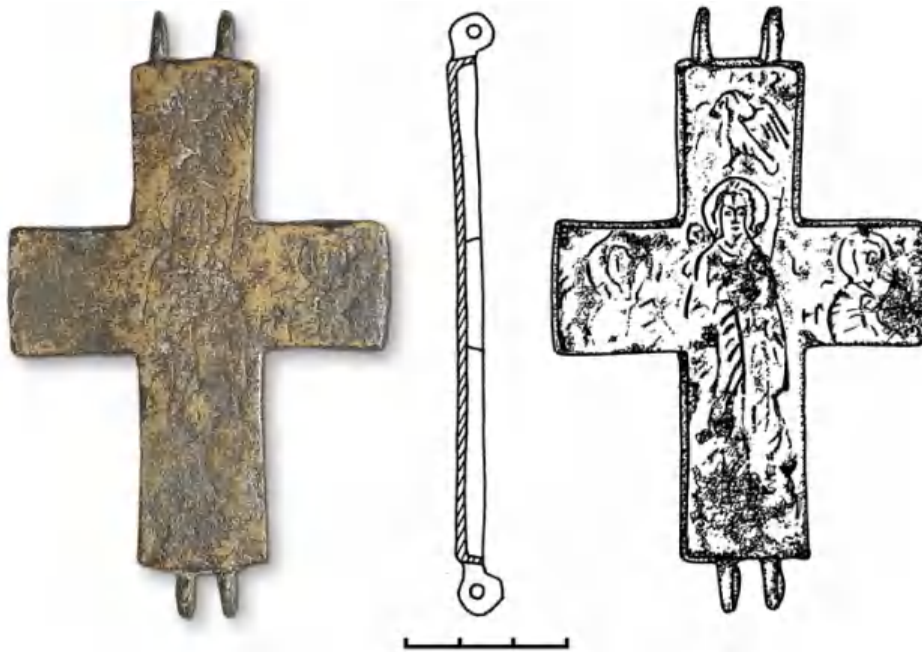
РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 18.

Аналогии:

Pitarakis 2006: 321, 331, 361, nos. 427, 459, 550.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, X—XI вв.

По форме, из-за необычно узкой пластины, и по размерам створок данный крест аналогичен крестам из Ятрус-Кривины (Болгария), из крепости Поградец, расположенной к юго-западу от Охрида (Республика Македония), и из частной коллекции в Греции [Pitarakis 2006]. Все три, очевидно, изготовлены на Балканах в подражание ближневосточным крестам. Среди них данный крест является самым неумелым по исполнению.

Кат. № 75

НМИУ, № в 1005

9,5 (11,3)×7,0 см, толщина — 0,5 см

Медный сплав; литье, резьба

Оборотная створка креста-реликвария прямоконечного, верхний и нижний концы чуть расширены. Створка глубокая, с четкими вертикальными бортиками. Внешняя сторона креста поцарапана, потерта, с многочисленными рытвинами от коррозии и темными пятнами. Изображения частично повреждены, просматриваются нечетко. Внутренняя сторона створки гладкая, патинированная. Бортик левого конца по краю имеет глубокие зазубрины.

В центральной части створки — изображение стоящего святого (Иоанна Предтечи?), с длинными волосами и гладким нимбом. Изображение лица схематичное. Правая рука согнута в локте. Выше левого плеча святого — крест. Над головой — профильное изображение птицы с поднятым крылом. На боковых концах креста — погрудные изображения святых. От надписи сохранились отдельные буквы: возле правого плеча — [ОА], слева — Н.

Все изображения и надписи выполнены врезанными линиями.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 15. Л. 6;

Корзухина, Пескова 2003: 59, кат. 1.2/26, табл. 15.

Аналогии:

Каковкин 1998: 163, № 221.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион (?), XI—XII вв.

Ближних аналогий этому кресту пока не найдено. Из отдаленных аналогий нельзя не упомянуть о композиционном сходстве центрального изображения

на кресте с изображением на керамическом блюде, привезенном В. Г. Боком из Египта и датируемом V—VI вв. [Каковкин 1998]. Однако стилистически между ними нет ничего общего. Изображение центральной фигуры стоящего святого выполнено вполне реалистично. Створка отличается абсолютно прямыми углами средокрестия, что в целом нехарактерно для византийских крестов, но иногда эта особенность встречается у крестов из Балкано-Дунайского региона [Дончева-Петкова 2012: 547—548, кат. № 106—118].

Кат. № 76

НМИУ, № в 4625/998 (32474)

5,2 (6,35)×4,35 см; толщина — 0,3—0,4 см

Медный сплав; литье

Оборотная створка прямоконечного энколпиона с прямыми углами средокрестия, с тонкими вертикальными бортиками. Лоток створки очень мелкий, его внутренняя поверхность неровная, местами имеет отпечаток внешних рельефных изображений («негатив»), главным образом на верхнем конце. Створка патинирована и окислена с обеих сторон. Одна из верхних петель повреждена.

Все поле створки занимает композиция Распятия с предстоящими. Христос изображен с прямо поставленной головой с небольшим гладким нимбом, в длинном, необычного вида, одеянии, руки его вытянуты прямо, стопы направлены в стороны. Нижняя часть одеяния Христа изображена традиционно, а верхняя как будто копирует одеяние Богородицы с характерными складками мафория, перекрещивающимися на груди. Под руками Христа — погрудные фронтальные изображения святых (предстоящих?). Крестное дерево не выделено, но равноконечный крест над головой Христа можно рассматривать как возглавие.

Створка окаймлена снаружи невысоким гладким рельефным бортиком. Большая часть рельефных изображений не превышает высоты бортиков.

Рельеф головы Христа немного превышает высоту бортиков, а рельеф нижней части створки, где изображено одеяние, местами ниже бортиков.

Публикации и архивные материалы:

Корзухина, Пескова 2003: 47, кат. I.1/16;
Пескова 2007: 276, рис. 6: 3.

Аналогии:

Корзухина, Пескова 2003: 45, кат. I.1/2, табл. 3;
Корзухина, Пескова 2003: 49, кат. I.1/25;
Пескова 2007: 275—276, рис. 6: 2—4;
Лысенко и др. 2012: 291, рис. 144.

Атрибуция: Древняя Русь, XI—XII вв.

Аналогии этой створке немногочисленны. Одна из них происходит из слоя 60-х гг. XIII в. Троицкого X раскопа в Великом Новгороде [Корзухина, Пескова 2003: 45, кат. I.1/2, табл. 3]. Другая створка, неизвестного происхождения, находится в собрании Черниговского исторического музея [Корзухина, Пескова 2003: 49, кат. I.1/25; Пескова 2007: 276, рис. 6: 4]. При каждой из этих створок сохранились парные им лицевые створки с изображением Богоматери Оранты в центре и трех святых погрудно на боковых и верхнем концах створки. Третья аналогичная находка была сделана при раскопках многослойного поселения Кошчевка-8 в Фастовском районе Киевской обл.: это лицевая створка с изображением Распятия [Лысенко и др. 2012: 291, рис. 144]. Иконография этих крестов-реликвариев, по сути, является сокращенным (без изображения святого на нижнем конце) и немного видоизмененным вариантом иконографии, представленной на кресте № 48 настоящего каталога. Последняя, как уже отмечалось, по ряду признаков связана с крестами Балкано-Дунайского региона рубежа X и XI вв.

Вместе с тем рассматриваемые кресты имеют особенности, позволяющие предполагать, что они могли быть изготовлены на Руси по древнему (возможно рубежа X—XI вв.) балкано-дунайскому образцу в первой половине XIII в. К таким особенностям относятся наличие наружного рельефного бортика по контуру створок, перемещение композиции Распятия на оборотную створку и, наконец, очень мелкий лоток. Правда, первые две особенности изредка встречаются и на древнеболгарских крестах X—XI вв. [Пескова 2007]. Однако последняя из названных особенностей (мелкий лоток), а также чрезвычайно плохое качество отливки и то обстоятельство, что все три экземпляра прямо, по их археологическому контексту, или опосредованно, по месту музейного хранения, связаны с территорией Древней Руси, делают высказанное предположение вполне вероятным.

Кат. № 77

НМИУ, № в 981

3,7 (5,2)×2,5 см, толщина — 0,4—0,5 см

Медный сплав; литье

Оборотная створка миниатюрного прямоконечного креста-реликвария, со слегка расширяющимися верхним и нижним концами. Створка глубокая, бортики вертикальные, четкие. Одна нижняя петля отсутствует. На верхних петлях сохранилось спиральное кольцо из тонкой проволоки и петля от оглавления. Поверхности створки патинированы и загрязнены. Внутренняя сторона гладкая.

В центре креста очень низкое и затертое рельефное изображение стоящей Богоматери Оранты.

Архивные материалы и публикации:

Корзухина, Пескова 2003: 47, № I.1/15, табл. 2.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 47;

Корзухина, Пескова 2003: 47, № I.1/15, табл. 2;

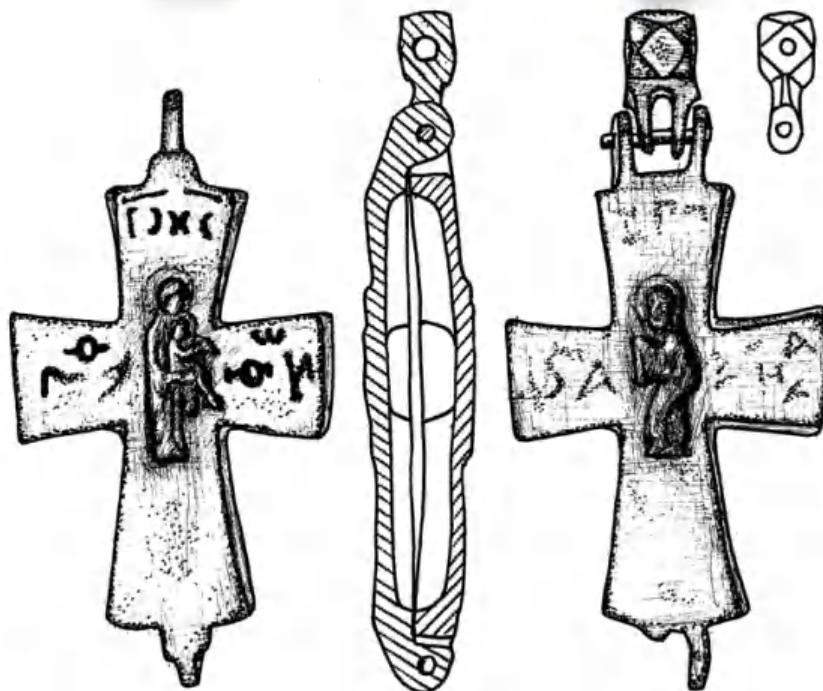
Pitarakis 2006: 210, 211, 223—225, 235, no. 75—79, 121—128, 164;

Karagöz 2010: 101, fig. 12.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион, X—XI вв.

Иконография этого миниатюрного креста представляет собой сокращенный вариант иконографии рельефных крестов-реликвариев среднего размера, где представлено Распятие без предстоящих и без надписей, а Богоматерь Оранта — без евангелистов и без надписей. Совпадают все основные элементы центральных изображений и даже конструктивные особенности (характер петель-трехлистных на лицевой створке и простых петель — на оборотной). Рельефы очень низкие.

Обоснование атрибуции и датировки см. в каталожной статье № 47.

Кар. № 78

НМИУ, № в 4625/1017

6,2 (8,1 с петлями, 9,3 с оглавием)×4,3 см, толщина — 1,2—1,6 см

Медный сплав; литье, резьба (?)

Крест-реликварий с прямыми, немного расширяющимися концами, цельнолитым оглавием в виде маленькой граненой бусины, несоразмерной с крестом. Петли лицевой створки имеют подтреугольное основание. На оборотной створке утрачена одна из нижних петель. Обе створки глубокие, с вертикальными бортиками, изнутри сильно окислены и загрязнены.

На лицевой створке в средокрестии помещено рельефное изображение Богоматери с Младенцем. Стоящая Богоматерь, повернутая влево, держит перед собой Младенца, как бы передавая его кому-то. Рельеф нечеткий, однако местами просматриваются следы декорирования одеяний Богоматери, возможно, произведенного резцом. Концы створок гладкие, со следами углубленных надписей. На верхнем конце [С] ХС под титлами в виде прямых горизонтальных линий, украшенных тремя точечными углублениями каждая (первая буква С перевернута). На боковых концах — фрагменты монограммы Богоматери под фигурными титлами: [М] под титлом в виде горизонтальной линии, прерванной на середине овалом, ΘΥ под титлом в виде перевернутой трехрогой лунницы.

На оборотной створке в средокрестии — рельефное изображение святого. Его согбенная фигура повернута вправо, при этом лицо передано анфас. Покровенные руки вытянуты вперед. На верхнем и боковых концах створки сохранились следы нечитаемой углубленной надписи.

Если положить лицевую и оборотную створки рядом, то становится очевидным, что их рельефные изображения вместе составляют сокращенную композицию Сретения Господня: Богоматерь (без св. прав. Иосифа с голубицами) передает Младенца Христа св. прав. Симеону Богоприимцу (без св. Анны Пророчицы).

Аналогии:

Byzantine art... 1964: 193, no. 107;

Банк 1966: № 140—143;

Вейцман 1971: 142—156, рис. 2;

Искусство Византии... 1977: 100, 101, № 583, 585, 586;

Djavakhchvili, Abramichvili 1986: № 120;

Аладашвили 1996: 8, рис. 3;

The Glory of Byzantium 1997: nos. 91, 96;

Pitarakis 2006: 325, nos. 440, 441.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион (?), XI—XII вв.

Крестов-реликвариев с подобной иконографией Сретения Господня найти не удалось. Это неудивительно, поскольку при данном (раздельном) расположении основных фигур нарушается целостность восприятия евангельской сцены. Однако в целом этот сюжет, хотя и в сокращенном варианте, присутствует на крестах конца IX—X в. с многофигурными, инкрустированными чернью изображениями сцен христологического цикла, таких как бронзовый крест из синайского монастыря св. вмц. Екатерины [Pitarakis 2006: 251, no. 206], серебряный крест из Пизы [Pitarakis 2006: 65, fig. 40], наконец, золотой крест-реликварий из Плиски [Dončeva-Petkova 1979; Дончева-Петкова 2005; Pitarakis 2006: 61, fig. 38].

Близким рассматриваемому кресту, отчасти по замыслу, можно считать диптих слоновой кости X в. в собрании Эрмитажа, на котором Богородица с Младенцем и св. прав. Симеон Богоприимец также изображены на отдельных пластинах, но расположены рядом [Вейцман 1971: 142—156, рис. 1; Искусство Византии... 1977: 97, 100, № 583].

Наиболее близкие иконографически изображения сцены Сретения находятся на диптихе слоновой кости X—XI вв. в собрании А. П. Базилевского в Эрмитаже [Искусство Византии... 1977: 98, 100, № 585], на плите алтарной преграды церкви Успения Богородицы Сафарского монастыря, на полях оклада иконы конца X—начала XI в. из Саголашени в Грузии, а также на каменной иконке XII в. из музея Бенаки в Афинах [Аладашвили 1996: 8, рис. 3; Djavakhichvili, Abramichvili 1986: № 120; Byzantine art... 1964: 193, cat. no. 107]. Однако в приводимых примерах св. прав. Симеон Богоприимец изображен лишь со склоненной головой, а не согбенным, как на рассматриваемом кресте.

Аналогичные по форме створок, размерам и характеру рельефных изображений кресты представлены в настоящем каталоге (№ 80; № 79 — отчасти). Их характерными особенностями являются гладкие без рельефной окантовки створки с острыми углами средокрестия (очевидный византийский признак), центральное одиночное рельефное изображение и гладкие концы створок со стершимися надписями. Форма оглавия в виде граненой бусины, характерной для древнерусских энколпионов конца XII—XIII в., может оказаться «вторичной» по отношению к энколпиону. Правда, от древнерусских оглавий оно отличается уменьшенными размерами. В очень редких случаях граненые оглавия (маленькие, но на трапециевидном пластинчатом основании) встречаются и на крестах-реликвариях ближневосточного круга [Pitarakis 2006: 325, nos. 440, 441]. К древнерусской традиции относится и горизонтальная разделительная черта в надписях, фиксируемая на энколпионах определенных типов. Поскольку сами надписи на кресте № 80 не сохранились и нет материала для сопоставления, атрибуция таких крестов пока остается неопределенной.

Кат. № 79

НМИУ, № в 4625/797 (3095, III — 1819)

5,0 (5,8; 6,65 с петлями)×3,8 см, толщина — 0,4—0,6 см

Медный сплав; литье, резьба

Лицевая створка энколпиона с прямыми, немного расширяющимися концами. Изнутри гладкая, глубокая и очень четкая, со слегка скошенными бортиками.

Рельефное изображение распятого Христа дополнено образом Крестного дерева. Здесь углубленными линиями обозначены горизонтальная перекладина Крестного дерева и возглавие-титло. Христос изображен с несколько изогнутым торсом, почти прямыми руками и ногами, на которых изображены стигматы, с немного склоненной к правому плечу головой с крестчатым нимбом. Рельеф высокий, но лишенный детализации. По краю створки местами сохранилась косая насечка.

ки местами сохранилась косая насечка.

Надписи отсутствуют. Заметен ряд точечных углублений под руками Христа и цепочки таких же точек у левой ноги Христа. Возможно, это следы от надписи или ее разметка, судя по расположению точек в тех местах, где обычно наносятся надписи.

Архивные материалы и публикации:

Корзухина, Пескова 2003: 96, кат. П.4.1/2.

Аналогии:

Ханенко 1900: табл. XIX, № 232/233;

Корзухина, Пескова 2003: 96, кат. П.4.1/1.

Атрибуция: Византия или Древняя Русь, XI—XII вв.

Единственная аналогичная створка происходит с городища Княжа гора у с. Пекари под Каневом [Ханенко 1900: табл. XIX, № 232/233]. Она была найдена в комплекте с оборотной створкой, на которой, согласно описанию (фото оборотной створки отсутствует), приведенному в альбоме Ханенко, помещено «изображение святого, во весь рост, в одежде воина и с копьем в руках, судя по остаткам славянской надписи — великомученика Георгия» [Ханенко 1900: 6—7].

Эти единичные пока находки совершенно не похожи на большинство древнерусских энколпионов ни по форме, ни по характеру рельефа, ни по составу изображений. Если бы не «славянские надписи» на оборотной створке, оснований для признания его древнерусским было бы совсем мало. Форма креста с прямыми, немного расширяющимися концами типична для византийских крестов. Но среди древнерусских энколпионов она встречается только в черневой группе и лишь один раз в рельефной — это малый серебряный с позолотой энколпион из Владимира на Клязьме [Корзухина, Пескова 2003: П.4.2/1, табл. 45]. По составу изображений энколпионы с Княжей горы и из Владимира различны («Распятие — св. воин (Георгий?)» и «Распятие — Бо-

гоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью, и 2 архангела поясные»), но оба, по-видимому, воспроизводят древнейшие иконографические типы рельефных древнерусских крестов-реликвариев, почему-то не получившие развития на энколпионах этой формы, гораздо чаще фиксируемые на энколпионах тех же приблизительно размеров, с закругленными концами, как единичных рельефных [Корзухина, Пескова 2003: П.3.2, П.3.3 — отдельные экземпляры], так и многочисленных рельефно-черневых. Правда, в группе рельефных малых энколпионов створка с центральным изображением стоящей Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью, встречается только в комплекте со створкой, несущей на себе изображение стоящего же Христа Пантократора.

Изображение св. воина (Георгия?) на оборотной створке, возможно, было таким, как на оборотной створке с закругленными концами из Киева [Корзухина, Пескова 2003: 95—96, П.3.3/1, табл. 45].

Кат. № 80

НМИУ, № в 4625/737 (19245, 509 — белой масляной краской; 799 — черные цифры на белом фоне)

5,35 (7,1)×4,1 см, толщина — 0,4—0,7 см

Медный сплав; литье, резьба (?)

Оборотная створка креста-реликвария с прямыми, немного расширяющимися концами. Изнутри створка гладкая, глубокая, с вертикальными чуть скошенными бортиками.

Снаружи — полустертое рельефное изображение стоящей Богоматери с Младенцем на лоне. На боковых концах створки изначально, по-видимому, были нанесены углубленные двухстрочные надписи, от которых остались горизонтальные разделительные линии.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 21.

Аналогии:

Nechvátal 1979: 218, Abb. 2:1;

Horníčková 1999: 242, cat. 35.

Атрибуция: Византия или Древняя Русь, XI—XII вв.

Аналогичная створка, отлитая из свинцово-оловянистого сплава (?), найдена в Праге и хранится в Пражском городском музее (инв. № 436). Она совпадает с рассматриваемой створкой по размерам, датируется в широких рамках XI—XII вв. или — более узко — второй половиной XI в., то есть временем наиболее оживленных связей Чехии с византийским миром [Nechvátal 1979: 218, Abb. 2:1]. Местом изготовления створки исследователи склонны считать мастерские скорее Древней Руси, нежели Византии [Horníčková 1999: 242, cat. no. 35].

Кат. № 81

НМИУ, № в 991

6,8 (7,5)×4,2 см, толщина — 2,5—4,0 см

Медный сплав; литье

Крест нагрудный односторонний, прямоконечный, с расширяющимися концами. Поверхность патинирована и окислена. Верхний конец поврежден (возможно литейный брак), нижний конец на оборотной стороне имеет глубокую зазубрину. Петля для подвешивания имеет утрату металла вверху.

Лицевая сторона креста украшена полуистершимся циркульным орнаментом. В средокрестии — круглое глубокое гнездо для вставки (d — 0,6 см). Обратная сторона гладкая.

Архивные материалы и публикации:

РО НА ИИМК. Ф. 77. Д. 14. Л. 72.

Аналогии:

Настоящий каталог, № 59;

ГРМ, инв. № ДРМ 1717 (4136);

Early Christian and Byzantine Art 1990: cat. 63.

Атрибуция: Византия, X—XI вв.

Аналогичные кресты с циркульным орнаментом имеют очень широкое распространение и датируются от V—VI вв. (на Ближнем Востоке) до X—XI вв. в Греции и на Балканах³². Многочисленные аналогии приводятся в настоящем каталоге, см. № 59.

Особого внимания заслуживает крест из Русского музея (инв. № ДРМ 1717 (4136), очень похожий на рассматриваемый крест. Оба эти креста, судя по некоторым признакам, в том числе по одинаковым литейным дефектам, возможно, были отлиты в одной форме.

³² Дополнительную литературу по этому вопросу см.: [Мусин 2006: 176].

Кат. № 82

НМИУ, № в 1008

3,45×3,5 см, толщина — 0,1—0,2 см

Медный сплав; литье

Крест нательный (?) пластинчатый, прямоконечный, с расширяющимися концами. Верхний конец утрачен. Поверхности патинированы.

Лицевая сторона украшена циркульным орнаментом и тройными рядами прямых линий. Обратная сторона украшена рядами из двух и трех прямых параллельных линий.

Аналогии:

Strzygowski 1904: № 9181;

Атанасов 1992: обр. 1, 16;

Дончева-Петкова 2011: 202—203, 438, кат. № 786.

Атрибуция: Балкано-Дунайский регион (?), X—XI вв.

Нательные кресты с циркульным орнаментом в византийском мире были распространены очень широко (примеры см. в каталожной статье № 59). Однако в большинстве своем они украшались только с одной стороны. С двух сторон иногда украшались древнеболгарские нательные кресты как с геометрическим, в том числе циркульным, орнаментом, так и с изображением Распятия и Богоматери. Относительно близкой аналогией рассматриваемому кресту можно назвать крест из крепости Скала на Нижнем Дунае (Болгария), датированный первой третью XI в. [Дончева-Петкова 2011]. Это позволяет предположить балкано-дунайское происхождение его, хотя не исключаются и другие варианты.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив НМИБВХ — Архив Национального музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1. Ед. хр. 39. Д. 16: Научная переписка с ВУАН, Эрмитажем, Московским музеем изобразительных искусств, Музеем восточных культур и отдельными искусствоведами по поводу изучения и атрибуции экспонатов музея.

Архив НМИБВХ — Архив Национального музея им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1. Ед. хр. 41. Д. 27-а: Акты и списки полученных и переданных экспонатов музея.

Архив НМИБВХ — Архив Национального музея им. Богдана и Варвары Ханенко. Оп. 1. Ед. хр. 44. Д. 6: Акты принятия, выдачи и передачи экспонатов музея. Списки экспонатов музея.

ГАК — Государственный архив Киева. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1: Телеграмма Б. И. Ханенко 18.01.1905 на имя киевского генерал-губернатора Н. В. Клейгельса.

Инвентар... — Инвентар Музею Мистецтв ВУАН. Книга № 2. 1925 г.

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 14: Г. Ф. Корзухина. «Сирийские» энколпионы.

Рукописный каталог — Рукописный каталог Археологического отдела Киевского городского музея древностей и искусств. Т. II. Книга IV. № 24413—24724.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 115 (Личный фонд Н. П. Кондакова). Оп. 4. Ед. хр. № 456: Письма В. В. Хвойки к Н. П. Кондакову.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 246 (Личный фонд Н. П. Лихачёва). Оп. 1. Д. 131: Материалы к докладу Н. П. Лихачёва «Медные резные и литые кресты византийской эпохи», 1923 г. [ГАИМК].

ФО НА ИИМК — Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. Нег. I 39369, O. 2147.13: Раскопки В. В. Хвойки близ Десятинной церкви.

ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 442. Оп. 638. Д. 456: О награждении землевладельца дворянина Богдана Ханенко чином действительного статского советника.

ЛИТЕРАТУРА

- Аладшвили 1996: *Аладшвили Н. А.* Композиция Деисуса в средневековой грузинской скульптуре во взаимоотношении с его изображениями в византийской пластике // I. Sevcenko, G. Litavrin, W. Hanak (eds.). Acts: XVIIIth International congress of Byzantine Studies: selected papers, main and communications. Moscow, 1991. Shepherdstown, 1996. P. 3—13.
- Археологическая хроника... 1908: Археологическая хроника (за 2-ю половину 1907 года) // Известия ИАК. Прибавление к вып. 26. 1908. С. 1—69.
- XI Археологический съезд. Киев. 1—20 Августа 1899 г. (Альбом фотографий участников съезда). Киев, 1899.
- Асташова 1974: *Асташова Н. И.* Энкалпион из Гнездова // СА. 1974. 3. С. 249—251.
- Асташова, Пушкина 2009: *Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Христианские древности Гнездова // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева / Под ред. А. Е. Мусина. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 125—134.
- Асташова, Сарачева 2006: *Асташова Н. И., Сарачева Т. Г.* Сирийские энколпионы из собрания Государственного исторического музея // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни: ТД / Под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2006. С. 4—5.
- Асташова, Сарачева 2007: *Асташова Н. И., Сарачева Т. Г.* Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании Государственного исторического музея // Sacrum et Profanum. 2: Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни: Сб. науч. трудов / Под ред. Н. А. Алексеенко, Ю. А. Бабинова, Х. Хофмана. Севастополь; Краков, 2007. С. 19—26.
- Атанасов 1991: *Атанасов Г.* Средновековни църковни кръстове от южна Добруджа // Известия на Народния музей Варна. 1991. 27 (42). С. 77—97.
- Атанасов 1991а: *Атанасов Г.* Християнски паметници от ранносредновековната крепост до село Руйно, Дуловско // Добруджа. 8 (1991). 1991. С. 28—50.
- Атанасов 1992: *Атанасов Г.* Средновековни кръстове — энколпиони от Силистра // Известия на Народния музей Варна. 1992. 28 (43). С. 246—267.
- Атанасов 1994: *Атанасов Г.* Кръст-энколпион на Анна монахиня от Дръстър (Силистра) // Добруджа. 11 (1994). 1994. С. 43—51.
- Атанасов 2007: *Атанасов Г.* Християнският Дуросторум — Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието IV—XIV в. История, археология, култура и изкуство. Варна, 2007.
- Атанасов, Йорданов 1994: *Атанасов Г., Йорданов И.* Средновековният Ветрен на Дунав. Шумен, 1994.
- Атанасов, Йотов 1990: *Атанасов Г., Йотов В.* Кръстове — энколпиони и медальони от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. 6 (1989). 1990. С. 81—97.
- Банк 1958: *Банк А. В.* Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа // ВВ. 1958. 14. С. 234—242.
- Банк 1966: *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966. Вып. 1—2.
- Банк 1975: *Банк А. В.* Послесловие к статье А. П. Смирнова // Древнерусское искусство: зарубежные связи / Под ред. Г. В. Попова. М., 1975. С. 40—44.
- Банк 1978: *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии X—XII вв. М., 1978.

Беляшевский 1900: *Беляшевский Н. Ф.* Кресты и образки XI—XII вв., найденные в Киеве и Киевской губернии // АЛЮР за 1900 г. 2. Киев, 1900. С. 27—30, вклейка табл. без номера.

Білоусова 1996: *Білоусова В.* Культурні речі з колекції «Десятинна церква» НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Під ред. П. П. Толочка. Київ, 1996. С. 75—76.

Бобринский 1886: *Бобринский А. А.* О курганах близ м. Смела Киевской губернии (по раскопкам 1881—1884 гг.) // Труды VI Археологического съезда / Под ред. П. С. Уваровой. Одесса, 1886. Т. 1. С. 220—234.

Бобринский 1887: *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887. Т. 1.

Болсуновский 1913: *Болсуновский К. В.* Ślady obrazów pogańskich na ziemiach Słowian. Киев, 1913.

Большакова 2008: *Большакова В. С.* Крест запрестольный // Возвращенное достояние. Русские иконы в частных собраниях: Каталог / Под ред. И. А. Шалиной. М., 2008. № 2. С. 20—21.

Веремейчик 2004: *Веремейчик Е. М.* Предметы южного импорта на сельских поселениях междуречья низовой Десны и Днепра // Сугдейский сб. / Под ред. Н. М. Куковальской, А. М. Фарбей, С. Д. Крыжицкого и др. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 389—401.

Вейцман 1971: *Вейцман К.* Диптих слоновой кости из Эрмитажа, относящийся к кругу императора Романа // ВВ. 1971. 32. С. 142—156.

Вздорнов 1975: *Вздорнов Г. И.* Архивные материалы по истории древнерусского искусства // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 77—84.

Голофаст и др. 1991: *Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г., Антонова И. А.* Византийский Херсон: каталог выставки. М., 1991.

Воинов 1916: *Воинов В.* Собрание Ханенко в Петербурге // Аполлон. 1916. 1. С. 1—12.

Въжарова 1976: *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари (по данни некрополите от VI—XI в. на територията на България). София, 1976.

Въжарова 1984: *Въжарова Ж.* Некрополът край с. Черниче-Крупник, Благоевградски окръг // Известия на Българското историческо дружество. 36. София, 1984. С. 5—20.

Вълева 1981: *Вълева Ю.* Средновековни кръстове-енколпиони от Националната художествена галерея // Археология. 23 (1—2). София, 1981. С. 72—86.

В поисках утраченной Византии 2007: В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX—XV вв.: Материалы конференции. Великий Новгород, 26—28 июня 2007 г. / Под ред. Д. Е. Афиногенова, Е. В. Тороповой, А. Е. Мусина. СПб.; Великий Новгород, 2007.

Георгиева 1958: *Георгиева С.* Кръстове-енколпиони от средновековен Преслав // Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 605—610.

Гетов, Цанова 1967: *Гетов Л., Цанова Г.* Народен музей Казанлък. Старо изкуство. София, 1967.

Грозданов и др. 2003: *Грозданов Ц., Кузман П., Паскали-Бунташевска Т.* Плаошник. Возобновената црква на св. Климент и Пантелејмон. Охрид, 2003.

Дончева-Петкова 1966: *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони с Христос Оранс // Бог и цар в българската история. София, 1966. С. 94—97.

Дончева-Петкова 1975: *Дончева-Петкова Л.* Бронзов кръст от Враца // Археология. 17 (2). София, 1975. С. 60—65.

Дончева-Петкова 1983: *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони във Варненския музей // Известия на народния музей Варна. 1983. 19 (34). С. 113—124.

Дончева-Петкова 1992: *Дончева-Петкова Л.* Проблеми при производството на кръстове-енколпиони (материали, технологии, ателиета) // Археология. 34 (4). София, 1992. С. 1—12.

- Дончева-Петкова 1992а: *Дончева-Петкова Л.* За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. 8 (1991). 1992. С. 51—65.
- Дончева-Петкова 2001: *Дончева-Петкова Л.* Нагръден кръст с композицията Дейсис // Сборник Народног музеја. 17 (1). Београд, 2001. С. 395—401.
- Дончева-Петкова 2001а: *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони с филигранна украса // Преславска книжовна школа. 2001. 5. С. 121—130.
- Дончева-Петкова 2002: *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони от Плевенския музей // Сборник изследвания в чест на профессор А. Милчев. *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum 2* / Под ред. С. Ангеловой. София, 2002. С. 250—255.
- Дончева-Петкова 2003: *Дончева-Петкова Л.* За кръста на Анна монахиня // Сборник в памет на д-р П. Горбанов. *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum 1*. София, 2003. С. 282—287.
- Дончева-Петкова 2005: *Дончева-Петкова Л.* Золотой крест-реликварий из Плиски // Ставрографически сб. 3: Крест как личная святыня / Под ред. С. В. Гнутовой. М., 2005. С. 184—209.
- Дончева-Петкова 2006: *Дончева-Петкова Л.* О дате двух типов средневековых крестов-энколпионов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ТД Международ. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Под ред. О. А. Щегловой, А. А. Песковой, К. А. Михайлова, А. Е. Мусина. СПб., 2006. С. 128—130.
- Дончева-Петкова 2006б: *Дончева-Петкова Л.* Кръстове-енколпиони от средновековна България // *Spartakus 2: 2075 години от въстанието на Спартак*. Трако-Римско наследство. 2000 години християнство. Международен симпозиум 1—4 октомври 2002 година / Под ред. А. Димитровой-Милчевой, В. Кацаровой. Сандански; Велико Търново, 2006. С. 101—112.
- Дончева-Петкова 2008: *Дончева-Петкова Л.* За датата и произхода на някои типове кръстове-енколпиони от средновековна България // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2—4 май 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835—907 г.) / Под ред. П. Георгиева. Велико Търново, 2008. С. 278—288.
- Дончева-Петкова 2011: *Дончева-Петкова Л.* Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX—XIV в.). София, 2011.
- Ерцеговић-Павловић 1976: *Ерцеговић-Павловић С.* Средновековна некропола у Нишу // *Старинар*. 1976. 26. С. 83—98.
- Ерцеговић-Павловић 1986: *Ерцеговић-Павловић С.* Средновековна насеља и некрополе у Божетиноу и Хајдучкој Воденици. Фердапске свеске. 1. Београд, 1986.
- Жуковський 1980: *Жуковський А.* Ханенки // *Енциклопедія українознавства* / Під ред. В. Кубійович. Париж; Нью-Йорк, 1980. Т. 9. С. 3546—3548.
- Журавлев 2011: *Журавлев Д.* Каталогная статья № 179 // *Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д.* Наследие византийского Херсона / Под ред. В. Залеской, Т. Яшаевой, А. Рабинович. Севастополь; Остин, 2011. С. 232, 513.
- Залеская 1964: *Залеская В. Н.* Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // *ВВ*. 1964. 25. С. 167—175.
- Залеская 1965: *Залеская В. Н.* К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп так называемых «сирийских» крестов // ТД Седьмой Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси / Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1965. С. 91—93.
- Залеская 1967: *Залеская В. Н.* Византийский votivный памятник в собрании Эрмитажа и его прототипы // *Палестинский сб.* 1967. 17 (80). С. 84—89.
- Залеская 1970: *Залеская В. Н.* Сирийский художественный металл византийского времени и его историческое значение (Вопрос о роли Сирии в прикладном искусстве Византии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.

Залеская 1970а: *Залеская В. Н.* Сирийский художественный металл византийского времени и его историческое значение (Вопрос о роли Сирии в прикладном искусстве Византии): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.

Залеская 1971: *Залеская В. Н.* К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа) // Палестинский сб. 1971. 23 (86). С. 84—91.

Залеская 1988: *Залеская В. Н.* О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X—XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. / Под ред. А. В. Банк, В. Г. Луконина. Л., 1988. С. 93—104.

Залеская 1994: *Залеская В. Н.* Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: Каталог выставки / Под ред. В. С. Шандровской. СПб., 1994. С. 110—175.

Залеская 1998: *Залеская В. Н.* Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 12—59.

Зоценко, Попельницька 2008: *Зоценко В., Попельницька О.* Наперсний хрест-релікварій із зібрання Національного музею історії України // Музейний простір України. <http://prostir.museum/treasures/ua/>

Ивакин, Чернецов 2002: *Ивакин Г. Ю., Чернецов А. В.* Уникальный амулет из Киева // Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 521—632.

Ивакин, Пуцко 2005: *Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г.* Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998—2001 рр. // Археологія. 2005. 4. С. 94—107.

Илинкина 1992: *Илинкина В.* Развитиею на цветната металлургия в Кюстендил от античността до средновековието // Приноси към Българската археология / Под ред. Д. Овчарова. София, 1992. С. 221—226.

Історія Академії... 1993: *Історія Академії Наук України. 1918—1923. Документи і матеріали* / Під ред. П. С. Сахно. Київ, 1993.

Историко-культурный Атлас... 1913: *Историко-культурный Атлас по русской истории* / Ред., сост. Н. Д. Полонская, М. В. Довнар-Запольский. Киев, 1913.

Искусство Византии... 1977: *Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки* / Под ред. А. В. Банк, О. С. Поповой. Т. 1—3. М., 1977.

Йотов, Атанасов 1998: *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X—XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998.

Калашник 1989: *Калашник Ю. П.* Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982—1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций государственного Эрмитажа / Под ред. Г. И. Смирновой. Л., 1989. С. 165—187.

Каковкин 1998: *Каковкин А. Я.* Христианский (коптский) Египет // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 136—179.

Каргер 1949: *Каргер М. К.* Киев и монгольское завоевание // СА. 1949. 11. С. 55—102.

Каргер 1958: *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1.

Киевское Общество... 1897: *Киевское Общество старины и искусства* // Исторический Вестник. № 12. СПб., 1897. С. 1089.

Ковалинский 1998: *Ковалинский В.* Меценаты Киева. Киев, 1998.

Ковтанюк, Шовкопляс 1999: *Ковтанюк Н., Шовкопляс Г.* Скарбниця історичної пам'яті України // Київська старовина / Під ред. П. П. Толочка. 1999. 4. С. 63—80.

Колесникова 2007: *Колесникова В. А.* Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ, 2007.

Кондаков 1902: *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.

Кондаков 1914: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1.

Кондаков 1915: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1915. Т. 2.

- Корзухина 1956: *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. 25. С. 318—336.
- Корзухина 1958: *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. По материалам медного литья // ВВ. 1958. 14. С. 129—137.
- Корзухина, Пескова 2003: *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003 (Труды Института истории материальной культуры РАН. 7).
- Корнієнко 2005: *Корнієнко Н.* Музей Ханенків у 1920-ті роки // Ханенківські читання. Матеріали науково-практичної конференції / Під ред. І. В. Семенюк. 7. Київ, 2005. С. 5—30.
- Косцюшко-Валюжинич 1904: *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // Известия ИАК. 1904. 9. С. 1—62.
- Косцюшко-Валюжинич 1905: *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // Известия ИАК. 1905. 16. С. 37—110.
- Крамаровский, Гукин 2006: *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Поселение Бока-таш II. (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). Вып. III. СПб., 2006.
- Крамаровский, Гукин 2006а: *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Крест-реликварий XII—начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. К XXI Международному конгрессу византинистов. Лондон, 21—26 августа 2006 года / Под ред. В. Н. Залеской. СПб., 2006. С. 53—62.
- Кузнецов 1968: *Кузнецов В. А.* Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь: к 60-летию Б. А. Рыбакова / Под ред. Е. И. Крупнова. М., 1968. С. 80—86.
- Кузнецов 1971: *Кузнецов В. А.* Два византийских креста из Алании // СА. 1971. 2. С. 255—258.
- Кузнецов 2002: *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.
- Куницкий 1985: *Куницкий В. А.* Предметы художественной пластики из Белгорода Днестровского // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. / Под ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 124—126.
- Куницкий 1988: *Куницкий В. А.* Энколпион из Черниговской земли // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», 26—28 сентября 1988 г.: ТД. Чернигов, 1988. С. 89—90.
- Куницкий 1990: *Куницкий В. А.* Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія. 1990. 1. С. 106—116.
- Курінний 1966: *Курінний П.* Українська ікона княжого часу X—XIII ст. // Записки НТШ. 181: Релігія в житті українського народу. Мюнхен; Рим; Париж, 1966. С. 76—92.
- Лазарев 1966: *Лазарев В. Н.* Михайловские мозаики. М., 1966.
- Леопардов, Чернев 1890: *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1890. [Сер. 1]. Вып. I.
- Леопардов, Чернев 1891: *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1891. [Сер. 1]. Вып. II.
- Леопардов, Чернев 1891а: *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1891. [Сер. 1]. Вып. III—IV.
- Леопардов, Чернев 1891б: *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в частных собраниях города Киева. Киев, 1891. [Сер. 2]. Вып. I.
- Леопардов, Чернев 1893: *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в частных собраниях города Киева. Киев, 1893. [Сер. 2]. Вып. II.

Ливох 2010: *Ливох Р.* Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Под ред. О. А. Щегловой, А. А. Песковой, А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 486—492.

Лысенко и др. 2010: *Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К.* Предварительные результаты исследования многослойного поселения Кошеевка 8 в Фастовском районе Киевской обл. // Археологічні дослідження в Україні 2008 / Под ред. Д. Н. Козак. Київ, 2010. С. 187—191.

Лысенко и др. 2012: *Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К.* Многослойное поселение Кошеевка-8 // Материалы Фастовской археологической экспедиции / Под ред. А. П. Моця. Вып. 1. Киев; Фастов, 2012.

Макаренко 1915: *Макаренко Н. А.* Выставка церковной старины в музее барона Штиглица // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. 1915. Июль-август. С. 14—81.

Макаренко 1924: *Макаренко М. О.* Музей мистецтв ім. Б. І. та В. М. Ханенків Української Академії наук. Провідник. Київ, 1924.

Максимовић 2004: *Максимовић М.* Каталогные статьи № 208, 247, 249 // *Јоцић М., Дрча С., Максимовић М., Јанковић Михаљичић Д.* Археолошко благо Ниша од неолита до средњег века / Д. Давидов (ред.). Галерија Српске академије наука и уметности. 102. Београд, 2004. С. 221, 238, 240.

Манго 2000: *Манго М. М.* Византийское искусство и Святая Земля // Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 в.: Каталог выставки / Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннера, Ю. Пятницкого. СПб., 2000. С. 34—39.

Марјановић-Вујовић 1982: *Марјановић-Вујовић Г.* Накит на тлу Србије: из средњовековних некропола од IX—XV века. Народни музеј. Београд, 1982.

Марјановић-Вујовић 1987: *Марјановић-Вујовић Г.* Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд, 1987.

Миллер 1952: *Миллер М.* Таємниця Десятинної церкви // Наша культура. 9 (174). Вінніпег, 1952. С. 24—26.

Мирзоян 2006: *Мирзоян А. С.* Грузинский процессионный крест из собрания Эрмитажа (Вопросы датировки) // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. К XXI Международному конгрессу византинистов. Лондон, 21—26 августа 2006 года / Под ред. В. Н. Залеской. СПб., 2006. С. 82—93.

Мисько 1999: *Мисько Ю. В.* Християнські культові старожитності давньоруського періоду з території Північної Буковини // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: Збірник наукових статей / Під ред. О. І. Сич. 2. Чернівці, 1999. С. 159—173.

Миятев 1922: *Миятев Кр.* Палестински крстове в България // Годишник на Народния музей за 1921 год. София, 1922. С. 59—89.

Мурашева 2009: *Мурашева В. В.* Крест-мошевик из Гнездова // *Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / Под ред. Л. А. Беляева. М., 2009. С. 169—177.

Мусин 2002: *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX—XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002 (Труды Института истории материальной культуры РАН. 5).

Мусин 2006: *Мусин А. Е.* Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой / Под ред. А. Е. Мусина, Е. Н. Носова. СПб., 2006. С. 163—222.

Мусин 2008: *Мусин А. Е.* *Sacralia Ruthenica: 12-я Ежегодная встреча Европейской ассоциации археологов (Польша, Краков, 19—24 сентября 2006 г.)* // Археологические вести. 2008. 15. С. 265—268.

- Мусин 2009: *Мусин А. Е.* История материальной культуры и церковная археология // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сб. ст. к 80-летию В. М. Массона / Под ред. С. В. Белецкого, Л. Б. Кирчо. СПб., 2009. С. 185—216.
- Мусин, Степанов 2007: *Мусин А. Е., Степанов А. М.* Ложка или лжица? Находка 2005 года на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 107—124.
- Мэнуку-Адамштеану, Полл 2010: *Мэнуку-Адамштеану Г., Полл И.* Кресты-энколпионы, найденные в Исакче, округ Тулча // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Под ред. О. А. Щегловой, А. А. Песковой, А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 381—395.
- Национальный музей... 2001: Национальный музей истории Украины / Под ред. Н. Ковтанюк. Київ, 2001.
- Николаева 1983: *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. САИ. Е1-60. М., 1983.
- Павлова 1998: *Павлова В. В.* Крест из склада Св. Синода в коллекции Национального музея истории Украины (г. Киев) // Церковная археология. Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). СПб., 1—3 ноября 1998 года / Под ред. А. Е. Мусина. СПб., 1998. С. 226—229.
- Пекарська 1999: *Пекарська Л.* Пам'ятки княжого Кисва в західних колекціях // Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи: Матеріали ювілейної Міжнародної науково-практичної конференції / Під ред. Н. Г. Ковтанюк. Київ, 1999. С. 64—65.
- Пекарська, Павлова 2004: *Пекарська Л. В., Павлова В. В.* Процесійний хрест із Київського дитинця // Археологія. 2004. 4. С. 94—100.
- Пердикис 1998: *Пердикис С. К.* Путеводитель: Музей Свято-Киккского монастыря. Никозия, 1998.
- Пескова 2002: *Пескова А. А.* Крест с Распятием из Лилла Клинтгарда (о. Готланд) и его византийский прототип // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб., 2002. С. 254—262.
- Пескова 2004: *Пескова А. А.* О древнейшей на Руси христианской реликвии // Ладога и Глеб Лебедев: VIII чтения памяти Анны Мачинской / Под ред. Д. А. Мачинского. СПб., 2004. С. 157—183.
- Пескова 2006: *Пескова А. А.* Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой / Под ред. А. Е. Мусина, Е. Н. Носова. СПб., 2006. С. 121—162.
- Пескова 2007: *Пескова А. А.* Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции / Под ред. А. Е. Мусина, Е. Н. Носова. СПб., 2007. С. 268—279.
- Пескова, Богуславский 2010: *Пескова А. А., Богуславский О. И.* Комплекс находок из разрушенного погребения на р. Оять // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: В 2 т. Сб. ст. в честь А. Н. Кирпичникова / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М., 2010. Т. II. С. 124—139.
- Пескова, Егорьков 2010: *Пескова А. А., Егорьков А. Н.* Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Под ред. Н. В. Хвоцинской, А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 53—61.

Пескова, Строкова 2006: *Пескова А. А., Строкова Л. В.* Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко из собрания Национального музея истории Украины // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ТД Междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Под ред. О. А. Щегловой, А. А. Песковой, К. А. Михайлова, А. Е. Мусина. СПб., 2006. С. 148—151.

Пескова, Строкова 2010: *Пескова А. А., Строкова Л. В.* Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко из собрания Национального музея истории Украины // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10—16 апреля 2006 г.) / Под ред. О. А. Щегловой, А. А. Песковой, А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 396—404.

Пескова, Строкова 2010а: *Пескова А. А., Строкова Л. В.* Византийские процессионные кресты из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко в собрании Национального музея истории Украины // Труды Государственного Эрмитажа. 51: Византия в контексте мировой культуры: Материалы конф., посв. памяти А. В. Банк (1906—1984) / Под ред. В. Н. Залесской. СПб., 2010. С. 164—181.

Петров 1895: *Петров Н. И.* Коллекции древних предметов и монет, пожертвованные Церковно-археологическому музею при Киевской Духовной академии Н. А. Леопардовым. Киев, 1895.

Петров 1897: *Петров Н. И.* Указатель Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Киев, 1897.

Петров 1915: *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Киев, 1915. Вып. 4—5.

Петров, Славова 2004: *Петров И., Славова М.* Кръстове-реликварии от фонда на исторически музей Хасково // Известия на Историческия музей Хасково. 2004. 2 (2003). С. 217—222.

Петровић 2001: *Петровић Р.* Речник византијских крстова. Београд, 2001.

Пивоваров 2001: *Пивоваров С. В.* Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра. Чернівці, 2001.

Покровский 1909: *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей в Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1909.

Попельницька 2011: *Попельницька О. О.* Металеві хрести із зібрання Б. І. Ханенка у НМІУ // Національний музей історії України: Тематичний збірник наукових праць / Під ред. Н. Ковтанюк. Київ, 2011. С. 179—194.

Попельницька, Зоценко 2009: *Попельницька О. О., Зоценко В. М.* Хрест-реликварій провінційно-византийського (балканського типу) із зібрання Б. І. Ханенка в колекції НМІУ // Національному Музею Історії України — 110: Тематичний збірник наукових праць / Під ред. Н. Ковтанюк. 2. Київ, 2009. С. 200—204.

Постников 1888: *Постников Н. М.* Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Н. М. Постниковым. М., 1888.

Путь из варяг... 1996: Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки / Под ред. В. Л. Егорова. М., 1996.

Пуцко 1983: *Пуцко В. Г.* Византийский художественный импорт в древнем Киеве // *Slavia Antiqua*. 1983. 29. С. 127—142.

Пуцко 1987: *Пуцко В. Г.* Крест Марка Пещерника // *СА*. 1987. 1. С. 217—229.

Пятницкий 2000: *Пятницкий Ю. А.* Икона «Архидиакон Стефан» // Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века: Каталог выставки / Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб., 2000. С. 112—113.

Саввов 2004: *Саввов Р. В.* Древнерусские вислые печати // <http://russianchange.narod.ru/>

Синай. Византия. Русь. 2000: Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки / Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб., 2000.

Смирнов 1975: *Смирнов А. П.* Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков // Древнерусское искусство: зарубежные связи / Под ред. Г. В. Попова. М., 1975. С. 27—40.

Смирнова 2009: *Смирнова Э. С.* Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисоглебский сб. (Collectanea Borisoglebica) / Под ред. К. Цукермана. Вып. I. Paris, 2009.

Станчак 1993: *Станчак Я. Г.* Збірка енкалпіїв з фондів Львівського історичного музею // Львівський історичний музей. Наукові записки. 1993. 1. С. 87—95.

Станюкович, Осипов, Соловьев 2003: *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста: Произведения русской христианской металлопластики X—XX веков из частных собраний. М., 2003.

Стерлигова 1991: *Стерлигова И. А.* Византийские литургические сосуды в Древней Руси // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine studies: selected papers. Moscow, 1991. Vol. III: Art History, Architecture, Music / I. Sevchenko, G. Litavrin, W. Hanak (eds.). Shepherdstown, 1996. С. 295—306.

Стерлигова 1996: *Стерлигова И. А.* Кат. № 21 в разделе «Золотое и серебряное дело» // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV вв. / Под ред. И. А. Стерлиговой. М., 1996. С. 168—171.

Строкова 2001: *Строкова Л. В.* Археологія // Національний музей історії України. Фотоальбом / Під ред. Н. Ковтанюк. Київ, 2001. С. 8.

Строкова 2005: *Строкова Л. В.* Велика Вітчизняна війна та музейні втрати в Україні // Документознавство. Бібліотекознавство. Інформаційна діяльність: проблеми науки, освіти, практики: Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції / Під ред. М. С. Слободяник, Г. В. Власової. 2. Київ, 2005. С. 23—28.

Строкова, Пескова 2009: *Строкова Л. В., Пескова Г. А.* До історії «сірійської колекції» Б. І. Ханенко // Національному музею історії України — 110: Тематичний збірник наукових праць / Під ред. Н. Ковтанюк. 1. Київ, 2009. С. 132—139.

Танчева-Василева 2002: *Танчева-Василева Н.* Кръстове, кръстове-енколпиони и матрици от Ямболско // Сб. изследвания в чест на професор А. Милчев. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis / Под ред. С. Ангеловой. Supplementum 2. София, 2002. С. 256—264.

Тарновский 1898: *Тарновский В. В.* Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского / Описание предметов великокняжеского отдела составил Н. Ф. Беляшевский. Киев, 1898.

Терещенко 2012: *Терещенко М.* Первый олигарх Михаил Иванович Терещенко (1886—1956): необычная история жизни моего деда, как ее рассказала бы мне моя бабушка. Киев, 2012.

Тимашкова 1991: *Тимашкова Т. Г.* Кресты-энколпионы XI—XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур / Под ред. В. П. Ванчугова. Киев, 1991. С. 120—124.

Томсинский 2002: *Томсинский С. В.* Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб., 2002. С. 263—267.

Тотев 2002: *Тотев К.* Три византийски процесийни кръста от Преслав // Археология. 43 (3). София, 2002. С. 57—65.

Тотев 2002а: *Тотев К.* Византийский крест из Национального исторического музея в Софии // АДСВ. 2002. 33. С. 85—87.

Тотев 2005: *Тотев К.* Процесиен кръст с надпис на кириллица от Национални археологически музей — София // Археология. 46 (1—4). София, 2005. С. 171—176.

Тотев, Станчев 1999: *Тотев К., Станчев Д.* Византийски процесийни кръст от с. Нисово, Русенско // Археология. 40 (3—4). София, 1999. С. 93—96.

Тотев 2004: *Тотев Т.* Базилика в Стамбол Йолу на Велики Преслав // Преслав. 6 / Т. Тотев (ред.). София, 2004. С. 57—75.

Труды XIV Археологического съезда... 1911: Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1911. Т. III: Протоколы.

Уваров 1908: *Уваров А. С.* Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Отд. VIII—XI. М., 1908.

Ушаков, Яшаева 2009: *Ушаков С. В., Яшаева Т. Ю.* Предметы личного благочестия из раскопок жилого квартала в северо-восточном районе Херсона // *Sacrum et Profanum IV: Религия в жизни человека и общества: Сб. науч. трудов / Под ред. Н. А. Алексеенко, Х. Хоффман.* Севастополь, 2009. С. 195—200.

Ханенко 1896: *Ханенко Б. И. и В. Н.* Собрание картин итальянской, испанской, фламандской, голландской и других школ. Киев, 1896.

Ханенко 1899: *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. 1. Киев, 1899.

Ханенко 1900: *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. 2. Киев, 1900.

Ханенко 1902: *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности Приднепровья. 5. Киев, 1902.

Ханенко 2008: *Ханенко Б.* Спогади колекціонера. Київ, 2008.

Хвойка 1913: *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

Хрушкова 2002: *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII века). М., 2002.

Шекун 1981: *Шекун А. В.* Работы Черниговской областной археологической экспедиции // *Археологические открытия 1980 года / Под ред. Б. А. Рыбакова.* М., 1981. С. 321—322.

Шовкопляс 1998: *Шовкопляс Г. М.* Ханенки і музеї Києва // *До 100-річчя Національного музею історії України: Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої Міжнародному дню музеїв (1997 р.) / Під ред. Н. Г. Ковтанюк.* Київ, 1998. С. 12—35.

Шовкопляс 2000: *Шовкопляс Г. М.* Вікентій В'ячеславович Хвойка — видатний український археолог // *Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження): Тематичний збірник наукових праць / Під ред. Н. Г. Ковтанюк.* Київ, 2000. С. 4—25.

Эрнст 1915: *Эрнст С.* Церковная старина в Петрограде // *Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины.* 1915. Июль-август. С. 3—13.

Якобсон 1959: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 63).

Янин 1970: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X—начала XIII в. М., 1970.

Янин, Гайдуков 1998: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998.

Янков 1985: *Янков Д.* Средновековни бронзови кръстове от Стара Загора // *Известия на музенте Югоизточна България.* 8. Пловдив, 1985. С. 87—94.

Яшаева 2004: *Яшаева Т. Ю.* Формы для отливки крестов из раскопок Херсонеса // *Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты / Под ред. Ю. А. Бабинова.* Севастополь, 2004. С. 101—103.

Яшаева 2005: *Яшаева Т. Ю.* Амбула св. Мины и карта херсонских пилигримов // *Sacrum et Profanum.* Вып. I: Культ святых мест в древних и современных религиях / Под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2005. С. 201—206.

Яшаева 2011: *Яшаева Т.* Каталогные статьи № 183, 192 // *Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д.* Наследие византийского Херсона / Под ред. В. Залесской, Т. Яшаевой, А. Рабинович. Севастополь; Остин, 2011. С. 234, 238, 515, 522.

- Age of Spirituality 1979: Age of spirituality : late antique and early Christian art, third to seventh century: catalogue of the exhibition at the Metropolitan museum of art, November 19, 1977, through February 12, 1978 / K. Weitzmann (ed.). New-York, 1979.
- Armenia sacra 2007: Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV—XVIII siècles). Catalogue de l'exposition. Paris, Musée du Louvre, 21 février—21 mai 2007 / J. Durand, D. Giovannoni, I. Rapti (eds.). Paris, 2007.
- Andrási et al. 2008: *Andrási J., Aibabin A. et al.* Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Materials / D. Kidd, B. Ager (eds.). London, 2008.
- Barnea 1967: *Barnea I.* Obiecte de cult // *Dinogetia I: Așezarea feudală timpurie de la Biserica — Garvăn / Biblioteca de arheologie. XIII / E. Stoian (ed.). București, 1967. P. 357—366.*
- Barnea I., Barnea Al. 1984: *Barnea I., Barnea Al.* Săpăturile de salvare de la Noviodunum // *Peuce. 1984. 9. P. 97—105.*
- Bock 1906: *Bock Wl.* Lettre au prince François du Lichtenstein au sujet d'une croix reliquaie byzantine. St. Pétersbourg, 1906.
- Bouras 1979: *Bouras L.* The Cross of Adrianople. Benaki museum. Athens, 1979.
- British Museum 1921: A Guide to the Early Christian and Byzantine Antiquities in the Department of British and Medieval Antiquities / O. M. Dalton (ed.). 2nd ed. London, 1921.
- Burić 1995: *Burić T.* Arheološki tragovi kasnobizantske epohe na istočnoj obali Jadrana (Vladavina Emanuela I Komnena) // *Diadora. 16—17 (1994—1995). 1995. S. 365—383.*
- Byzantine art... 1964: Byzantine art, an European art. Council of Europe exhibition. 9. Athens, 1964.
- Byzantium... 1994: Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / D. Buckton (ed.). London, 1994.
- Byzanz... 2001: Byzanz, das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis 15. Jahrhundert: Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn, Paderborn 2001 / Ch. Stiegemann (ed). Mainz am Rhein, 2001.
- Cradle of Christianity 2000: Cradle of Christianity / Y. Israeli, D. Mevorah (eds.). Jerusalem, 2000.
- Crimean Chersonesos 2003: Crimean Chersonesos: city, chora, museum, and environs / G. R. Mack, J. C. Carter (eds.). Austin, 2003.
- Christie's 2007: Christie's 2007: Icons and Artefacts from the Orthodox World / Иконы и артефакты православного мира. London, 2007.
- Cotsonis 1994: *Cotsonis J. A.* Byzantin Figural Processional Crosses. Dumbarton Oaks Collection Publications. 10. Washington, 1994.
- Il Castello di Santa Severina 1998: Il Castello di Santa Severina. Ricerche archeologiche / R. Spadea (ed.). Rubbettino, 1998.
- Dalton 1901: *Dalton O. M.* Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Medieval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, 1901.
- Damian, Damian 1997: *Damian O., Damian P.* Eléments chrétiens de l'époque byzantine dans le Bas Danube // *Pontica. 28—29. (1995—1996). 1998. P. 231—244.*
- Davidson 1952: *Davidson G. R.* Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. 12: The minor objects. Princeton, 1952.
- Diaconu, Baraschi 1977: *Diaconu P., Baraschi S.* Păciul lui Soare. Așezarea medievală (secolele XIII—XV). 2. Biblioteca de arheologie. 29. București, 1977.
- Diehl 1930: *Diehl C.* Argenteries syriennes // *Syria. 1930. 11. P. 209—215.*
- Die Welt von Byzanz 2004: Die Welt von Byzanz — Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / L. Wamser (ed.). München, 2004.
- Djavakhchvili, Abramichvili 1986: *Djavakhchvili A., Abramichvili G.* L'Or et les émaux de Géorgie. Leningrad, 1986.

- Djobadze 1986: *Djobadze W.* Archaeological Investigations in the Region West of Antioch-on-Orontes. Stuttgart, 1986.
- Dončeva-Petkova 1979: *Dončeva-Petkova L.* Croix d'or — reliquaire de Pliska // Culture et art en Bulgarie medievale (VIII—XIV s.): Bulletin de l' Institut d' archéologie. 35. Sofia, 1979. P. 74—91.
- Early Christian and Byzantine Art 1990: Early Christian and Byzantine Art / R. Temple (ed.). London, 1990.
- Enkolpia 2001: *Ikonaki-Papadopoulos Y., Pitarakis B., Loverdou-Tsigarida K.* Enkolpia: The Holy and Great Monastery of Vatopaidi, Mount Athos. Mount Athos, 2001.
- Everyday Life... 2002: Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. [Catalogue of exhibition]. Thessaloniki. White Tower. October 2001—January 2002 / D. Papanikola-Bakirtzi (ed.). Athens, 2002.
- Forsyth, Weitzmann 1973: *Forsyth G. H., Weitzmann K.* The monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The church and fortress of Justinian. Ann Arbor, 1973.
- Fragile Ambassadors 2011: Byzantine Relics and Reliquaries inside the Empire and beyond // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22—27 August 2011 / I. Iliev (ed.). Sofia, 2011. Vol. II: Abstracts of round table communications. P. 166—184.
- Frolov 1961: *Frolov A.* La culte de la relique de la Vraie Croix à la fin du VIe et au début du VIIe siècles // Byzantinoslavica. 1961. 22. P. 320—339.
- Garam 2001: *Garam E.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001.
- The Glory of Byzantium 1997: H. C. Evans, W. D. Wixom (eds.). The Glory of Byzantium. Art and culture of the Middle Byzantine Era: A. D. 843—1261. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1997.
- Goldblattkreuze 1975: Die Goldblattkreuze des frühen Mittelalters / W. Hübener (ed.). Bühl, 1975 (Veröffentlichung des Alemannischen Instituts Freiburg im Breisgau. 37).
- Gonosova, Kondoleon 1994: *Gonosova A., Kondoleon C.* Art of Late Rome and Byzantium in the Virginia museum of fine Arts. Richmond, 1994.
- Grabar 1969: *Grabar A.* La précieuse croix de la Lavra Saint Athanase au Mont Athos // Cahiers Archéologiques. 1969. 19. P. 99—125.
- Gudea, Cosma 1998: *Gudea N., Cosma C.* Crucea-relicvar descoperită la Dăbâca. Considerații privind tipologia și cronologia crucilor-relicvar Bizantine din bronz, cu figure în relief, descoperite pe teritoriul României // Ephemeris Naposensis. 1998. 8. P. 273—303.
- Jerphanion 1938: *Jerphanion G.* La plus ancienne representation de l'oracion du diacre // La Voix des monuments. 2 nouvelle série. 1938. P. 279—282.
- Jolivet-Lévy 2001: *Jolivet-Lévy C.* La Cappadoce médiévale. Images et spiritualité. Paris, 2001.
- Handbook... 1967: Handbook of the Byzantine Collection. Dumbarton Oaks. Washington, 1967.
- Harrison, Firatli 1967: *Harrison R. M., Firatli N.* Excavations at Sarachane in Stambul: Fourth preliminary report // Dumbarton Oaks Papers. 1967. 21. P. 273—278.
- Horničková 1999: *Horničková K.* The Byzantine Reliquary Pectoral Crosses in Central Europe // Byzantinoslavica. 1999. 60. P. 213—250.
- Ivakin 2007: *Ivakin H.* Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // Kiev—Cherson—Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International congress of Byzantine studies (Paris, 19—25 August 2001) / A. Aibabin, H. Ivakin (eds.). Kiev; Simferopol; Paris, 2007. P. 177—220.
- Kartsonis 1986: *Kartsonis A.* Anastasis. The making of an image. Princeton, 1986.
- Karagöz 2010: *Karagöz Ş.* Archaeological excavations at Üsküdar within Marmaray Project from 2004 to 2008 // Istanbul Archaeological Museums, Proceedings of the 1st symposium on Marmaray-Metro Salvage excavation, 5—6th May 2008, Istanbul / U. Kocabaş (ed.). Istanbul, 2010. P. 85—110.

King 1928: *King E. S.* The date and provenance of a bronze reliquary cross in the museo Cristiano Vaticano // *Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia*, Serie III. Memorie. 2. 1928. P. 193—205.

Kreuz und Kruzifix 2005: Kreuz und Kruzifix. Zeichen und Bild. Anlässlich der Ausstellung «Kreuz und Kruzifix. Zeichen und Bild» im Diözesanmuseum Freising, 20. Februar bis 3. Oktober 2005 / S. Hahn (ed.). Lindenberg im Allgäu, 2005.

Kruk, Sulikowska-Gąska, Wołoszyn 2006: *Kruk M. P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M.* Sacralia Ruthenica. Early Ruthenian and Related Metal and Stone Items in the National Museum in Cracow and National Museum in Warsaw; *Dziela staroruskie bądź z Rusią związane z metalu i kamienia w Muzeum Narodowym w Krakowie i w Muzeum Narodowym w Warszawie*. Warszawa, 2006.

Lango, Türk 2009: *Lango P., Türk A.* The 11th — century pectoral cross with filigree (spiral-beaded wire) decoration from Szentes-Nagytóke and its circle // *Eurika*. In honorem L. Donchevae-Petkovaе / В. Григоров, М. Даскалов, Е. Каматарова-Балинкова (ред.). София, 2009. P. 387—415.

Laurent 1963—1965: *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire Byzantin. Vol. 1—2: L'Église. Paris, 1963—1965.

Lovag 1971: *Lovag Z.* Byzantine type reliquary pectoral crosses in the Hungarian National Museum // *Folia archaeological*. 1971. 22. P. 143—164.

Lovag 1999: *Lovag Z.* Mittelalterliche Bronzegegenstände des Ungarischen Nationalmuseums: *Catalogi Musei Nationalis Hungarici*. Budapest, 1999 (Series Archaeologica. 3).

Lutz 2006: *Lutz E. von Padberg.* Die Christianisierung Europas im Mittelalter. Darmstadt, 2006.

Mango 1986: *Mango M. M.* Silver from early Byzantium (The Kaper Koraon and related treasures). Baltimor, Maryland, 1986.

Mănuclu-Adameșteanu 1984: *Mănuclu-Adameșteanu Gh.* Elemente de cultură byzantină la gurile Dunării // *Peuce*. 1984. 9. P. 375—387.

Mănuclu-Adameșteanu 1984a: *Mănuclu-Adameșteanu Gh.* Descoperiri mărunte de la Isaceea (sec. X—XIV) // *Peuce*. 1984. 9. P. 237—254.

Mănuclu-Adameșteanu 1992: *Mănuclu-Adameșteanu Gh.* Cruci relicvar de tip bizantin descoperite on sudul Dobrogei // *Pontica*. 1992. 25. P. 349—354.

Megay 1961: *Megay G.* Honfoglaláskori temető Miskolc északkeleti hátáran // *Arhaeologiai Értesítő*. 1961. 88 (1). P. 100—108.

Meimaris 1989: *Meimaris Y. E.* The monastery of saint Euthymios the Great at Khan El-Ahmar, in the wilderness of Judea: Rescue excavation and basic protection measures. 1976—1979. Athens, 1989.

Nechvátal 1979: *Nechvátal B.* Raněstředověké ostatkové křížky z Čech // *Památky archeologické*. 1979. 70 (1). P. 213—251.

Neve 1984: *Neve P.* Die Ausgrabungen in Boğazköy-Hattusa 1983 // *Archäologischer Anzeiger*. 1984. 3. P. 329—381.

Papaconstantinou 2001: *Papaconstantinou A.* La manne de saint Jaen. A propos d'un ensemble de cuillers inscrits // *Revue des études byzantines*. 2001. 59. P. 239—246.

Pekarska 2011: *Pekarska L.* Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and The Metropolitan Museum of Art and Related Material. Mainz; London, 2011 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 92).

Peskova 2013: *Peskova A.* Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th—11th Centuries // *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* / P. Bauduin, A. Musin (eds.). Caen, 2013 (forthcoming).

Piccirillo, Alliata 1994: *Piccirillo M., Alliata E.* Umm al-Rasas Mayfaah. I: Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem, 1994 (Studium Biblicum Franciscanum, Collectio maior, 28).

- Pitarakis 2006 : *Pitarakis B.* Les croix — reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris, 2006 (Bibliothèque des cahiers archéologiques. 16.).
- The Remnants 2007: «The Remnants» 12th and 13th Centuries, Byzantine Objects in Turkey / A. Ödekan (ed.). Istanbul, 2007.
- Rome, Constantinople and Newly — Converted Europe 2012: Rome, Constantinople and Newly — Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Vol. 1—2 / M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar, M. Hardt, M. P. Kruk, A. Sulikowska-Gaska (eds.). Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2012 (U Źródł Europey Środkowo-Wschodniej; Frühzeit Ostmitteleuropas 1.2).
- Rosenberg 1907: *Rosenberg M.* Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Abteilung: Niello. Darmstadt, 1907.
- Ross 1962: *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 1: Metalwork, Ceramics, Glass, Gliptic, Painting. Washington, 1962.
- Ross 1964: *Ross M. C.* Byzantine Bronze Hands Holding Crosses // *Archaeology*. 1964. 17 (2). P. 101—103.
- Ross 1965: *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2: Jewelry, Enamels and Art of the Migrations period. Washington, 1965.
- Roux 1998 : *Roux G.* La basilique de la Campanopetra en Chypre. Paris, 1998 (Salamine de Chypre XV).
- Salin 1891—1893: *Salin B.* Några krucifix och kors i Statens Historiska Museum // Svenska Fornminnesföreningens. 1891—1893. 28. S. 277—312.
- Sandin 1992: *Sandin K.* Middle Byzantine bronze crosses of intermediate size: Form, use and meaning. New Brunswick, 1992.
- Sciascio 2007: Di Sciascio S. Reliquie della Vera Croce in Puglia e Basilicata fra XI e XV secolo // *Medioevo mediterraneo: l'Occidente, Bisanzio e l'Islam. Atti del Convegno internazionale di studi*. Parma, 21—25 settembre 2004 / A cura di A. C. Quintavalle. Milano, 2007 (Centro Studi Medievali, Università degli Studi di Parma. I Convegni di Parma, 7).
- Sevčenko 1966: *Sevčenko I.* The early period of the Sinai monastery in the light of its inscriptions // *Dumbarton Oaks Papers*. 1966. 20. P. 255—264.
- Sevrugian 1992: *Sevrugian P.* Liturgisches Gerät aus Byzanz: die Berliner Patene und ihr Umkreis. Berlin, 1992.
- Staecker 1997: *Staecker J.* Bremen—Kenterbury—Kiev—Konstantinopel? Auf Spurensuche nach Missionierenden und Missionierten in Altdanemark und Schweden // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8.-14. Jahrhunderts: Internationale Fachkonferenz der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Verbindung mit der Akademie der Wissenschaften und der Literatur*. Mainz, Kiel, 18—25 September 1994 / M. Müller-Wille (ed.). Vol. 2. Stuttgart, 1997. P. 59—81.
- Staecker 1999: *Staecker J.* Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm, 1999 (Lund Studies in Medieval Archaeology 23).
- Stenberger 1947: *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 2: Fundbeschreibung und Tafeln. Lund, 1947.
- Strzygowski 1904: *Strzygowski J.* Koptische Kunst. Catalogue général du Musée du Caire. Vienne; Leipzig, 1904.
- Thierry 1963: *Thierry N. et M.* Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı. Paris, 1963.
- Treasures... 2001: *Treasures of Christian Art in Bulgaria* / V. Pace (ed.). Rome, 2001.
- Wulff 1909: *Wulff O.* Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. T. 1: Altchristliche Bildwerke. Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epoche. Bd. 3. Berlin, 1909.

Wulff 1911: *Wulff O.* Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. T. 2: Mittelalterliche Bildwerke. Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epoche. Bd. 3. Berlin, 1911.

Zalesskaya 1981: *Zalesskaya V. N.* Objets d'art melkites de la deuxième moitié du onzième siècle // Actes du XV Congrès international d'études byzantines. T. II: Art et archéologie. Athènes, 1981. P. 933—938.

Zalesskaya 1995: *Zalesskaya V. N.* Quelques bronzes byzantins à Chersonèse (les liens avec l'Asie Mineure et les Balkans aux XII—XIV siècles) // Byzantine East, Latin West. Art-historical studies in honor of K. Weitzmann / Ch. Moss, K. Kiefer (eds.). Princeton, 1995. P. 669—673.

Συλλογή 2001: Συλλογή Γεωργίου Τσολοζίδη. Το Βυζάντιο με τη ματιά ενός συλλέκτη. Αθήνα, 2001.

Σωτηρίου 1935: *Σωτηρίου Γ.Α.* Τα βυζαντινά μνημεία της Κύπρου (Λεύκωμα). Αθήνα, 1935.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск/Екатеринбург
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России. Полтава
ВВ	— Византийский временник. СПб.; М.
ВУАН	— Всеукраинская Академия наук. Киев
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГРМ	— Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия. Санкт-Петербург/Петроград
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
НА ИИМК РАН	— Научный архив ИИМК РАН
РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
ФО НА ИИМК РАН	— Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН
КИМ	— Киевский исторический музей (1950—1965). Киев
КГИМ	— Киевский государственный исторический музей. Киев
НЗ «ХТ»	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь
НМИУ	— Национальный музей истории Украины. Киев
НТШ	— Наукове товариство ім. Шевченка. Львів
РАИК	— Русский археологический институт в Константинополе. Стамбул
САИ	— Свод археологических источников. Москва
СА	— Советская археология. Москва
ТД	— Тезисы докладов
ЦГИАУ	— Центральный государственный исторический архив Украины. Киев

SUMMARY

Introduction. Over the one hundred-year period scholars use the terms Syrian, Syrian/Palestinian and Middle-East crosses, and the crosses of the Holy Land as a general definition for a very large group of various Byzantine pendant crosses-reliquaries. The history of Khanenko's "Syrian collection" also counts up more than one hundred years starting from the moment of its appearance in the Russian Empire (today it is stored in the National Museum of the History of Ukraine). According to his contemporaries, Bogdan Khanenko, a well-known collector and an art patron, purchased the collection from a certain engineer who had been working at railway construction in Damascus (before 1914). The collection primarily consisted of the crosses which immediately came into science as the "Syrian" ones [Кондаков 1915: 104; Петров 1915: 25—26].

The idea that the tradition of making crosses-reliquaries cast in copper for pilgrims is of Syrian/Palestinian origin emerged in the early period of studying of these crosses [Dalton 1901; Strzygowski 1904; Wulff 1909—1911; Bock 1906; Кондаков 1914; Миятев 1922; King 1928]. Over a long-term period the idea remained incontestable as there wasn't any special research in this sphere until the second half of the 20th century. It was one of the main reasons for a widely accepted dating assumption of crosses of this type — the 6th century and the beginning of the 7th century, i.e. the period before the Arab conquest of the Holy Places — it was a wrong date as it turned out later. In the late 1950s this date became disputable, and at the turn of the 20th and 21st centuries it became apparent that the pendant crosses-reliquaries had appeared on the territory of the Byzantine Empire only in the 9th century and were widely used in the 10th and the 11th centuries; they gradually disappeared in the 12th and the 13th centuries. New conceptions about the origin and development of this tradition started to gain ground largely due to the increase in archaeological findings of the crosses dated by accompanying coins primarily within the territory of Bulgaria. The beginning of the 21st century was marked by publications of two outstanding research works — catalogues of Byzantine pendant crosses by B. Pitarakis and by L. Doncheva-Petkova [Pitarakis 2006; Дончева-Петкова 2011].

The new research of the collected materials does not only specify the chronological framework of this phenomenon showing its diversity. They open up the possibility to define plainly two groups of crosses-reliquaries in such a variety: (1) crosses with traditional iconography of the Crucifixion with (and without) the Mother of God and John the Evangelist on the first leaf and the Mother of God in an orans pose with (or without) four Evangelists on the second leaf; (2) crosses with non-traditional iconography of very schematic and even rough images of the Virgin Mary and the Child and the Virgin Mary Orans, various Saints in an orans pose, and crosses and cross-shaped designs. The findings of crosses of the first group are ubiquitous ones and their derivative local iconographic variants are found predominantly in the Balkan-Danube Region. The findings of crosses of the second group are distributed mainly over the territories of the Eastern provinces of Byzantium of the end of the 10th century and the 11th century in the Asia Minor and, to a lesser degree, in the Syrian/Palestinian Region; in many cases they are found in the European part of the Empire. On the generalized distribution map of crosses-reliquaries compiled by B. Pitarakis, the Syrian/Palestinian Region is distinguished by a very low density of findings [Pitarakis 2006: fig. 78]. Giving the new date of crosses-reliquaries, such situation casts doubts on the idea of the consolidated Syrian/Pale-

stinian origin of Byzantine crosses-reliquaries. And a small number of findings of crosses-reliquaries in the Syrian/Palestinian Region makes it impossible to talk about their specificity. Therefore, we consider this region to be only a part of the single Middle-East area of findings of crosses-reliquaries.

The idea of the Constantinopolitan origin of the crosses-reliquaries of the first group (with a traditional iconography) and the Middle-East origin of the crosses-reliquaries of the second group (with a non-traditional schematic images of Saints and cross-shaped designs) seems more promising as of today. In this particular case, the Middle East means only Asia Minor provinces of Byzantium along with adjoining territories of the Syrian/Palestinian Region rather than the Middle East in a broad sense. Not all researchers accept the new insights in the origin of pendant crosses-reliquaries; nevertheless, the recent publications contain more relevant term — “Byzantine” crosses-reliquaries — instead of the term “Syrian/Palestinian” crosses-reliquaries.

Founders of the collection and its history. The foundation of two museums in Kiev is connected with the names of Bogdan Khanenko and Varvara Khanenko, the well-known collectors and art patrons of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, owners of the “Syrian collection.” Since 1899 till 1904, Bogdan Khanenko spent much effort and money in creation of the first publicly accessible museum in Kiev — “Kiev Art/Industrial and Scientific Museum Named after the Emperor Nikolay Aleksandrovich.” According to Bogdan Khanenko’s testament compiled a month before his death (on May 26, 1917), his large personal collection of masterpieces of domestic and world painting, sculpture and decorative and applied arts, stored in Khanenkos’ private residence in Kiev, was also transferred to the city of Kiev providing that the Museum would have the official name — “Khanenko’s Collection” and that the collection would be stored in its entirety. Pursuant to the same testament, he transferred his capital to the Kiev Art/Industrial and Scientific Museum. However, in April of 1924, shortly after the death of Varvara Khanenko (on May 7, 1921), the Museum of Arts Named after Bogdan Khanenko and Varvara Khanenko was deprived of the names of its founders “because of a lack of Khanenko’s revolutionary merits”⁸⁷. Both museums were reorganized, and their collections were redistributed among the city’s museums.

The “Syrian collection” was transferred to the Arts/Industrial Museum at the time when its owners were alive; after the reorganization of the museum the collection was transferred to the Central Historical Museum (today the National Museum of the History of Ukraine). The research showed that the crosses were then separated from the “Syrian collection” and temporary returned to the Khanenko’s Museum to be prepared for publication in the third issue of the Album “Древности русские. Кресты и образки” (“Russian Antiquities. Crosses and Small Icons”) (two issues of the Album were published in 1899—1900). In the process of preparation of the publication the crosses from the “Syrian collection” were combined with the crosses purchased by Khanenko earlier including those of the Ancient Rus origin. In 1937, in such combined version — sewn on cardboard sheets — they were given back to the Historical Museum and added to the “Syrian collection.” Many crosses were lost during the World War II. It would be possible to define a full list of crosses on the basis of glass negatives once prepared for publication of the third

⁸⁷ Khanenko’s name was returned to the museum only in 1998. Now it is the National Museum of Arts Named after Bogdan Khanenko and Varvara Khanenko.

issue of the Album and now stored in personal archive of N.Teteriatnikova in the USA. But they remain unpublished.

Collection specification. Khanenko's collection is functionally divided into two groups of crosses: pendant crosses related to personal godliness (No. 1—61) and liturgical crosses which were used in liturgical practice and as the elements of church decoration (No. 62—70). The basis of the collection primarily consists of pendant crosses-reliquaries (No. 1—52) and pendant crosses with single-surface images (No. 53—57) and pendant crosses (No. 58—61). Liturgical crosses (the second group) are represented by detached fragments of processional crosses (No. 63—64) and the crosses which presumably decorated liturgical vessels, books and *choroses* (chandeliers) (No. 62, 65, 66). The group includes also four processional crosses (No. 67—70); they are not related to the "Syrian collection", but were a part of Khanenko's collection (Annex I). The Byzantine crosses of the unknown origin from NMHU's collection, which are included in the annex to the basic catalogue, are represented only by pendant crosses of the first group: crosses-reliquaries (№ 71—80) and crosses with single-surface images (No. 81—82) (Annex II).

The crosses-reliquaries with non-traditional (deep-graved and slight-graved) images, which were characteristic primarily of the Byzantine cult sculpture of the Middle-East range, constitute the most interesting and outstanding part of the collection. This group of crosses remains the least understood one; introduction of the new distinctive and unique materials into scientific use will encourage further in-depth study of this group.

Particular emphasis should be placed on the crosses which hold the greatest interest for researchers of Christian culture of Ancient Rus. The introduction of the previously unknown findings of processional crosses, which were used in a liturgical practice of Ancient Rus (No. 68—69), into scientific use is of particular importance. The same holds true for the findings of exceptionally rare forms of those Byzantium-shaped crosses-reliquaries produced in the Balkan/Danube Region and probably in Rus at the end of the 10th century and in the 11th century (No. 48, 50, 52, 76). Of special interest among them is the form (No.50) used as a prototype for one of the variants of pendant crosses with the Crucifixion widely distributed mainly in Rus and Scandinavia. All these open up the new possibilities to understand the processes of formation of traditions of Ancient Rus cult sculpture that were developed in the twilight of Byzantine tradition.

Conclusion. Over decades, scholars knew Khanenko's "Syrian collection" only by brief information from N. Kondakov and N. Petrov; researchers cherished the hope to find the standard samples of Syrian Christian metal sculpture in the collection. Direct analyses of the collection, especially its Christian part, show that its content represents a whole variety of Byzantine crosses, on the one hand, and contains a great number of the crosses with deep-graved and slight-graved images, on the other hand; such crosses may really become the standard ones for solving the problem. However, the integrity of collection was damaged at the very beginning of its museum history. Therefore, instead of regarding this collection as the standard one, we consider it to be the collection of Byzantine crosses — unique in its diversity — that significantly adds to the data bank of sources for studying Byzantine Christian metal sculpture and Ancient Rus Christian metal sculpture, closely tied to the Byzantine one.

Translated by Yu.Oleynik

РЕЗЮМЕ

Вступ. Сирійські, сирійсько-палестинські, близькосхідні та хрести Святої землі — всі ці назви вже понад сто років використовуються вченими як загальне визначення для дуже великої групи різноманітних візантійських нагрудних хрестів-релікваріїв. Історія «сирійської колекції» Ханенків, з моменту з'явлення її в Російській імперії, також нараховує понад сто років (нині вона зберігається в Національному музеї історії України у Києві). Як свідчать сучасники, велика колекція різноманітних предметів була придбана відомим київським колекціонером і меценатом Б. І. Ханенком у інженера, який працював на будівництві залізниці в Дамаску (до 1914 року). Значну її частину склали хрести, що відразу увійшли в науку як «сирійські» [Кондаков 1915:104; Петров 1915: 25-26].

Ідея сирійсько-палестинського походження традиції виготовлення мідноливарних хрестів-релікваріїв для паломників виникла ще на початку їх вивчення [Dalton 1901; Strzygowski 1904; Wulff 1909—1911; Bock 1906; Кондаков 1914; Миятев 1922; King 1928]. Упродовж тривалого часу вона залишалась незаперечною, оскільки до другої половини ХХ ст. спеціальних досліджень в цій сфері не проводилося. Така ідея значною мірою обумовила широко розповсюджене і, як з'ясувалося пізніше, неправильне датування виникнення хрестів цього типу VI—початком VII ст., тобто часом до арабського завоювання Святих місць. Наприкінці 50-х років ХХ ст. щодо такого датування виникли певні сумніви, а на рубежі ХХ/ХХІ ст. стало очевидним, що нагрудні хрести-релікварії з'являються на території Візантійської імперії лише в ІХ ст. і широко розповсюджуються в Х—ХІ ст., а в ХІІ—ХІІІ ст. їх поширення поступово припиняється. Нові уявлення про виникнення і розвиток цієї традиції з'явилися насамперед завдяки значному збільшенню кількості археологічних знахідок хрестів, датованих супровідними монетами, переважно на території Болгарії. Початок ХХІ ст. означився публікацією двох великих досліджень — каталогів візантійських нагрудних хрестів, розробленими Б. Пітаракіс і Л. Дончевою-Петковою [Pitarakis 2006; Дончева-Петкова 2011].

Нові дослідження накопичених матеріалів не лише уточнюють хронологічні рамки цього явища і максимально розкривають його різноманіття. Вони дозволяють чітко побачити в цьому різноманітті дві групи хрестів-релікваріїв: (1) хрести з традиційною іконографією Розп'яття з предстоячими (або без них) на одній стулці і Богородиці в позі оранти з чотирма євангелістами (або без них) на другій; (2) хрести з нетрадиційною іконографією дуже схематичних, навіть умовних зображень Богородиці з Немовлям, Богородиці в типі оранти, різних святих в позі орантів, а також хрестів хрестоподібних композицій. Знахідки хрестів першої групи розповсюджені всюди, а похідні від них локальні іконографічні варіанти хрестів — переважно в Балкано-Дунайському регіоні. Знахідки хрестів другої групи розповсюджені переважно на території східних провінцій Візантії кінця Х—ХІ ст. в Малій Азії і, менше, в Сирійсько-Палестинському регіоні; нерідко вони зустрічаються і в європейській частині імперії. На зведеній мапі розповсюдження хрестів-релікваріїв, складеної Б. Пітаракіс, Сирійсько-Палестинський регіон вирізняється невеликою насиченістю знахідками [Pitarakis 2006: fig. 78]. Ця обставина, разом з новим датуванням хрестів-релікваріїв, ставить під сумнів ідею єдиного сирійсько-палестинського походження візантійських хрестів-релікваріїв. А незначна кількість знахідок хрестів-релікваріїв в Сирійсько-

Палестинському регіоні не дозволяє говорити про його специфіку. Тому ми розглядаємо цей регіон лише як частину близькосхідного ареалу знахідок хрестів-релікваріїв.

Сьогодні найбільш перспективною є ідея константинопольського походження хрестів-релікваріїв першої групи (з традиційною іконографією) і близькосхідного походження хрестів-релікваріїв другої групи (з нетрадиційними схематичними зображеннями святих і хрестоподібних композицій). Під Близьким Сходом у даному випадку ми розуміємо лише малоазійські провінції Візантії разом з прилеглими до них землями Сирійсько-Палестинського регіону, а не увесь Близький Схід в його широкому значенні. Новий погляд на походження нагрудних хрестів-релікваріїв нині поділяють не всі дослідники, однак у публікаціях останніх років для хрестів-релікваріїв обох груп дедалі частіше використовується загальніша і більш коректна назва — «візантійські», а не «сирійсько-палестинські».

Фундатори колекції та її історія. З ім'ям власників «сирійської колекції» — Богдана Івановича та Варвари Николівни Ханенків, відомих колекціонерів і меценатів другої половини XIX—початку XX ст., — пов'язане створення в Києві двох музеїв. У 1899—1904 рр. Б. І. Ханенко віддав багато сил та коштів для створення в місті першого загальнодоступного музею, який отримав назву «Київський художньо-промисловий і науковий музей імені государя імператора Миколая Олександровича». Найбагатше приватне художнє зібрання творів вітчизняного і світового живопису, скульптури, декоративно-прикладного мистецтва, яке розташовувалось у київському особняку подружжя Ханенків, згідно заповіту Богдана Івановича, складеного за місяць до його смерті (26 травня 1917 р.), також було передане місту Києву за умови, що музей повинен мати офіційну назву «Зібрання Ханенка» і зберігати цілісність колекції. Виходячи з того ж заповіту, свої капітали Ханенко передавав Київському художньо-промислому і науковому музею. Однак незабаром після смерті Варвари Николівни Ханенко (7 травня 1921 р.) у квітні 1924 р. Музей мистецтв ім. Б. І. і В. Н. Ханенко був позбавлений імен своїх засновників «ввиду полного отсутствия за Ханенко революционных заслуг»⁸⁸. Обидва музеї підлягали реорганізації, а колекції були розподілені між музеями міста.

«Сирійська колекція» ще за життя її власників була передана в Художньо-промисловий музей, а після його реорганізації надійшла в Центральний історичний музей (нині Національний музей історії України). Однак хрести, як було встановлено в ході дослідження, майже відразу були вилучені із складу «сирійської колекції» і тимчасово повернуті в музей Ханенків для підготовки до публікації у III випуску альбому «Древности русские. Кресты и образки» (перші два випуски були опубліковані в 1899—1900 рр.). В ході підготовки видання, яке так і не вийшло, хрести з «сирійської колекції» було поєднано з хрестами, придбаними подружжям Ханенків раніше, в тому числі і давньоруськими за походженням. В такому змішаному складі, нашитими на планшети, вони були повернуті в Історичний музей в 1937 р. і приєднані до «сирійської колекції». Внаслідок втрат, які зазнав музей під час Другої світової війни, на теперішній час збереглися не всі хрести. Повний склад хрестів із зібрання Ханенків можна було б установити завдяки збереженим скляним негативам, підготовленими до видання III випуску альбому, які тепер знаходять-

⁸⁸ Імена Ханенків повернули музею лише 1998 р. Тепер це Національний музей мистецтв імені Богдана і Варвари Ханенків.

ся в особистому архіві Н. Б. Тетерятнікової в США. Однак вони поки що не опубліковані.

Характеристика колекції. У складі колекції Ханенків функціонально вирізняються дві групи хрестів, що пов'язані з особистим благочестям (№№ 1—61), і богослужбні хрести, які використовувались в літургійній практиці, а також як елементи церковного убранства (№№ 62—70). Основу колекції складають хрести першої групи, що складається переважно з хрестів-релікваріїв (№№ 1—52), нагрудних хрестів з однією бічною зображенням (№№ 53—57) і натільних хрестів (№№ 58—61). Хрести літургійного призначення (друга група) представлені поодинокими фрагментами процесійних хрестів (№№ 63—64) і хрестами, якими, очевидно, прикрашали літургійний посуд, книги, хороси (№№ 62, 65, 66). До цієї ж групи належать ще чотири процесійні хрести (№№ 67—70), що не мали відношення до «сирійської колекції», але входили у зібрання Ханенків (Додаток I).

Найбільш цікавою і яскравою частиною колекції є хрести-релікварії, що становлять більшу її частину, з нетрадиційними, глибоко або легко врізаними, зображеннями, характерними передусім для візантійської культурної пластики близькосхідного кола. Ця група хрестів досі залишається найменш вивченою, і введення в науковий обіг нових, дуже яскравих і своєрідних, матеріалів повинно сприяти її подальшому поглибленому дослідженню.

Особливо слід виділити хрести, що становлять великий інтерес для дослідників давньоруської християнської культури. Велике значення має введення в науковий обіг невідомих раніше знахідок візантійських процесійних хрестів, які використовувались у літургійній практиці Давньої Русі (№№ 68-69), а також виявлення виключно рідкісних моделей хрестів-релікваріїв візантійського образу, створених у Балкано-Дунайському регіоні, а можливо і на Русі, наприкінці X—XI ст. (№№ 48, 50, 52, 76). Серед них особливо цікава модель (№ 50), що стала прототипом для одного з варіантів натільних хрестів з Розп'яттям, широко розповсюджених передусім на Русі і в Скандинавії. Це відкриває нові можливості для розуміння процесу становлення традицій давньоруської культурної пластики, яка розвивалася в руслі візантійської традиції.

Висновки. «Сирійська колекція» Ханенків, відома впродовж десятиліть спеціалістам за короткими згадуваннями Н. П. Кондакова і М. І. Петрова, зароджувала у дослідників надію знайти в ній еталонні зразки сирійської християнської металопластики. Безпосереднє звернення до колекції, вивчення її християнської частини, показало, що в її складі, з одного боку, відображено все різноманіття візантійських хрестів, а з другого боку, є велика кількість хрестів з характерними глибоко або легко врізаними зображеннями, які справді можуть стати еталонними при вирішенні даного питання. Однак цілісність колекції була порушена майже на самому початку її музейної історії. Тому ми розглядаємо цю колекцію не як зразкову, а як рідкісне по різноманітності зібрання візантійських хрестів, що суттєво поповнює базу джерел для вивчення візантійської і тісно пов'язаною з нею давньоруською християнською металопластикою.

Переклад Ю.М. Олійника

CONTENTS

Acknowledgments	5
Introduction	7
Founders of the collection and its history	15
Collection specification	31
Conclusion	56
Catalogue.	59
Archival sources	198
Bibliography.	199
Abbreviations	214
Summary	215
Резюме	218

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов.	5
Введение.	7
Создатели коллекции и ее история.	15
Характеристика коллекции	31
Заключение	56
Каталог.	59
Архивные источники	198
Литература	199
Список сокращений	214
Summary	215
Резюме	218

**АННА АНИСИМОВНА ПЕСКОВА
ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА СТРОКОВА
ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ВИЗАНТИИ
В «СИРИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Б. И. и В. Н. ХАНЕНКО**

научное издание

ISBN 978-5-85803-453-7

Ответственный редактор — *О. И. Трофимова*
Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Художник — *Т. В. Прохорова*
Фотографии — *В. В. Капитанов, Д. В. Клочко, А. М. Стрельчук*
Компьютерная обработка иллюстраций — *М. В. Панченко, Ю. А. Белан*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 02.12.2012
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70×100¹/₁₆. Объем 20 усл.-печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3444

PRINTED IN RUSSIA

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of ‘Uthman»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу «Коран Усмана»).

По итогам конкурса «Книга года-2007» в номинации «Осенняя хризантема» в шорт-лист лучших изданий о Китае вошла книга «Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова».

В 2008 году издательство снова стало лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за издание первого дафтара поэмы «Маснави» великого персидского поэта Джалал ад-дина Руми.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские издания.